

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2687-0223

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСТВА

COMPREHENSIVE CHILD STUDIES

T. 3 № 1 2021

Vol. 3 No. 1 2021

1797

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2687-0223 (online)
kid-journal.ru
<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1>
2021. Том 3, № 1
2021. Vol. 3, no. 1

Комплексные исследования детства Comprehensive Child Studies

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 74252,
выдано Роскомнадзором 09.11.2018
Рецензируемое научное издание
Журнал открытого доступа
Учрежден в 2018 году
Выходит 4 раза в год
16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 – 74252,
issued by Roskomnadzor on 9 November 2018
Peer-reviewed journal
Open Access
Published since 2018
4 issues per year
16+

Редакционная коллегия

Главный редактор

А. Г. Гогоберидзе (Санкт-Петербург, Россия)

Заместитель главного редактора

Е. И. Николаева (Санкт-Петербург, Россия)

Т. А. Барышева (Санкт-Петербург, Россия)

А. Н. Веракса (Москва, Россия)

Н. Е. Веракса (Москва, Россия)

Дайна Войта (Рига, Латвия)

Е. В. Воробьева (Ростов-на-Дону, Россия)

О. А. Граничина (Санкт-Петербург, Россия)

И. Т. Димитров (София, Болгария)

Г. Р. Доброва (Санкт-Петербург, Россия)

Марк Лейкин (Хайфа, Израиль)

С. Б. Малых (Москва, Россия)

К. Э. Мартинсоне (Рига, Латвия)

В. А. Погосян (Санкт-Петербург, Россия)

О. М. Разумникова (Новосибирск, Россия)

А. А. Реан (Москва, Россия)

А. А. Стреленко (Витебск, Республика Беларусь)

А. В. Торхова (Минск, Республика Беларусь)

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Объем 2,75 Мб

Подписано к использованию 23.04.2021

При использовании любых фрагментов ссылка
на журнал «Комплексные исследования детства»
и на авторов материала обязательна.

Editorial Board

Editor-in-chief

Alexandra G. Gogoberidze (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Elena I. Nikolaeva (St Petersburg, Russia)

Tamara A. Barysheva (St Petersburg, Russia)

Alexander N. Veraksa (Moscow, Russia)

Nikolay E. Veraksa (Moscow, Russia)

Daina Voita (Riga, Latvia)

Elena V. Vorobieva (Rostov-on-Don, Russia)

Olga A. Granichina (St Petersburg, Russia)

Ivan T. Dimitrov (Sofia, Bulgaria)

Galina R. Dobrova (St Petersburg, Russia)

Mark Leikin (Haifa, Israel)

Sergey B. Malykh (Moscow, Russia)

Kristina E. Martinsone (Riga, Latvia)

Viktorya A. Pogosyan (St Petersburg, Russia)

Olga M. Razumnikova (Novosibirsk, Russia)

Artur A. Rean (Moscow, Russia)

Anna A. Strelenko (Vitebsk, Belarus)

Anna V. Torkhova (Minsk, Belarus)

Publishing house of Herzen State Pedagogical
University of Russia
48 Moyka Emb., St Petersburg, Russia, 191186
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Published at 23.04.2021

The contents of this journal may not be used in any way
without a reference to the journal “Comprehensive Child
Studies” and the author(s) of the material in question.

Редактор *В. М. Махтина*

Редактор английского текста *А. С. Самарский*

Корректор *А. Ю. Гладкова*

Оформление обложки *О. В. Рудневой*

Верстка *А. М. Ходан*

Санкт-Петербург, 2021

© Российский государственный

педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные статьи	4
<i>Рябова Т. Б.</i> О тематическом выпуске	4
Статьи	5
<i>Смаль С. В.</i> Государственная политика защиты детства: региональные особенности на примере Социального кодекса Санкт-Петербурга	5
<i>Фролова Ю. Н.</i> Образ возраста как инструмент политического маркетинга: анализ российских проправительственных СМИ	13
<i>Клещенко А. А.</i> «Поколенческий разрыв» в дискурсе современных российских либеральных медиа	23
<i>Панкратова Е. В.</i> Мотивация протестного политического участия молодого и старшего поколений в представлениях россиян (на материале интервью)	38
<i>Пашковский Е. А.</i> Политические аспекты конфликта поколений в материалах правых российских и польских СМИ 2019–2020 года	48
<i>Рябова Т. Б.</i> Возраст власти? «Воображаемые поколения» и доверие к политикам в социальных представлениях современных россиян	59
<i>Рябов О. В.</i> Символ детства и конструирование образа «врага номер один» в советском и американском кинематографе холодной войны	69
Новости научной жизни	82
<i>Ковшенин А. Д.</i> Самопрезентация детей в цифровой среде. Литературный обзор	82

CONTENTS

Editorial articles	4
<i>Riabova T. B.</i> About the special issue.....	4
Articles	5
<i>Smal S. V.</i> Regional dimension of state child protection policy: The case of the Social Code of Saint Petersburg.....	5
<i>Frolova Yu. N.</i> Image of age as a political marketing tool: The analysis of Russian pro-government media.....	13
<i>Kleshchenko L. L.</i> “Generation gap” in the discourse of liberal media in contemporary Russia.....	23
<i>Pankratova E. V.</i> Motivation for participation of the younger and older generations in political protests as viewed by Russians (based on interview material).....	38
<i>Pashkovskii E. A.</i> Political aspects of the generational conflict in the materials of right-wing Russian and Polish media in 2019–2020.....	48
<i>Riabova T. B.</i> The “age of power”: The imagined generations and the trust to politicians in the contemporary Russians’ social views.....	59
<i>Riabov O. V.</i> The symbol of the childhood and constructing the image of the “enemy number one” in the Soviet and US Cold War films.....	69
Academic news and updates	82
<i>Kowschenin A. D.</i> Self-presentation of children in the digital environment. Literary review of research articles on the topic.....	82

О тематическом выпуске

Уважаемые коллеги!

Специальный выпуск журнала, объединивший усилия политологов и социологов, посвящен проблеме возраста как фактора политики. «Неразумные дети», «немогущие старики», другие апелляции к возрасту политических акторов и их сторонников нередко становятся аргументом в политической риторике. В современной политике данный фактор приобретает особое значение; это обусловлено и остротой «поколенческого разрыва», и активным участием молодежи, в том числе несовершеннолетних, в протестной активности, что интенсифицирует вовлечение в политический дискурс образов, связанных с возрастом.

Статьи, представленные в данном выпуске, рассматривают различные аспекты политизации возраста: «поколенческий разрыв» в политическом дискурсе СМИ различной идеологической ориентации; влияние возраста политиков на доверие к ним со стороны избирателей; эксплуатация образа возраста в политическом маркетинге; социальные представления россиян о том, как возрастные характеристики влияют на участие в протестном движении; отношение в российском обществе к участию в политике несовершеннолетних; государственная политика в сфере защиты детства; использование символа детства в конструировании образа врага.

Исследования подготовлены в рамках проекта «“Поколенческий разрыв” в легитимации и делегитимации власти в современной России: политический дискурс и общественное мнение», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований и Экспертным институтом социальных исследований (№ 20-011-31716).

*Татьяна Борисовна Рябова,
доктор социологических наук,
профессор РГПУ им. А. И. Герцена*

УДК 323.213

<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-5-12>

Государственная политика защиты детства: региональные особенности на примере Социального кодекса Санкт-Петербурга

С. В. Смаль^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Светлана Владимировна Смаль,
SPIN-код: 1434-8306,
ORCID: 0000-0003-1924-8914,
e-mail: SmalSvetlana@gmail.com

Для цитирования:

Смаль, С. В.
(2021) Государственная политика
защиты детства: региональные
особенности на примере
Социального кодекса
Санкт-Петербурга. *Комплексные
исследования детства*, т. 3, № 1,
с. 5–12.

<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-5-12>

Получена 14 декабря 2020;
прошла рецензирование
17 декабря 2020; принята
17 декабря 2020.

Права: © Автор (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Проблемы, связанные с множеством трудностей на пути появления «новых граждан» (подразумеваются, прежде всего, новорожденные), равно как и возможные варианты решения этого вопроса, представляют сложность для любой страны и на каждой из стадий государственного развития. Это многогранный комплекс направлений государственной политики, включающий как демографический, так и социальный компоненты, а также охватывающий и сам процесс принятия политических решений в социальной сфере.

В России этот в целом и так нелегкий процесс сопровождается своими особенностями: вертикализированным принятием политических решений, редуцированной обратной связью и значительным патернализмом конечных потребителей разнообразных социальных услуг.

В статье предметно рассматривается специфика защиты детства в контексте реализации государственной политики в социальной сфере. Так, выявлено, что на региональном уровне помощь оказывается на принципах всеобщности и доступности, однако только категориям детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, а именно «детям-сиротам», «детям, оставшихся без попечения родителей» и «детям, переданным на попечительство», «инвалидам с детства», «детям с туберкулезной интоксикацией» и «детям, страдающим заболеванием целиакия», а также «детям из малообеспеченных семей» и некоторым другим категориям. Отметим, что меры поддержки просто «детей работающих граждан» также предусмотрены и, как правило, оказываются односторонне; например, предусмотрена мера поддержки, дублирующая существующую выплату федерального уровня, выплачиваемая собственно при рождении первого ребенка и последующих детей.

В целом в статье рассматриваются модели социальной политики, социального государства и государственной политики в социальной сфере и выявляется их взаимосвязь, а также обосновывается характерный для современной Российской Федерации смешанный подход как в отношении моделей социального государства, так и в реализации социальной политики.

Региональный аспект государственной политики защиты детства анализируется на примере города федерального значения Санкт-Петербурга. При помощи проведенного контент-анализа текста Социального кодекса Санкт-Петербурга постулируется особая роль государства как в демографической, так и в социальной политике, подчеркивается роль региональных властей в поддержке и развитии детства как многогранного и требующего особого изучения феномена.

Ключевые слова: государственная политика, защита детства, социальная политика, Социальный кодекс, региональные особенности, Санкт-Петербург.

Regional dimension of state child protection policy: The case of the Social Code of Saint Petersburg

S. V. Smal✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Svetlana V. Smal,
SPIN: 1434-8306,
ORCID: 0000-0003-1924-8914,
e-mail: SmalSvetlana@gmail.com

For citation:

Smal, S. V.
(2021) Regional dimension of state
child protection policy: The case
of the Social Code of Saint
Petersburg. *Comprehensive Child
Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 5–12.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-5-12>

Received 14 December 2020;
reviewed 17 December 2020;
accepted 17 December 2020.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
License 4.0.

Abstract. Child protection encompasses multifaceted issues which are difficult to address by any country and at any stage of state development. Child protection is a sphere of government policy that includes demographic and social components as well as political decision-making.

In Russia, child protection, which is by itself a difficult process, is further complicated by national specifics — such as verticalized political decision-making, reduced feedback, and significant paternalism which the end users of social services expect from the state.

The article examines the specifics of child protection in the context of the state policy in the social sphere. We found that regional child protection measures are carried out based on such principles as universality and accessibility, but the use of such principles is only limited to those children who are in a difficult situation. However, there are also support measures for ordinary “children of working citizens” — these are, as a rule, one-time measures, such as the regional one-time payment which is made at the birth of the first and subsequent children and duplicates the same payment from the federal government.

The article examines the models of social policy, welfare state and state policy in the social sphere and reveals the relationship between these models. The author substantiates the mixed approach which is adopted in contemporary Russia in respect of the models of welfare state and in the implementation of social policy.

The author uses the case of Saint Petersburg to analyze the regional dimension of state child protection policy. The article contains a content analysis of the text of the Social Code of Saint Petersburg. It also postulates a special role of the state in both demographic and social policy. The author stresses the special role of regional authorities in the support and development of childhood as a multifaceted phenomenon requiring special study.

Keywords: state policy, child protection, social policy, Social Code, regional specifics, Saint Petersburg.

Введение

Исследование детства имеет ярко выраженный междисциплинарный характер. Так, огромное влияние имеет комплекс психологических (Обухова, Корепанова 2010) и педагогических подходов (Фельдштейн 2010), в рамках которых дети анализируются как субъекты поведения (Акулова, Атарова, Бабаева и др. 2019; Гогоберидзе, Николаева, Савинова 2018); отдельным, крайне любопытным, прикладным направлением является детство как объект социологического изучения (Ображей 2012; Филипова 2016 и др.). Междисциплинарные и межотраслевые связи изучения детства в гуманистическом срезе (Гуркина, Колосова 2013; Филипова 2016), междисциплинарный подход к изучению понятия «детство» (Разварина 2017), а также отдельные исследования, посвященные изучению

виктимизации детей в городской среде (Вишневецкий 2012; Bogolyubova 2015), дополняют целостную картину изучения детства как многогранного явления.

В целом феномен детства представляется целесообразным изучать, применяя заимствованную из гендерных разработок «теорию пересечений» (Майорова-Щеглова, Колосова 2018), однако в рамках данного текста будет использован главным образом институциональный подход, позволяющий определить механизмы реализации государственной политики в такой узвизимой области, как защита детства.

Политико-юридические основания исследуемого феномена, однако, формулируются гораздо шире, а именно как совокупное «материнство, отцовство и детство» (Конституция РФ, ст. 38; Семейный кодекс Российской Федерации и т. д.). Соответственно, и подходов к этому явлению

существует множество (Васильева 2008; Волгин, Аверин, Берестова и др. 2011; Савина 2017 и др.), однако, ввиду небольшого объема статьи, мы ограничимся далее лишь коротким перечислением наиболее часто встречающихся из них в практическом применении.

Модели социальной политики, социального государства и государственной политики в социальной сфере

Рассмотрим (к сожалению, коротко) соотношение моделей социальной политики, социального государства и государственной политики в социальной сфере.

Так, сообразно с тремя моделями социального государства, выделенными еще в 1990 году Г. Эспинг-Андерсеном, а именно либеральной, консервативной и социал-демократической (Esping-Andersen 1990), мы выделим три подхода государства к реализации социальной политики. Первый предполагает «равномерное распределение ресурсов» (Васильева 2008) среди нуждающихся групп населения, куда мы можем отнести всех граждан, находящихся в ситуации различного рода социальных рисков, а именно безработицы, раннего или преклонного возраста, профессиональных или хронических заболеваний, а также неполной семьи (Смаль 2020). Этот подход называется уравнительно-распределительным, или «валовым», так как социальная защита реализуется без учета реальной нуждаемости реципиентов социальной помощи. Данный процесс характерен для так называемого широкого подхода к реализации социальной политики, в то время как узкий предполагает помощь только ограниченному контингенту нуждающихся лиц при условии того, что они могут доказать свою нуждаемость (Социальная защита населения... 2009). Очевидно, подобному подходу соответствует ситуативно-проектный вариант реализации государственной

политики в социальной сфере, потому как именно в этом случае государством осуществляется распределение ресурсов только по неотложным социальным запросам. Третий вариант, как в отношении реализации государственной политики, так и в плане подходов к социальной политике, можно назвать смешанным; представляется, что именно он реализуется сейчас в большинстве регионов России.

Для наглядности представим подходы и модели в виде таблицы (см. таблицу).

Далее целесообразно приступить к рассмотрению специфики субъектного уровня; мы это сделаем на примере города федерального значения Санкт-Петербурга.

Региональные особенности государственной политики защиты детства на примере Социального кодекса Санкт-Петербурга

В Российской Федерации с 2004 года стали появляться специальные законодательные акты обобщающего социального характера. Так, первый Социальный кодекс появился в Белгородской области (Социальный кодекс Белгородской области 2004), затем, в 2008 году, еще двумя пионерами выступили власти Омской и Ярославской областей. Всего на данный момент, то есть на декабрь 2020 года, Социальные кодексы действуют всего в семи регионах. Это, как уже упоминалось, Санкт-Петербург, а также Астраханская (принят в конце 2016 года), Белгородская, Волгоградская (принят в самом конце 2015 года), Ленинградская (принят в ноябре 2016 года), Омская и Ярославская области. Упомянем вскользь, что есть исследования, посвященные уже юридическим аспектам существующих Социальных кодексов (Литвинова 2019) и определяющие социально-правовую защиту детства как приоритетное направление современной государственной политики (Александров 2018), однако эвристический потенциал

Табл. Соотношение моделей социальной политики, социального государства и государственной политики в социальной сфере

Модели социального государства	Либеральная модель	Консервативная модель	Социал-демократическая модель
Подходы к реализации социальной политики	Узкий	Смешанный	Широкий
Подходы к государственной политике в социальной сфере	Ситуативно-проектный	Смешанный	Уравнительно-распределительный

изучения кодификации детства еще только предстоит раскрыть.

Укажем далее некоторые особенности, которые нашли свое отражение как в процессе, так и в результате кодификации социального законодательства на региональном уровне именно в Санкт-Петербурге.

Социальный кодекс появился в Санкт-Петербурге 9 ноября 2011 года и вступил в силу с 1 января 2012 года (Социальный кодекс Санкт-Петербурга 2012).

В 2019 году было проведено исследование отображения символа детства в Социальном кодексе Санкт-Петербурга через качественно-количественный анализ лингвоединиц «детства» (Символ детства... 2019). Результаты анализа позволили выявить, что именно социальное обеспечение детей заявляется в этом регионе как основной вектор государственной политики. Так, обращаясь непосредственно к отображению символа детства в Социальном кодексе Санкт-Петербурга, отметим следующее.

Само слово «дети» встречается в Социальном кодексе Санкт-Петербурга 66 раз — это самая часто употребляемая льготная категория, однако существует целый ряд региональных особенностей, которые мы перечислим ниже.

Первое. Постулируется, что социальная защита детей основана на принципах адресности и всеобщности, однако при этом требуется обширная доказательная база, подтверждающая и обосновывающая правомочность предоставления социальных услуг, что вступает в противоречие с вышеуказанным принципом всеобщности.

Второе. Категории детства, употребляемые в Социальном Кодексе Санкт-Петербурга, описывают главным образом нуждающихся в социальной поддержке детей. То есть в данном законодательном акте много «детей-сирот», «детей, оставшихся без попечения родителей», «инвалидов с детства» (Социальный кодекс Санкт-Петербурга 2012), и для них меры социальной помощи прописаны тщательно, однако просто «детям», из полноценных семей и не имеющим серьезных проблем со здоровьем, региональные власти помогают только лишь один раз — в момент рождения (Символ детства... 2019).

Добавим, что для получения этого вида помощи пришлось уточнить, что оба родителя юного петербуржца также являются зарегистрированными жителями города, — эти изменения были внесены в Социальный кодекс Санкт-Петербурга в 2013 году. В таком случае власти города берут на себя довольно значительные

денежные выплаты, невзирая ни на общий уровень доходов родителей, ни на то, что подобные же меры социальной поддержки дублированы на федеральном уровне (Единовременное пособие... 2020). Подобная политика, безусловно, отвечает требованиям, высказанным в Майских указах и постановлениях федерального правительства (Указ Президента № 204... 2018), но имеет ярко выраженную региональную специфику.

Третье. Рассмотрим символический аспект государственной политики защиты детства. Всех новорожденных горожан власти Санкт-Петербурга награждают медалью с символами города — это делается в момент регистрации младенца районными комитетами по делам записи актов гражданского состояния, и что интересно: девочкам медаль вручается позолоченная, а мальчикам — серебряная (Символ детства... 2019). Также все региональные выплаты на детские карты (а на первого младенца предусмотрено 32 339 рублей, при появлении второго ребенка — 43 122 рубля, при появлении третьего ребенка — 53 900 рублей (Виды и размеры денежных выплат... 2020)) осуществляются через банк с говорящим названием «Санкт-Петербург», да и сами карты также содержат символические виды города в сочетании с картиной «Мадонна Литта» кисти Леонардо да Винчи из собрания Эрмитажа (Символ детства... 2019).

Заключение

Существует убедительная связь между уровнем дохода домохозяйств и количеством рожденных детей: чем больше детей, тем ниже доход (Елизаров, Сеница 2019). Неудивительным поэтому представляется желание властей стимулировать демографические подвижки материально. В некоторых регионах — и тут Санкт-Петербург является ярким подтверждением — государственная политика в отношении детства дублирует федеральный уровень, что должно благоприятно сказываться на развитии демографического потенциала региона. Однако в Санкт-Петербурге процессы затруднены: многие будущие мамы не торопятся примерять на себя новые социальные роли, и коэффициент рождаемости в городе значительно ниже 1,7, установленного в Послании президента Совету Федерации (Послание... 2020), и составляет всего 1,15.

Какие же меры государственной политики защиты детства мы можем наблюдать в городе федерального значения Санкт-Петербурге? Перечислим некоторые из них:

1. Стимулирование, прежде всего экономическое: в городе имеются меры социальной поддержки в виде выплат для молодых мам, а именно находящихся в момент рождения первого ребенка в возрасте от 19 до 24 лет, в размере 54 189 рублей (Денежные выплаты... 2020).

2. Инфраструктурное развитие, направленное на обеспечение нужд детей, в том числе наличие больнично-поликлинического комплекса и широкой сети детских садов, кружков и секций как частного, так и государственного характера.

3. Отсутствие должной обратной связи с населением: как справедливо отмечает Т. Н. Савина, «безадресность демографической

политики снижает ее эффективность» (Савина 2017, 416), и в этом пункте представляется возможным достичь прорывного роста за счет внедрения различных цифровых технологий.

В целом, подводя итог нашего краткого и требующего значительно более плотной проработки изложения проблемы, постулируем, что процесс комплексного изучения положения детей в современном обществе, как представляется, только запущен, и тем интереснее будет работать в рамках этой темы в дальнейшем, раскрывая и анализируя многие не раскрытые в данной статье аспекты государственной политики в области защиты детства.

Источники

- Виды и размеры денежных выплат семьям, имеющим детей, назначаемых в 2020 году отделом социальной защиты населения. *Администрация Санкт-Петербурга*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_admiral/otdel-socialnoj-zashity-naseleniya/informaciya-o-igotah-i-dopolnitelnyh-merah-socialnoj-podderzhki/vidy-i-razmery-denezhnyh-vyplat-semyam-imeyushim-detej-naznachaemyh-v/ (дата обращения 01.12.2020).
- Денежные выплаты в Санкт-Петербурге различным категориям граждан в 2020 году. *Администрация Санкт-Петербурга*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/denezhnye-vyplaty-v-sankt-peterburge-razlichnym-kategoriyam-grazhdan-v/> (дата обращения 01.12.2020).
- Единовременное пособие при рождении ребенка. *КонсультантПлюс*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83400/b5db1cba6790fba52a5de88b2ea70faaf25f7fbd/ (дата обращения 01.12.2020).
- Новый текст Конституции РФ с поправками от 2020 г. *Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения 01.12.2020).
- Послание Президента Федеральному Собранию. (2020) *Президент России*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения 01.12.2020).
- Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020)*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/f688669b9e3b36e556014fc5e4cc88223df202a2/ (дата обращения 01.12.2020).
- Социальный кодекс Санкт-Петербурга (с изменениями на 18 июня 2020 года) (редакция, действующая с 1 сентября 2020 года)*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2020/09/30/06/Socialnii_kodeks_SPB_red_18.06.2020_dei_01.09.2020.pdf (дата обращения 01.12.2020).
- Социальный кодекс Белгородской области (с изменениями на 26 декабря 2020 года). Закон Белгородской области от 28 декабря 2004 г. № 165*. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=103019496&backlink=1&nd=103017408> (дата обращения 26.02.2021).
- Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 01.12.2020).

Литература

- Акулова, О. В., Атарова, А. Н., Бабаева, Т. И. и др. (2019) *Развитие ребенка дошкольного и младшего школьного возраста как субъекта поведения*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 355 с.
- Александров, А. Ю., Тасаков, С. В., Иванова, Е. В. и др. (ред.). (2018) *Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики. Сборник материалов международной научно-практической конференции (Чебоксары, 13–14 апреля 2018 г.)*. Чебоксары: Изд-во Чувашского университета им. И. Н. Ульянова, 748 с.
- Васильева, Е. Г. (2008) «Социальное государство» и новая модель социальной политики в России. *Власть*, № 11, с. 27–31.
- Вишневецкий, К. В. (2012) Виктимность несовершеннолетних и проблемы социализации личности. *Теория и практика общественного развития*, № 9, с. 265–270.

- Волгин, Н. А., Аверин, А. Н., Берестова, Л. И. и др. (2011) *Социальная политика в современной России: анализ, оценки, взгляд в будущее*. М.: Проспект, 776 с.
- Гогоберидзе, А. Г., Николаева, Е. И., Савинова, Л. Ю. (2018) Разработка подхода к экспериментальному исследованию субъективного восприятия детьми себя и окружающего мира. *Психологическая наука и образование*, т. 23, № 5, с. 5–12. <https://www.doi.org/10.17759/pse.2018230501>
- Гуркина, О. А., Колосова, Е. А. (2013) К вопросу об актуальности изучения детства в социологии. *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*, № 2 (103), с. 149–157.
- Елизаров, В. В., Сеница, А. Л. (2019) Факторы бедности семей с детьми и перспективы ее снижения. *Уровень жизни населения регионов России*, № 2 (212), с. 63–75. <https://www.doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10065>
- Литвинова, В. В. (2019) Сравнительный анализ социальных кодексов субъектов Российской Федерации. *Актуальные проблемы российского права*, № 3 (100), с. 151–160. <https://www.doi.org/10.17803/1994-1471.2019.100.3.151-160>
- Майорова-Щеглова, С. Н., Колосова, Е. А. (2018) Дети и детство как объекты социологических исследований. *Социологические исследования*, № 3 (407), с. 62–69. <https://www.doi.org/10.7868/S0132162518030066>
- Ображей, О. Н. (2012) Детство как объект социологического изучения. *Социологический альманах*, № 3, с. 356–362.
- Обухова, Л. Ф., Корепанова, И. А. (2010) Современный ребенок: шаги к пониманию. *Психологическая наука и образование*, т. 15, № 2, с. 5–19.
- Разварина, И. Н. (2017) Междисциплинарный подход к изучению понятия «детство». *Вопросы территориального развития*, № 5 (40). [Электронный ресурс]. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/2421> (дата обращения 01.12.2020).
- Савина, Т. Н., Концова, И. М. (2017) Социальная политика современной России: проблемы и перспективы. *Финансы и кредит*, т. 23, № 7 (727), с. 412–428. <https://www.doi.org/10.24891/fc.23.7.412>
- Смаль, С. В. (2009) *Социальная защита населения как функция современного государства. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук*. СПб., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 183 с.
- Смаль, С. В. (2019) Символ детства в социальном кодексе Санкт-Петербурга. В кн.: Т. Б. Рябова, О. В. Рябов (ред.). *Символ детства в политике: от холодной войны к современности. Тезисы научной конференции*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 69–71.
- Смаль, С. В. (2020) Особенности социального обеспечения и социальной защиты: сравнительный анализ Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В кн.: Л. А. Гайнутдинова (ред.). *Герценовские чтения — 2019: Актуальные вопросы политического знания. Сборник материалов научно-практической конференции (11–13 апреля 2019 г.)*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 77–82.
- Филопова, А. Г. (2013) Детство в отечественной и зарубежной социологии: субъект-объектный & диахронически-синхронический подходы. *Социологические исследования*, № 6 (350), с. 91–100.
- Филопова, А. Г. (2016) *Российская социология детства: вчера, сегодня, завтра. Проблемы институционализации и перспективы развития*. СПб.: Астерион, 195 с.
- Филопова, А. Г., Ракипина, Н. Э. (2016) Дети и город: проблема воспроизводства социального неравенства. *Социология города*, № 2, с. 58–71.
- Фельдштейн, Д. И. (2010) Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития. *Мир психологии*, № 2 (62), с. 206–216.
- Bogolyubova, O., Skochilov, R., Smykalo, L. (2015) Childhood victimization experiences of young adults in St. Petersburg, Russia. *Journal of Interpersonal Violence*, vol. 30, no. 7, pp. 1153–1167. <https://www.doi.org/10.1177/0886260514539849>
- Esping-Andersen, G. (1990) *The three worlds of welfare capitalism*. Princeton: Princeton University Press, 248 p.

Sources

- Denezhnye vyplaty v Sankt-Peterburge razlichnym kategoriyam grazhdan v 2020 godu [Cash payments in Saint Petersburg to various categories of citizens in 2020]. *Administratsiya Sankt-Peterburga [Administration of Saint Petersburg]*. [Online]. Available at: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/denezhnye-vyplaty-v-sankt-peterburge-razlichnym-kategoriyam-grazhdan-v/> (accessed 01.12.2020). (In Russian)
- Edinovremennoye posobiye pri rozhdenii rebenka [Lump sum at the birth of a child]. *Konsul'tantPlyus [ConsultantPlus]*. [Online]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83400/b5db1cba6790fba52a5de88b2ea70faaf25f7bd/ (accessed 01.12.2020). (In Russian)
- Novyj tekst Konstitutsii RF s popravkami ot 2020 g. [New text of the Constitution of the Russian Federation amended in 2020]. *Gosudarstvennaya Duma Federal'nogo sobraniya Rossijskoj Federatsii [The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation]*. [Online]. Available at: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (accessed 01.12.2020). (In Russian)
- Poslaniye Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu (2020) [Message from the President to the Federal Assembly (2020)]. *Prezident Rossii [President of Russia]*. [Online]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (accessed 01.12.2020). (In Russian)

- Semejnyj kodeks Rossijskoj Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 06.02.2020) [Family Code of the Russian Federation of 29 December 1995 No. 223-FZ (ed. of 6 February 2020)].* [Online]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/f688669b9e3b36e556014fc5e4cc88223df202a2/ (accessed 01.12.2020). (In Russian)
- Sotsial'nyj kodeks Sankt-Peterburga (s izmeneniyami na 18 iyunya 2020 goda) (redaktsiya, dejstvuyushchaya s 1 sentyabrya 2020 goda) [Social Code of Saint Petersburg (as amended on 18 June 2020) (edition of 1 September 2020)].* [Online]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/891859785> (accessed 01.12.2020). (In Russian)
- Sotsial'nyj kodeks Belgorodskoj oblasti (s izmeneniyami na 26 dekabrya 2020 goda). Zakon Belgorodskoj oblasti ot 28 dekabrya 2004 g. № 165 [Social Code of the Belgorod Region (as amended on 26 December 2020). Law of the Belgorod Region of 28 December 2004 No. 165].* [Online]. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=103019496&backlink=1&&nd=103017408> (accessed 26.02.2021). (In Russian)
- Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federatsii ot 07.05.2018 g. № 204 "O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossijskoj Federatsii na period do 2024 goda" [Decree of the President of the Russian Federation of 7 May 2018 No. 204 "On national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation for the period up to 2024"].* [Online]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (accessed 01.12.2020). (In Russian)
- Vidy i razmery denezhnykh vyplat sem'yam, imeyushchim detej, naznachayemykh v 2020 godu ot delom sotsial'noj zashchity naseleniya [Types and amounts of cash payments to families with children appointed in 2020 by the department of social protection of the population]. *Administratsiya Sankt-Peterburga [Administration of Saint Petersburg].* [Online]. Available at: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_admiral/otdel-socialnoj-zashchity-naseleniya/informaciya-o-lgotah-i-dopolnitelnyh-merah-socialnoj-podderzhki/vidy-i-razmery-denezhnyh-vyplat-semyam-imeyushchim-detey-naznachaemyh-v/ (accessed 01.12.2020). (In Russian)

References

- Akulova, O. V., Atarova, A. N., Babaeva, T. I. et al. (2019) *Razvitiye rebenka doshkol'nogo i mladshogo shkol'nogo vozrasta kak sub'ekta povedeniya [Development of a child of preschool and primary school age as a subject of behavior].* Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 355 p. (In Russian)
- Aleksandrov, A. Yu., Tasakov, S. V., Ivanova, E. V. et al. (eds.). (2018) *Sotsial'no-pravovaya zashchita detstva kak prioritnoe napravlenie sovremennoj gosudarstvennoj politiki. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (Cheboksary, 13–14 aprelya 2018 g.) [Social and legal protection of childhood as a priority direction of modern state policy. Collection of materials of the International scientific and practical conference (Cheboksary, 13–14 April 2018)].* Cheboksary: Chuvash State University named after I. N. Ulyanov Publ., 748 p. (In Russian)
- Bogolyubova, O., Skochilov, R., Smykalo, L. (2015) Childhood victimization experiences of young adults in St. Petersburg, Russia. *Journal of Interpersonal Violence*, vol. 30, no. 7, pp. 1153–1167. <https://www.doi.org/10.1177/0886260514539849> (In English)
- Elizarov, V. V., Sinitsa, A. L. (2019) Faktory bednosti semej s det'mi i perspektivy ee snizheniya [Factors of poverty of families with children and prospects of its reduction]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii — Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, no. 2 (212), pp. 63–75. <https://www.doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10065> (In Russian)
- Esping-Andersen, G. (1990) *The three worlds of welfare capitalism.* Princeton: Princeton University Press, 248 p. (In English)
- Filipova, A. G. (2013) Detstvo v otechestvennoj i zarubezhnoj sotsiologii: sub'ekt-ob'ektnyj & diakhronicheski-sinkhronicheskiy podkhody [Childhood in Russian and international sociology. Subject-object and diachronic-synchronic approaches]. *Sotsiologicheski issledovania*, no. 6 (350), pp. 91–100. (In Russian)
- Filipova, A. G. (2016) *Rossiyskaya sotsiologiya detstva: vchera, segodnya, zavtra. Problemy institutsionalizatsii i perspektivy razvitiya [Russian sociology of childhood: Yesterday, today, tomorrow. Institutionalization problems and development prospects].* Saint Petersburg: Asterion Publ., 195 p. (In Russian)
- Filipova, A. G., Rakitina, N. E. (2016) Deti i gorod: problema vosproizvodstva sotsial'nogo neravenstva [Children and city: Problem of reproduction of social inequality]. *Sotsiologiya goroda*, no. 2, pp. 58–71. (In Russian)
- Feldshtein, D. I. (2010) Prioritetnye napravleniya psikhologo-pedagogicheskikh issledovanij v usloviyakh znachimykh izmenenij rebenka i situatsii ego razvitiya [Foreground directions of psychological and pedagogical research in the conditions of significant changes of a child and situations of its development]. *Mir psikhologii*, no. 2 (62), pp. 206–216. (In Russian)
- Gogoberidze, A. G., Nikolayeva, E. I., Savinova, L. Yu. (2018) Razrabotka podkhoda k eksperimental'nomu issledovaniyu sub'yektivnogo vospriyatiya det'mi sebya i okruzhayushchego mira [Experimental research on subjective self-perception and perception of the world in children: Developing an approach]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye — Psychological Science and Education*, vol. 23, no. 5, pp. 5–12. <https://www.doi.org/10.17759/pse.2018230501> (In Russian)

- Gurkina, O. A., Kolosova, E. A. (2013) K voprosu ob aktual'nosti izucheniya detstva v sotsiologii [On the relevance of the study of childhood in sociology] *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye — RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2 (103), pp. 149–157. (In Russian)
- Litvinova, V. V. (2019) Sravnitel'nyj analiz sotsial'nykh kodeksov sub'ektov Rossijskoj Federatsii [Comparative analysis of social codes of the constituent entities of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava — Actual Problems of Russian Law*, no. 3 (100), pp. 151–160. <https://www.doi.org/10.17803/1994-1471.2019.100.3.151-160> (In Russian)
- Mayorova-Shcheglova, S. N., Kolosova, E. A. (2018) Deti i detstvo kak ob'ekty sotsiologicheskikh issledovanij [Children and childhood as objects of sociological research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological Studies*, no. 3 (407), pp. 62–69. <https://www.doi.org/10.7868/S0132162518030066> (In Russian)
- Obrazhej, O. N. (2012) Detstvo kak ob'ekt sotsiologicheskogo izucheniya [Childhood as an object of sociological study]. *Sotsiologicheskij al'manakh — Sociological Almanac*, no. 3, pp. 356–362. (In Russian)
- Obukhova, L. Ph., Korepanova, I. A. (2010) Sovremennyy rebenok: shagi k ponimaniyu [The modern child: On the way to understanding]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye — Psychological Science and Education*, vol. 15, no. 2, pp. 5–19. (In Russian)
- Razvarina, I. N. (2017) Mezhdistsiplinarnyj podkhod k izucheniyu ponyatiya “detstvo” [The inter-disciplinary approach to the study of the concept of “childhood”]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya — Territorial Development Issues*, no. 5 (40). [Online]. Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/2421> (accessed 01.12.2020). (In Russian)
- Savina, T. N., Kontsova, I. M. (2017) Sotsial'naya politika sovremennoj Rossii: problemy i perspektivy [Social policy of modern Russia: Problems and prospects]. *Finansy i kredit — Finance and Credit*, vol. 23, no. 7 (727), pp. 412–428. <https://www.doi.org/10.24891/fc.23.7.412> (In Russian)
- Smal, S. V. (2009) *Sotsial'naya zashchita naseleniya kak funktsiya sovremennogo gosudarstva [Social protection of the population as a function of the modern state]. PhD dissertation (Political Sciences)*. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 183 p. (In Russian)
- Smal, S. V. (2019) Simvol detstva v sotsial'nom kodekse Sankt-Peterburga [Symbol of childhood in the social code of Saint Petersburg]. In: T. B. Ryabova, O. V. Ryabov (eds.). *Simvol detstva v politike: ot kholodnoy vojny k sovremennosti. Tezisy nauchnoy konferentsii [Childhood symbol in politics: From the Cold War to the present. Scientific conference abstracts]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 69–71. (In Russian)
- Smal', S. V. (2020) Osobennosti sotsial'nogo obespecheniya i sotsial'noj zashchity: sravnitel'nyj analiz Sankt-Peterburga i Leningradskoj oblasti [Social security and social protection: A comparative analysis of Saint Petersburg and the Leningrad region]. In: L. A. Gainutdinova (ed.). *Gertsenovskiy chteniye — 2019: Aktual'nye voprosy politicheskogo znaniya. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii (11–13 aprelya 2019 g.) [Herzen Readings — 2019. Topical issues of political knowledge. Collection of materials of the scientific and practical conference (11–13 April 2019)]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 77–82. (In Russian)
- Vasilieva, E. G. (2008) “Sotsial'noye gosudarstvo” i novaya model' sotsial'noj politiki v Rossii [“Social state” and a new model of social policy in Russia]. *Vlast'*, no. 11, pp. 27–31. (In Russian)
- Vishnevetskiy, K. V. (2012) Viktimnost' nesovershennoletnikh i problemy sotsializatsii lichnosti [Juvenile victimhood and problems of a person's socialization]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya — Theory and Practice of Social Development*, no. 9, pp. 265–270. (In Russian)
- Volgin, N. A. (2011) *Sotsial'naya politika v sovremennoj Rossii: analiz, otsenki, vzglyad v budushchee [Social policy in modern Russia: Analysis, assessment, look into the future]*. Moscow: Prospekt Publ., 776 p. (In Russian)

УДК 32.019.51

<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-13-22>

Образ возраста как инструмент политического маркетинга: анализ российских проправительственных СМИ

Ю. Н. Фролова✉¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Юлия Николаевна Фролова,
SPIN-код: 9901-1800,
ResearcherID: V-5884-2018,
ORCID: 0000-0002-0743-6144,
e-mail: frolovayuliya@yahoo.com

Для цитирования:

Фролова, Ю. Н.
(2021) Образ возраста как
инструмент политического
маркетинга: анализ российских
проправительственных СМИ.
*Комплексные исследования
детства*, т. 3, № 1, с. 13–22.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-13-22>

Получена 22 декабря 2020;
прошла рецензирование
28 декабря 2020; принята
12 января 2021.

Финансирование: Исследование
выполнено при финансовой
поддержке РФФИ и ЭИСИ
в рамках научного проекта
№ 20-011-31716 «“Поколенческий
разрыв” в легитимации
и делегитимации власти
в современной России:
политический дискурс
и общественное мнение».

Права: © Автор (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья рассматривает особенности использования символа возраста в качестве маркетингового инструмента в российских проправительственных медиа на примере информационного канала Russia Today, портала «Газета.ru» и онлайн-газеты «Взгляд» за период протестных событий августа 2019 года. Все эти источники характеризуются широким охватом аудитории. Образ возраста как составной элемент символической политики апеллирует прежде всего к эмоциональной составляющей, которая делает его значимым инструментом политического маркетинга. В этом контексте аспект возраста используется как «продающая» характеристика политического «товара», которым могут выступать как отдельные политические акторы или группы, так и целые события и процессы. Включая различные маркеры возраста, можно сформировать как положительный, так и отрицательный имидж, который, в свою очередь, напрямую способствует процессам легитимации и делегитимации действующей власти. Проправительственные СМИ применяют негативные индикаторы образа молодости и детства для формирования отталкивающего образа оппозиционных лидеров протестов. Используя маркетинговый эффект «фрейминга», издания фокусируют внимание читателей на требуемых аспектах, выраженных в категориях возраста, и опускают «ненужные» аспекты — смысловое и идейное содержание митинговой активности. Кроме того, в рамках указанного эффекта медиа представляют читателю определенные формулировки, нужные для формирования определенного восприятия события и необходимости учитывать именно эти формулировки при формировании общественного мнения. Возрастные характеристики помогают создать позитивный образ власти через противопоставление «дряхлым» ровесникам и указание на отличную физическую форму, характерную для «молодости».

Ключевые слова: политический маркетинг, проправительственные СМИ, политический символ, символ возраста, легитимация власти.

Image of age as a political marketing tool: The analysis of Russian pro-government media

Yu. N. Frolova✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Yulia N. Frolova,
SPIN: 9901-1800,
ResearcherID: V-5884-2018,
ORCID: 0000-0002-0743-6144,
e-mail: frolovayuliya@yahoo.com

For citation:

Frolova, Yu. N.
(2021) Image of age as a political marketing tool: The analysis of Russian pro-government media. *Comprehensive Child Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 13–22. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-13-22>

Received 22 December 2020;
reviewed 28 December 2020;
accepted 12 January 2021.

Funding: This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research (EISI), Research Project No. 20-011-31716 “Generation gap in legitimation and delegitimation of authorities in contemporary Russia: Political discourse and public opinion”.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article examines the specifics of using the symbol of age as a marketing tool by Russian pro-government media during the protests in August 2019. The media under study include Russia Today (TV channel), Gazeta Ru (web portal) and Vzglyad Ru (online newspaper), which all have a wide audience coverage. The image of age is an integral element of symbolic politics and primarily appeals to the emotional component, which makes it a significant tool of political marketing. In this context, the idea of age is used to “promote” certain political “goods”, such as individual political actors, political groups, or entire events and processes. By highlighting various aspects of age, it is possible to create either a positive or negative image, which, in turn, directly contributes to legitimation or delegitimation of the current government. Pro-government media use negative indicators of youth and childhood to form a repulsive image of opposition protest leaders. The media employ the marketing effect of “framing” to focus readers’ attention on the required aspects expressed in age-related terms, and omit the “unnecessary” aspects — i. e., the semantic and ideological content of the protests. In addition, “framing” allows the media to present to the reader certain phraseology which supports the formation of a certain perception of events and needs to be taken into consideration in the process of the public opinion formation. Age-related categories help to create a positive image of power by contrasting it to “decrepit” peers and by indicating an excellent physical fitness typical of young people.

Keywords: political marketing, pro-government media, political symbol, symbol of age, legitimation of power.

Введение

Проблема «отцов» и «детей», противопоставление понятий «молодости» и «старости» становится предметом исследования в ряде социальных наук, в том числе в политологии. Фактор возраста политических акторов может служить в качестве аргумента в политической борьбе, когда условные «дети» и «старрики» используются как для создания образа врага, так и для создания образа друга, «своего» и «чужого».

В рамках данной статьи мы рассматриваем один из способов использования символа возраста в политике, а именно возрастную тематику как инструмент политического маркетинга. Мы остановимся на ключевых аспектах возраста как символа, затем рассмотрим его место в маркетинговом подходе, после чего перейдем

к примерам его практического использования в выборке проправительственных СМИ.

Возраст как символ

Возраст в политике конструируется в формате политического символа, который содержит не только когнитивную, но и аффективную составляющую (Рябова, Рябов 2019, 418), что усиливает значимость символа для электората. Символ возраста становится значимым в политическом дискурсе для достижения различных целей политической борьбы, и одной из важнейших целей использования данного образа является легитимация или делегитимация. Согласно позиции М. Вебера, легитимность власти представляет собой ее поддержку со стороны общества, лояльность к власти со стороны граждан. И здесь использование идеи возраста

открывает большие перспективы для политических акторов: «релевантным политике выступают не столько реальные, сколько “воображаемые” поколения» (Рябова, Рябов 2020, 6), что дает возможность добавлять различные символические индикаторы в зависимости от цели актора. Так, например, символ детства при общем понимании его инаковости по отношению к образу взрослого человека может трансформироваться как в негативный инфантилизм, так и в позитивное значение как «символа подлинности» (Рябова, Рябов 2019). Таким образом, включение такой характеристики детства, как инфантилизм и несамостоятельность, в репрезентацию политического актора способствует его делегитимации. Здесь мы имеем дело с символической инфантилизацией, представляющей собой «прием символической политики, который заключается в уподоблении индивида или группы ребенку с целью получения преимуществ в политической борьбе» (Riabova, Riabov 2020, 125). Символика возраста способствует процессам легитимации и делегитимации: «мудрый думающий старик» может управлять государством, а «дряхлый и немощный» — вряд ли.

Символ возраста как инструмент политического маркетинга

Тема возраста в политике является одним из инструментов политического маркетинга, используемого для самых различных целей: создание имиджа кандидата, партии, региона или даже страны; удовлетворение определенных запросов общества или электората; формирование общественного мнения как в период выборных кампаний, так и в межвыборный период по определенным событиям и т. д. При таком подходе образ возраста работает как «продающая» характеристика предполагаемого политического товара, либо же актор с помощью такого маркетингового инструмента может создать негативный образ конкурентного политического «товара» (конкурирующего кандидата, партии и т. д.). Как упоминалось выше, символ возраста содержит в себе высокий эмоциональный потенциал, затрагивающий значимую аффективную компоненту аудитории. Это одна из причин вовлечения этого символа в маркетинговые технологии, поскольку, как отмечают эмпирические исследователи электорального поведения (Swalina, Falkowski, Newman 2011, 159), именно эмоциональное отношение к кандидату или партии чаще всего играет решающую роль при выборе; более того, часто избиратели

могут не располагать фактической информацией, а ограничиваться лишь сильными эмоциями как критерием выбора.

Приход в политическую науку экономического понятия маркетинга связан с развитием междисциплинарной области научного знания. Изначально политический маркетинг, то есть отождествление политической среды с рынком, где происходит обмен товаров и услуг на основании спроса и предложения, сводился только к маркетингу электоральному. Его методика применялась для анализа процессов, связанных с избирательными кампаниями, а также для воздействия на целевую аудиторию с целью голосования за конкретного кандидата или партию. С развитием методологии политический маркетинг стал заниматься продвижением любого политического товара: идей, организаций, лозунгов, политиков и т. д. Сегодня политический маркетинг воспринимается достаточно широко: будучи способом направленного воздействия на политический процесс, он формирует для своей целевой аудитории ценности и предпочтения, для этого изучается мотивация целевой аудитории. Основными предпосылками распространения политического маркетинга на постсоветском пространстве стали: политическая модернизация общества и отказ от жестких идеологических рамок и партийной монополии; глобальная информатизация общества (Алейникова 2018).

«Политики продают людям надежду» (Swalina, Falkowski, Newman 2011, 7) — эта надежда убеждает людей проголосовать за того или иного кандидата, который, по их мнению, решит проблемы, связанные с национальной безопасностью, социальной стабильностью и экономическим ростом. Важным аспектом успеха политического маркетинга является необходимость постоянного обновления инструментов (Фролова 2017, 473), что особенно заметно в электоральном направлении технологии: в борьбе за власть применяют как классические инструменты, так и новые технологии, в том числе и информационные.

В последнее десятилетие идеи маркетинговых технологий и идеи, применяемые к рассмотрению политических процессов, определяются новой парадигмой — парадигмой «маркетинга отношений» (Ачкасова 2013, 221). Такой вид маркетинга предполагает непрерывный контакт с целевой аудиторией, с целью чего возникла потребность в интерактивных каналах коммуникации и значительно выросла роль СМИ.

Политический маркетинг в СМИ

В современном мире СМИ играют значимую роль по формированию ценностей и убеждений. С точки зрения теории политического маркетинга существует три вида влияния медиа на граждан: формирование повестки дня (*agenda-setting*), расстановка приоритетов (*priming*), формирование общего отношения и информационного поля (*framing*) (Swalina, Falkowski, Newman 2011, 59). Эти виды влияния между собой взаимосвязаны и, как правило, формируются последовательно. Процесс формирования повестки дня в СМИ предполагает создание определенного имиджа на основе тех событий, которые освещаются в медиа. В этом смысле формирование повестки дня в чем-то сходно с созданием моды, причем такая «мода» может касаться не только каких-либо событий, но и, например, качеств, которыми должен обладать желаемый кандидат в президенты.

Результатом процесса формирования повестки дня является тот факт, что СМИ делают определенные вопросы или события более заметными и существенными для зрителей. И как следствие возникает второй вид влияния — расстановка приоритетов (*priming*). Этот процесс связан с изменением критериев оценки людьми политических событий: фокусируя внимание на одних проблемах и игнорируя другие, медиаресурсы изменяют стандарты того, как аудитория оценивает деятельность правительства, президента и других политиков (Swalina, Falkowski, Newman 2011, 61). Используя этот вид влияния, политические группы могут предлагать «наилучшее» решение для социальных и экономических проблем.

Согласно Р. Энтману (Entman 2007, 164), прайминг представляет собой процесс отбора определенных элементов воспринимаемой реальности, которые определенным образом интерпретируют события, действия, персоналии. Для этого феномена характерно наличие некой центральной организующей идеи или сюжета, который связывает события воедино и придает им общий смысл. Эффект «фрейминга» возникает, когда в ходе описания какой-либо проблемы медиаресурс фокусируется на определенных утверждениях об этой проблеме, что заставляет аудиторию учитывать эти соображения при формулировании собственного мнения. Подобные утверждения сводятся к небольшим и аккуратным изменениям формулировок в описании вопроса, которые, несмотря на свою кажущуюся незначительность, ведут к изменениям в восприятии описываемого события, при этом такие формулировки не бывают нейтраль-

ными, а всегда содержат некоторое оценочное суждение. Впервые этот феномен был исследован когнитивными психологами Даниэлем Канеманом и Амосом Тверски (Kahneman, Tversky 1984, 343), которые в ряде экспериментов показали, как меняется выбор аудитории между различными сценариями развития событий только путем изменения характеристик, которыми описывались эти сценарии.

В рамках избирательной кампании каждый политик уделяет внимание созданию определенного имиджа; с этой целью специалисты политического маркетинга должны увязывать между собой слова, действия, внешность политика с ожиданиями аудитории, причем этот имидж должен быть подвижен, так как ожидания аудитории могут меняться. Чтобы понимать значимость формирования имиджа, можно обратиться к примеру Франклина Д. Рузвельта, который описывается Б. Ньюманом (Swalina, Falkowski, Newman 2011, 131): во время президентской кампании основной задачей специалистов по политическому маркетингу было убедить избирателей, что Рузвельт — физически сильный человек и фактически умеет ходить (при этом мы помним, что из-за перенесенного в детстве полиомиелита он ходить не мог). С этой целью, например, во время президентской кампании он опирался на руку своего сына, а в другой держал трость, что создавало иллюзию, что он умеет ходить. Американцы знали, что Рузвельт перенес полиомиелит, но кампания была организована и представлена таким образом, что они не поняли, что полиомиелит парализовал его.

Другой исторический пример использования тематики возраста в создании имиджей кандидатов — президентская гонка 2008 года между Б. Обамой и Дж. Маккейном. Здесь возраст стал одним из ключевых факторов создания имиджа, что было обусловлено сравнительной молодостью Б. Обамы и преклонными годами Дж. Маккейна. Необходимо было продемонстрировать, что возраст каждого максимально соответствует предполагаемой должности (Давыборец 2009, 246): для этого штаб Б. Обамы обыгрывал его молодость, готовность к переменам, а политтехнологи Дж. Маккейна создали имидж мудрого, опытного, видевшего жизнь политика.

Контент-анализ проправительственных СМИ

С целью изучения проблемы, как образ возраста используется в качестве инструмента политического маркетинга, был проведен

контент-анализ проправительственных СМИ за период августа 2019 года. Этот период характеризовался ростом протестной активности в РФ, особенно в Москве. Протесты стали крупнейшими после протестных акций 2011–2013 годов, ситуация значительно обострилась вокруг выборов в Мосгордуму. Тема протестных акций стала самым популярным запросом пользователей «Яндекса» о событиях в России в этом периоде («Яндекс» назвал самые популярные темы 2019 года 2019). Для анализа этот период интересен еще и тем, что протестная активность ставила под вопрос легитимность действующей власти, и, таким образом, мы можем посмотреть, как дискурс возраста реализовывался в контексте кризиса легитимности.

Предполагается, что акторами, применяющими инструменты маркетинга, в указанной группе изданий являются группы проправительственной направленности, цель которых — создать позитивный образ государства и негативный — оппозиции. Для анализа были отобраны одни из наиболее широких по охвату аудитории издания: российский международный информационный телеканал Russia Today, финансируемый правительством РФ; онлайн-газета «Взгляд», издаваемая Экспертным институтом социальных исследований; портал «Газета.ru», который после вхождения в 2012 году в состав медиахолдинга «Рамблер» приобрел проправительственную направленность. Все эти информационные ресурсы имеют миллионный охват аудитории с несколькими десятками миллионов просмотров ежедневно, а издание Russia Today ориентировано не только на российскую аудиторию, но и на зарубежную. При таком обширном охвате мы можем отследить реализацию всех видов маркетингового влияния (о которых говорилось выше).

Смысловые индикаторы образа возраста сформулированы на основе стереотипных представлений¹. Основными единицами анализа, которые встретились в тексте, для символа старости были старость как неполноценность, проблемы со здоровьем, ненужность, нецивилизованность — сугубо негативные характеристики. Для символа молодости характеристики были как негативные, так и позитивные: беззаботность, эмоциональность, наивность, несамостоятельность, склонность к протестам; энергичность, стремление к позитивным переменам.

¹ Смысловые единицы контент-анализа разработаны исследовательским коллективом проекта «Поколенческий разрыв» в легитимации и делегитимации власти в современной России: политический дискурс и общественное мнение» (РФФИ и АНО ЭИСИ, грант № 20-011-31716).

Зрелость характеризовалась как самостоятельность, разумность, а символ детства был наделен только негативными индикаторами: неразумность, беспомощность, «дети в опасности».

При группировке результатов контент-анализа мы сфокусировались на двух основных аспектах: цель применения инструмента политического маркетинга и интерпретация категории возраста. Кроме того, дискурс возраста применялся как к событиям внутренней политики страны, так и к описанию событий за рубежом. Во внутриполитической сфере возрастная тематика была представлена примерами поколенческого конфликта, вопросом ценности поколений, темами молодости в позитивном смысле — как готовности к реформам, энергичности (например, молодой губернатор с инновационными предложениями). Особняком здесь стоит вопрос возраста лидеров страны. Что касается ситуации за рубежом, то здесь распространены самые разные вариации тематики «старости», которые чаще связаны с формированием отрицательного имиджа лидера или партии: геронтократия, старость элиты как неполноценность, нецивилизованность, разрыв поколений, различные примеры инфантильного поведения в политике.

Тема возраста лидеров государства является популярным предметом дискуссий. В этом контексте ярким примером формирования позитивного имиджа государства стала статья в газете «Взгляд», которая начиналась политическим анекдотом: «В 2020-м за пост президента США будут бороться Дональд Трамп 74 лет и Джо Байден 77 лет, а 66-летний Владимир Путин должен уйти, потому что он старый» (Мальцев 2019). Позитивный образ формируется через сравнение физического здоровья президента РФ с действующими лидерами некоторых других стран, и это сравнение оказывается в пользу В. В. Путина: президент в свои годы демонстрирует отличное здоровье и физическую форму в противовес, например, Ангеле Меркель, которой становится плохо под прицелом видеокамер журналистов. Не ставится под сомнение не только физическое состояние главы государства, но и его политическая форма: проводится сравнение результатов деятельности президента России и его политических ровесников — и опять В. В. Путин побеждает. В изученных СМИ тема старости используется сугубо применительно к описанию ситуации в других государствах, но не в РФ, что способствует созданию образа здорового, сильного и молодого или зрелого, но никак не старого,

дряхлого государства. На создание имиджа государства «работает» и вопрос ценности поколений: подчеркивается, что на современном этапе конфликт поколений возможен, но все же у них не такие уж и разные ценности. Восприятие политики с точки зрения поколенческих ценностей не сильно отличается у разных поколений, можно проследить некоторые общие тенденции: «Уже 51% респондентов относятся к Сталину с восхищением, симпатией или уважением, и лишь 14% со страхом, отвращением или ненавистью. И теперь это не только люди старшего возраста, но и большая часть молодежи» (Сахнин 2019).

Дискурс возраста во внешнеполитической сфере представлен ярче: основными инфоповодами здесь становятся предстоящие выборы в США и новая молодая власть во главе с президентом Зеленским в Украине. Геронтократия в США является одной из самых обсуждаемых «возрастных» тем периода августа 2019 года. В данном контексте используются сугубо негативные индикаторы старости, которые создают крайне негативный имидж американских политических лидеров. Старость воспринимается как дряхлость, проблемы со здоровьем: Джо Байдену приходится доказывать, что он достаточно здоров, чтобы быть президентом. «Сонный Джо», «дедушка Байден», «Байден — это катастрофа» — все это работает на формирование антиимиджа кандидата в президенты. В качестве примера разрыва поколений здесь приводится ряд конфликтов Байдена с его молодыми однопартийцами, а также тот факт, что импичмент Трампу предлагали предъявить в основном молодые политики. Трамп представляется более молодым и энергичным на фоне Байдена, хотя фактическая разница в возрасте составляет всего несколько лет — это пример того, что реальные возрастные параметры в политике уступают «воображаемому». «Америка стала геронтократией, и мы должны это изменить», — призывают в британском издании *The Guardian* американские политические эксперты.

Противоположная ситуация складывается в Украине. Здесь возрастной инструментарий работает на создание нестабильного имиджа. Образ команды президента Зеленского формируется в терминах молодости, энергичности, готовности к переменам. Новый президент Украины старается монополизировать вектор нового в стране: «для иллюстрации свежего дыхания политики Зеленского даже вытащили историю, что ему будто бы еще в 2016 году предлагали баллотироваться в Раду, но он категори-

чески отказался, сказав, что ему нечего делать среди “старого стада баранов”» (Рудалев 2019). Можно встретить яркие метафоры о переливании крови в Верховной Раде: «новая кровь в старые стены Рады»; эпитеты молодости, свежести, энергичности и новых благоприятных перемен. Но иногда образ молодости дополняется негативными индикаторами. При этом поведение Зеленского противопоставляется поведению зрелых политиков: например, Зеленский сам участвует в международных переговорах, так как уверен в своем сильном даре убеждения, тогда как зрелые политики полагаются на помощь профессиональных дипломатов. Такая характеристика президента говорит о формировании неустойчивого имиджа с совокупностью положительных и отрицательных черт. На украинской политической арене также можно наблюдать разрыв поколений: «старая элита», «старая власть», которой противостоит новая президентская команда. Различия не только в политических вопросах, но и в вопросах ценностей и поведения: глава государства шокирован «цинизмом поведения представителей старой элиты, которые действительно убеждены, что они вместе со своим обслуживающим персоналом живут над законом» (Мильченко 2019).

Еще одна тема для использования риторики возраста — отношения России и Старой Европы. В изученных СМИ термин используется именно с возрастным оттенком: старая, дряхлая, немощная Европа, которая не может без России обеспечить свою стабильность.

Тематика инфантильного политического поведения используется применительно к разным акторам политического процесса: инфантильное поведение президента Трампа, вульгарная инфантильность либералов, инфантильное поведение Бориса Джонсона и т. д.

Образ возраста и протесты лета 2019 года

Значительная часть материалов СМИ за период августа 2019 года посвящена вопросам проходивших митингов. Проправительственные источники используют три основных аспекта возрастной тематики в этом контексте: тема молодежи, тема детства и проблема «отцов» и «детей». И здесь мы наблюдаем маркетинговые эффекты «прайминга» и «фрейминга», когда СМИ заставляют аудиторию фокусироваться на определенных аспектах события, делая их визуально более значимыми, и опускают другие. Таким аспектом как раз и становится образ воз-

раста, на котором делают акцент издания, практически совсем опуская идейное содержание призывов протестующих. Стоит отметить, что СМИ не впервые используют образ возраста в контексте протестной деятельности: так было, например, весной 2017 года (Клещенко 2019).

Основной пласт информации приходится на молодежную тематику. Все статьи о протестах, в которых возникает тема «молодости», трактуют ее в негативном контексте. Основными характеристиками, которые приписываются молодости, становятся излишняя эмоциональность, наивность, беззаботность, непонимание происходящего, энергичность, стремление к переменам, следование моде; отрицательные эпитеты, такие как «гопники», «шпана». Эти характеристики призваны сформировать в головах аудитории отрицательный образ оппозиционных организаторов митингов. Основной посыл заключается в том, что молодежь, выходящая на протесты, не понимала, что делала, и выходила туда исключительно из-за отрицательных характеристик возраста, а не ради идейных соображений, связанных со стремлением улучшить ситуацию в стране. Сами по себе протесты становятся синонимом молодежи: «Молодежь в любом обществе — наиболее протестный электорат» («Почувствовать себя в игре»... 2019). Действия оппозиции также дискредитируются через возрастную тематику: «Почему он использует молодежь? Потому что она наивная и много чего не знает» (Эксперт прокомментировал инструкции... 2019). Оппозиция привлекает молодежь, потому что они мало информированы о последствиях таких митингов, ничего не понимают в политике, ведь сознательные люди (имеется в виду зрелые) не пойдут на такой митинг, потому что они смыслят в политике, и их не может привлечь идеология оппозиционеров в силу своей неубедительности. Этот аспект является наглядной иллюстрацией «фрейминга»: издание представляет незначительным идеологический аспект оппозиции, показывая аудитории, что на него не нужно обращать внимания ввиду его несостоятельности. Примечательным является то, что характеристика поведения молодежи во время протестов в изученных изданиях формулируется некими зарубежными экспертами, и таким образом предпринимается попытка показать беспристрастность этого мнения. Связь молодежи и мотива «хайпа» тоже актуальна для характеристики августовских митингов: большинство опрошенных узнавали о возможности участвовать в митингах из популярных соцсетей (Instagram, Facebook и т. д.), а высокую явку

на митинг обеспечивали не лидеры оппозиции, а узнаваемые блогеры и исполнители, у которых есть миллионы подписчиков в социальных сетях. И здесь же встречается мотив геймификации — молодые люди шли на протесты, потому что воспринимали их как игру: «протестующих звали “гулять” по Бульварному кольцу, используя в целях агитации даже приложения для знакомств. “Выходите в 14:00 гулять на проспект Сахарова: послушаем Face, “Кровосток” и IC3PEAK, а после погуляем по Москве”, — пишет 20-летняя девушка в Tinder» («Почувствовать себя в игре»... 2019). По мнению издания, митинг для молодежи — это перенос компьютерной игры в жизнь, это поиск острых ощущений и приключений, которыми для «тепличного» москвича становится заключение в автозак. «Газета.ru» представляет участие молодежи в митингах как результат навязывания ложных романтических иллюзий. «Взгляд» представляет мотивацию молодежи несколько по-другому: лишь молодые люди из провинции участвуют в митингах, москвичам это все не интересно. «Организаторы в основном работают через интернет и как таковой организации в офлайне у них нет. При этом в подписчиках числятся люди с разных концов России. Вот и собирали из других регионов сотни людей. Их заманивают. Кстати, многим из них эту “командировку” оплатили» (Кравченко 2019).

Другой аспект возрастной тематики в контексте митингов — проблема поколенческого разрыва, конфликта «отцов» и «детей». Этот образ также работает на создание негативного имиджа: оппозиция задействовала идею конфликта, провокацию к расколу общества по поколенческому принципу для достижения своих целей. Молодежь идет на митинги и заявляет о себе как о значимой силе; возникает такой юношеский протест против поколения «отцов», которое не понимает и не воспринимает молодежь всерьез. А лидеры оппозиции используют эту модель, показывая, что реализация возможностей «детей» невозможна при текущей власти «отцов» и возможна только в случае смены этой власти.

И третий аспект темы возраста на протестах — это проблема детства. Она использует с двух разных позиций, но обе из них негативны и создают отрицательный образ протестующих. Первая позиция схожа с тематикой «молодости»: неразумность, наивность и непонимание происходящего. В этом контексте детство воспринимается с позиций инфантилизма. «Эти дети еще не поняли, что ни одна революция не приносила результатов, на кото-

рые надеялись ее непосредственные участники» (Колесник 2019). И вторая, намного активнее эксплуатируемая позиция — тема незащитности детей, ребенка в опасности или использования детей ради достижения каких-то корыстных целей. «Беззащитные дети на фоне бесчеловечной полицейщины», активно обсуждаемый сюжет с призывом оппозиционного блогера расправиться с детьми силовиков, вызвавший волну возмущения. «Взгляд» выпустил очень показательную с исследуемой точки зрения статью под названием «Детская неожиданность Навального», в которой речь шла о безответственных родителях, которые приносят на митинг своих практически еще грудных детей. В этой статье разворачиваются обе темы: ребенка в опасности и использования детей для достижения своих целей. С одной стороны, родители приносят ребенка, потому что знают, что с маленьким ребенком их не заключат в тюрьму, а с другой стороны, такими действиями они подвергают его опасности. Такой образ «детской неожиданности» создает оппозиционному политику крайне неприятный имидж безответственного человека, не думающего о последствиях. Издание опять-таки использует «фрейминг» для расстановки нужных акцентов: ничего не говорится об идеях, а только лишь об эмоциональной составляющей возрастной тематики. За период августа 2019 года «Взгляд» выпустил несколько статей с яркими названиями, которые были призваны дискредитировать оппозицию. Например, заголовки статьи: «Оппозиция гуляет за счет мертвых детей», где использовалась история о том, как мать не пустила в реанимацию к умирающей дочери, так как она находилась под домашним арестом за сотрудничество с «Открытой Россией» (впоследствии эта история была использована и раскрыта оппозиционными СМИ), мертвый ребенок стал одним из

символов протеста, что привело к негативной реакции общественности на деятельность оппозиционеров. Оппозиция даже провела ряд пикетов в разных городах с плакатами «За слежку замученного ребенка ответите».

Выводы

Возрастная и поколенческая тематика в проправительственных СМИ является активно используемым инструментом политического маркетинга в силу того, что этот символ задействует важную маркетинговую составляющую — аффективную компоненту. Основной целью использования этого инструмента в проправительственных СМИ является формирование определенного имиджа власти и оппозиции, что чаще всего реализуется посредством «фрейминга». Можно сделать вывод о том, что символика возраста «работает» как «продающая» характеристика политического товара (партии, кандидата или политического события, как, например, протесты лета 2019 года). Основными возрастными категориями для этого типа медиаисточников стали темы старости и молодости. Тема молодости используется в различных контекстах как с положительными, так и с отрицательными характеристиками. Что касается старости, то это также достаточно часто используемый концепт, однако в основном в негативных смыслах. Кроме этого, характеристики «старости» используются только для описания событий вне Российской Федерации. Поколенческий конфликт представлен в основном в контексте разрыва поколений во властных структурах других стран либо как негативная компонента имиджа оппозиционеров. Такая интерпретация символа возраста, свойственная проправительственному дискурсу, направлена прежде всего на легитимацию действующей власти.

Источники

- Колесник, А. (2019) СССР уничтожили наивные люди. *Взгляд*, 18 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/opinions/2019/8/18/992753.html> (дата обращения 25.11.2020).
- Кравченко, Г. (2019) Политолог: у организаторов противозаконных акций нет поддержки среди москвичей. *Взгляд*, 30 июля. [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/news/2019/7/30/975788.html> (дата обращения 25.11.2020).
- Мальцев, И. (2019) Ответ на вопрос с той стороны баррикад. *Взгляд*, 12 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/opinions/2019/8/12/991691.html> (дата обращения 25.11.2020).
- Мильченко, А. (2019) «Живет над законом»: Зеленский уволит главу МВД Днепропетровска. *Газета.ru*, 27 июля. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/07/27_a_12538825.shtml (дата обращения 25.11.2020).
- «Почувствовать себя в игре»: как организуют протесты в Москве. (2019) *Russia Today*, 16 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/659423-protest-organizatory-prizvyv-agitaciya-besporjadki> (дата обращения 25.11.2020).

- Рудалев, А. (2019) Вельзевул украинской политики. *Russia Today*, 30 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/opinion/663606-rudalev-ukraina-perenaznachenie-avakov> (дата обращения 25.11.2020).
- Сахин, А. (2019) Новый русский фундаментализм. *Газета.ru*, 31 июля. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/column/s77173/12510595.shtml> (дата обращения 25.11.2020).
- Эксперт прокомментировал инструкции по охране Навального от «демшизы». (2019) *Russia Today*, 31 июля. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/654670-navalny-fbk-volontery> (дата обращения 25.11.2020).
- «Яндекс» назвал самые популярные темы 2019 года. (2019) *Коммерсант*, 18 декабря. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4198211> (дата обращения 25.11.2020).

Литература

- Алейникова, С. М. (2018) *Религиозный фактор в современном политическом маркетинге*. Минск: б. и., 152 с.
- Ачкасова, В. А. (2013) О новой парадигме политического маркетинга. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, т. 9, № 2, с. 220–229.
- Давыборец, Е. Н. (2009) Формирование имиджей кандидатов в президенты США Дж. Маккейна и Б. Обамы. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*, № 7 (62), с. 245–250.
- Клещенко, Л. Л. (2019) Репрезентация образа детства в либеральных СМИ современной России. *Комплексные исследования детства*, т. 1, № 4, с. 312–319. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2019-1-4-312-319>
- Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2019) Образы детства и детей в символической политике. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, т. 15, № 3, с. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307>
- Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2020) «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике. *Женщина в российском обществе*, № 4, с. 5–13. <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.1>
- Фролова, Ю. Н. (2017) Роль политического маркетинга в реализации программ политических партий Каталонии и их влияние на имидж региона. В кн.: А. С. Смолярова (ред.). *Медиа в современном мире. Молодые исследователи: Материалы 16-й международной конференции студентов, магистрантов и аспирантов*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 471–473.
- Cwalina, W., Falkowski, A., Newman, B. I. (2011) *Political marketing. Theoretical and strategic foundations*. Armonk: M. E. Sharpe Publ., 340 p.
- Entman, R. M. (2007) Framing bias: Media in the distribution of power. *Journal of Communication*, vol. 57, no. 1, pp. 163–173. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2006.00336.x>
- Kahneman, D., Tversky, A. (1984) Choices, values, and frames. *American Psychologist*, vol. 39, no. 4, pp. 341–350. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.39.4.341>
- Riabova, T., Riabov, D. (2020) Infantilising of the Other: Metaphor of childhood in Russia's media discourse on international relations. *Australian Slavonic and East European Studies*, vol. 34, pp. 125–149.

Sources

- Ekspert prokomentiroval instruksii po okhrane Naval'nogo ot "demshizy" [Expert commented instructions about Navalny security from "demshiza"]. (2019) *Russia Today*, 30 July. [Online]. Available at: <https://russian.rt.com/russia/news/654670-navalny-fbk-volontery> (accessed 25.11.2020). (In Russian)
- Kahneman, D., Tversky, A. (1984) Choices, values, and frames. *American Psychologist*, vol. 39, no. 4, pp. 341–350. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.39.4.341> (In English)
- Kolesnik, A. (2019) SSSR nichtozhili naivnye lyudi [USSR was destroyed by naive people]. *Vzglyad*, 18 August. [Online]. Available at: <https://vz.ru/opinions/2019/8/18/992753.html> (accessed 25.11.2020). (In Russian)
- Kravchenko, G. (2019) Politolog: u organizatorov protivozakonnykh aktsij net podderzhki sredi moskvicej [Political expert: The organizers of illegal rallies do not have support among Muscovites]. *Vzglyad*, 30 July. [Online]. Available at: <https://vz.ru/news/2019/7/30/975788.html> (accessed 25.11.2020). (In Russian)
- Mal'tsev, I. (2019) Otvet na vopros s toj storony barrikad [Reply from the other side of barricade]. *Vzglyad*, 12 August. [Online]. Available at: <https://vz.ru/opinions/2019/8/12/991691.html> (accessed 25.11.2020). (In Russian)
- Mil'chenko, A. (2019) "Zhivet nad zakonom": Zelenskij uvolit glavu MVD Dnepropetrovska ["Lives above the law": Zelenskij fires the head of MIA in Dnepropetrovsk]. *Gazeta.ru*, 27 July. [Online]. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2019/07/27_a_12538825.shtml (accessed 25.11.2020). (In Russian)
- "Pochuvstvovat' sebya v igre": kak organizuyut protesty v Moskve ["Feeling yourself in a game": How the protests in Moscow are organized]. (2019) *Russia Today*, 16 August. [Online]. Available at: <https://russian.rt.com/russia/article/659423-protest-organizatory-prizyv-agitaciya-besporjadki> (accessed 25.11.2020). (In Russian)

- Rudalev, A. (2019) Vel'zevul ukrainskoj politiki [Beelzebub of Ukrainian politics]. *Russia Today*, 30 August. [Online]. Available at: <https://russian.rt.com/opinion/663606-rudalev-ukraina-perenaznachenie-avakov> (accessed 25.11.2020). (In Russian)
- Sakhnin, A. (2019) Novyj russkij fundamentalizm [New Russian fundamentalism]. *Gazeta.ru*, 30 July. [Online]. Available at: <https://www.gazeta.ru/column/s77173/12510595.shtml> (accessed 25.11.2020). (In Russian)
- "Yandex" nazval samye populyarnye temy 2019 goda ["Yandex" named the most popular topics of 2019]. (2019) *Kommersant*, 18 December. [Online]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4198211> (accessed 25.11.2020). (In Russian)

References

- Aleinikova, S. M. (2018) *Religioznyj faktor v sovremennom politicheskom marketinge [Religious factor in modern political marketing]*. Minsk: s. n., 152 p. (In Russian)
- Achkasova, V. A. (2013) O novoj paradigme politicheskogo marketinga [On the new paradigm of political marketing]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS — Political Expertise: POLITEKS*, vol. 9, no. 2, pp. 220–229. (In Russian)
- Cwalina, W., Falkowski, A., Newman, B. I. (2011) *Political marketing. Theoretical and strategic foundations*. Armonk: M. E. Sharpe Publ., 340 p. (In English)
- Davyborets, E. N. (2009) Formirovanie imidzhej kandidatov v prezidenty SShA Dzh. Makkejna i B. Obamy [Image formation of the presidential candidates John McCain and Barack Obama]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologiya — Scientific Bulletins of the Belgorod State University. Series: History. Political Science*, no. 7 (62), pp. 245–250. (In Russian)
- Entman, R. M. (2007) Framing bias: Media in the distribution of power. *Journal of Communication*, vol. 57, no. 1, pp. 163–173. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2006.00336.x> (In English)
- Frolova, Yu. N. (2017) Rol' politicheskogo marketinga v realizatsii programm politicheskikh partij Katalonii i ikh vliyanie na imidzh regiona [Role of political marketing in programs of political parties of Catalonia and their influence on the image of region]. In: A. S. Smolyarova (ed.). *Media v sovremennom mire. Molodye issledovateli: Materialy 16-j mezhdunarodnoj konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov [Media in contemporary world. Young researchers: Proceedings of the 16th International conference of students, undergraduates and postgraduates]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 471–473. (In Russian)
- Kahneman, D., Tversky, A. (1984) Choices, values, and frames. *American Psychologist*, vol. 39, no. 4, pp. 341–350. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.39.4.341>
- Kleshchenko, L. L. (2019) Rerezentatsiya obraza detstva v liberal'nykh SMI sovremennoj Rossii [Representations of the image of childhood in the liberal media in modern Russia]. *Kompleksnye issledovaniya detstva — Comprehensive Child Studies*, vol. 1, no. 4, pp. 312–319. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2019-1-4-312-319> (In Russian)
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2019) Obrazy detstva i detej v simbolicheskoj politike [The images of childhood and children in the symbolic politics]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS — Political Expertise: POLITEKS*, vol. 15, no. 3, pp. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307> (In Russian)
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2020) "...Slyshu rech' ne mal'chika, no muzha": o genderno-vozzrastnykh stereotipakh v politike ["Not a boy, but a man": On the gender-age stereotypes in politics]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve — Woman in Russian Society*, no. 4, pp. 5–13. <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.1> (In Russian)
- Riabova, T., Riabov, D. (2020) Infantilising of the Other: Metaphor of childhood in Russia's media discourse on international relations. *Australian Slavonic and East European Studies*, vol. 34, pp. 125–149. (In English)

УДК 32.019.51

<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-23-37>

«Поколенческий разрыв» в дискурсе современных российских либеральных медиа

А. А. Клещенко^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Клещенко Людмила Леонидовна,
SPIN-код: 2051-3052,
e-mail: ludmila.popova2011@yandex.ru

Для цитирования:

Клещенко, А. А.
(2021) «Поколенческий разрыв»
в дискурсе современных
российских либеральных медиа.
*Комплексные исследования
детства*, т. 3, № 1, с. 23–37.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-23-37>

Получена 23 декабря 2020;
прошла рецензирование
28 декабря 2020; принята
28 декабря 2020.

Финансирование:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
РФФИ и АНО ЭИСИ
в рамках научного проекта
№ 20-011-31716.

Права: © Автор (2021).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья рассматривает особенности репрезентации возраста и конфликта поколений в современных российских либеральных медиа на примере трех электронных СМИ: «Новая газета», «Эхо Москвы» и «Радио Свобода». Участие молодежи и подростков в протестных митингах актуализирует изучение как самих поколенческих различий, так и их образов в средствах массовой информации. Автор приходит к следующим выводам. Во-первых, политизация поколенческих различий и использование метафор возраста становится характерной чертой либерального политического дискурса. Во-вторых, метафоры возраста используются в современном российском либеральном дискурсе для противопоставления поколений, для героизации молодого поколения в целом и лидеров политических протестов в частности, а также для делегитимации власти, которой атрибутируются негативные «возрастные» качества. Не только возраст политика, но и срок его пребывания в должности являются основанием для маркировки его как «старого» с сопутствующими этому негативными смыслами: моральным и физическим устареванием, недееспособностью. В-третьих, смена поколений зачастую рассматривается в либеральных СМИ как одно из условий политических трансформаций, для описания которых используется метафора «молодость — будущее». Конфликт власти и оппозиции либеральные СМИ освещают как противостояние «прошлого» и «будущего». При описании молодежи либеральные СМИ используют преимущественно положительные характеристики, среди которых особо выделяются бесстрашие и активность. В-четвертых, ценностный разрыв в российском обществе либеральные СМИ также связывают с возрастом: молодежь рассматривается как наиболее европеизированная часть общества, как носители европейских ценностей. В-пятых, метафоры возраста используются как при описании российских, так и зарубежных политиков.

Ключевые слова: поколенческий разрыв, конфликт поколений, делегитимация власти, СМИ, либеральные СМИ, либеральный дискурс.

“Generation gap” in the discourse of liberal media in contemporary Russia

L. L. Kleshchenko✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Liudmila L. Kleshchenko,
SPIN: 2051-3052,
e-mail: ludmila.popova2011@yandex.ru

For citation:

Kleshchenko, L. L.
(2021) “Generation gap”
in the discourse of liberal media
in contemporary Russia.
Comprehensive Child Studies, vol. 3,
no. 1, pp. 23–37. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-23-37>

Received 23 December 2020;
reviewed 28 December 2020;
accepted 28 December 2020.

Funding: This research was
supported by the Russian
Foundation for Basic Research
(RFBR) and the Expert Institute for
Social Research (EISI), Research
Project No. 20-011-31716.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
License 4.0.

Abstract. The article examines the way in which liberal media represent the concept of age and the conflict of generations in contemporary Russia. Three media are studied: “Novaya Gazeta”, “Echo of Moscow”, and “Radio Liberty”. The participation of young people and adolescents in protest rallies makes it relevant to study both generational differences per se and their images in the media. The author comes to the following conclusions. First, the politicisation of generational differences and the use of age metaphors are becoming a characteristic feature of liberal political discourse. Second, metaphors of age are used in Russian contemporary liberal discourse to contrast generations, to glorify the younger generation in general and the leaders of political protests in particular, and to delegitimise the government which is attributed negative “senile” qualities. Not only the age of a politician but also the length of his tenure in office are grounds for labeling him as “old” with the accompanying negative meanings — such as moral and physical obsolescence, incapacity. Third, generational change is often seen by the liberal media as one of the preconditions for political transformations which are described by the metaphor “youth is our future”. The conflict between the government and the opposition is seen as a confrontation between the “past” and the “future”. When describing young people, liberal media use mostly positive characteristics, among which fearlessness and activity stand out. Fourth, the liberal media also associate the value gap in Russian society with age: young people are seen as the most Europeanized part of society and as carriers of European values. Fifth, metaphors of age are used to describe both Russian and foreign politicians.

Keywords: generation gap, generational conflict, delegitimation of power, mass media, liberal media, liberal discourse.

Введение

Проблема отсутствия понимания и общих ценностей у разных поколений актуальна во все времена. Усугубляет проблему «отцов и детей» в век четвертой научно-технической революции ускорение темпов технологического развития: зачастую молодежь имеет больше возможностей для освоения инноваций, чем старшее поколение, что способствует нарастанию взаимного отчуждения (т. н. «цифровой разрыв»). Все чаще представители старших поколений, в том числе политики высокого уровня, сетуют на разрастание пропасти между поколениями, чрезмерное увлечение молодежи киберпространством, непонимание реалий социальной жизни (Макаров вспомнил... 2019), которое, с их точки зрения, является причиной протестной политической активности молодежи. Участие молодежи и подростков в протестных митингах актуализирует изучение как самих поколенческих различий, так и их образов в средствах массовой информации. Привлекая внимание читателей яркими и простыми для восприятия заголовками,

СМИ редуцируют сложные социально-политические явления к «разрыву поколений», тем самым вынося за скобки комплекс их причин (напр.: «Почувствовать себя в игре...» 2019). Не отрицая объективного существования поколенческих различий, отметим, что в политическом контексте метафоры возраста и поколенческого конфликта могут привлекаться политическими акторами для дискредитации своих оппонентов (Рябова, Рябов 2019). Средства массовой информации и политические деятели нередко используют манипулятивный потенциал возрастных стереотипов, обусловленный их амбивалентным характером: и старость, и молодость имеют как позитивные, так и негативные коннотации. Так, стереотипное восприятие старости включает в себя такие негативные смыслы, как ухудшение умственных способностей, памяти (Смирнова 2008, 51; Реутов, Реутова 2020, 264), и позитивные: мудрость и опыт (Реутов, Реутова 2020, 264). Стереотипное восприятие молодости имеет такие негативные смыслы, как неопытность, несамостоятельность, и позитивные — открытость новому, энергич-

ность (Курышева 2010, 106–107). Почему одни смыслы возрастного стереотипа оказываются востребованы СМИ, а иные — забыты? Настоящее исследование исходит из посылки, согласно которой одним из факторов, определяющих специфику использования возрастных стереотипов, является политическая ориентация издания. В исследовании поставлена цель выявить особенности репрезентации возраста и поколенческих различий в российских либеральных СМИ.

Теоретическому осмыслению проблемы поколений посвящены труды К. Мангейма (Мангейм 2000), В. Штрауса и Н. Хоува (Strauss, Howe 1992), Р. Инглхарта (Inglehart 2015). В данных работах предложены классификации поколений, проанализированы особенности поколения как социологической категории. Классификации поколений в современной России посвящены работы Ю. А. Левады (Левада 2006), В. В. Семеновой (Семенова 2009), В. В. Радаева (Радаев 2019). Российские поколения становятся предметом исследования таких авторов, как Е. Л. Омельченко (Омельченко 2011), М. Б. Глотов (Глотов 2004), А. В. Юрчак (Юрчак 2020), Л. Д. Гудков, Н. А. Зоркая, Е. В. Кочергина, К. Пипия (Гудков, Зоркая, Кочергина и др. 2020), А. Б. Шатилов (Шатилов 2019), А. А. Тимченко (Тимченко 2018). При этом некоторые авторы отрицают существование конфликта поколений (Пипия 2018), другие, напротив, его постулируют (Шатилов 2019; Тимченко 2018). Политическая активность молодого поколения проанализирована в работах В. В. Васильченко (Васильченко 2016), А. А. Желниной (Желнина 2014), К. А. Леонова (Леонов 2008), Г. И. Авциновой, М. А. Бурда (Авцинова, Бурда 2019), О. И. Холиной, Н. Н. Понарина (Холина, Понарина 2015), В. А. Соловьева (Соловьев 2015), В. А. Франц (Франц 2020). Вместе с тем проблема репрезентации поколенческих различий в СМИ остается малоизученной, что определяет актуальность данного исследования.

В настоящем исследовании были проанализированы все упоминания поколенческой проблематики в период с 27 июля до 27 августа 2019 г. в либеральных СМИ. Выбор данного хронологического периода обусловлен ростом протестной политической активности, в которой принимала участие в том числе молодежь. Данный факт вызвал в СМИ большой общественный резонанс и широкие дискуссии о причинах политизации молодежи, одной из которых либеральные СМИ называли поколенческие различия. Источником исследования являются

материалы электронных СМИ: федеральное издание «Новая газета», интернет-сайт «Радио Свобода»¹, интернет-сайт «Эхо Москвы».

Федеральная «Новая газета» — общественно-политическое издание, выпускается с периодичностью три раза в неделю. Материалы газеты размещаются также на интернет-ресурсе <https://www.novayagazeta.ru/>.

«Эхо Москвы» — российская круглосуточная информационно-разговорная станция. Материалы размещаются также на интернет-ресурсе <https://echo.msk.ru/>. В настоящем исследовании были проанализированы транскрипты радиоэфира и блоги на сайте радиостанции.

«Радио-свобода» — международная некоммерческая радиовещательная организация, с декабря 2017 года изменила название на «Радио Свобода» (внесена Министерством юстиции России в Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента, на основании получения финансирования Агентством США по глобальным медиа). В настоящем исследовании были проанализированы транскрипты радиоэфира и материалы официального русскоязычного сайта «Радио Свобода» (<https://www.svoboda.org/>).

Смысловые единицы контент-анализа: «разрыв поколений» (индикаторы: разные ценности поколений, разные источники информации поколений, различное поведение), преемственность поколений (индикаторы: наследование, общие ценности, общие модели поведения), зрелое поведение в политике (индикаторы: опыт, рациональность, сознательность, целеполагание), старость как мудрость (индикаторы: опыт, знания, компетентность), старость как неполноценность (индикаторы: маразм, недееспособность, дряхлость, деменция), старость власти (индикаторы: несменяемость, неспособность усваивать новое, увядание), молодость как неполноценность (индикаторы: неопытность, импульсивность, несерьезность, несамостоятельность, наивность), молодость как будущее (активность, бесстрашие, энергичность, готовность к переменам)². Использовалось скрытое кодирование.

¹ Входит в Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента (<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/>).

² Смысловые единицы контент-анализа разработаны исследовательским коллективом проекта «Поколенческий разрыв» в легитимации и делегитимации власти в современной России: политический дискурс и общественное мнение» (РФФИ и АНО ЭИСИ, грант № 20-011-31716).

Разрыв поколений: личное или политическое?

Истоки теоретического осмысления проблемы поколений восходят к работе К. Мангейма «Проблема поколений» (1928). Под поколением, согласно К. Мангейму, понимается группа людей, проживающих в один исторический период, переживающих совместно те или иные значимые события. Таким образом, не столько возраст, сколько коллективный опыт, сопричастность к одному и тому же миру формирует поколение. На основе этого опыта складываются определенное мироощущение и практики поведения, типичные для людей, его проживающих, и отличающие это поколение от других. Поколение К. Мангейм рассматривает как «одинаковое местоположение множества индивидов в социальной структуре» (Мангейм 2000, 21), что отличает поколение от других социальных общностей и групп. Н. Хоув и В. Штраус, авторы одной из наиболее известных классификаций поколений американского общества, подчеркивают важность ценностных различий поколений (Strauss, Howe 1992). Авторы отмечают цикличность ценностных различий.

Одним из наиболее актуальных вопросов в теории поколений со временем становится проблема взаимообусловленности поколенческих сдвигов и социальных изменений. В целом для современных российских исследований характерен политический подход, который рассматривает политические события как образующие поколение. В качестве основного отличия одного поколения от другого при этом подходе выступают такие характеристики, как взаимоотношения с государственной властью, электоральное поведение, участие или неучастие в протестах. В таком ключе поколения осмысляются в лонгитюдном исследовании «Левада-Центра» «советского простого человека», берущем начало в 1988 году. Ю. А. Левада выделяет шесть российских поколений: родившиеся в конце XIX века и реализовавшиеся в период «революционного перелома»; родившиеся в начале XX века и реализовавшиеся в условиях «сталинской» мобилизационной системы; родившиеся в 1920–1928 гг. и реализовавшиеся в военный и послевоенный период (это поколение, социализировавшееся в советских условиях, автор называет первым и практически единственным собственно советским поколением (Левада 2006, 265) — именно на его основе сформировался архетип «советского простого человека»); родившиеся в конце 1920-х — 1943 гг.

и реализовавшие себя в период «оттепели»; родившиеся в 1944–1968 гг. и реализовавшиеся в период «застоя»; родившиеся в период с 1969 г. и реализовавшиеся в период «перестройки» и рыночных реформ.

Один из выводов, который делают исследователи «Левада-Центра», заключается в преемственности поколений современной России, «консервации» советского человека и его воспроизводстве в новых условиях. Сохраняются и ключевые особенности «советского простого человека»: политическая пассивность, умение адаптироваться к административному и полицейскому произволу, способность ужиться с репрессивным государством, патерналистский настрой, этика коллективной безответственности (Гудков 2007, 17–18). Эмпирические исследования «Левада-Центра» подтверждают отсутствие у большинства современной молодежи устойчивого интереса к политике (Гудков, Зоркая, Кочергина и др. 2020, 33). На этом основании исследователи дезавуируют поколенческий разрыв ценностей в современной России, отмечая, что молодые люди демонстрируют символическую приверженность тем же событиям, что и советские люди, а о современной политике мало осведомлены (Пипия 2018).

На другом полюсе политического подхода к поколениям находятся авторы, не только декларирующие наличие разрыва поколений в современной России, но и приравнивающие его к потенциальной угрозе национальной безопасности. В качестве причин сложившегося положения называют неправильное воспитание в семье, школах и вузах, ограничение социальной мобильности молодежи бюрократическими рамками, а также деятельность несистемной оппозиции (Шатилов 2019 27–28). В качестве тревожных симптомов поколенческого разрыва также называют приверженность молодежи материалистическим и индивидуалистическим ценностям, ставшую следствием распространения западной массовой культуры (Тимченко 2018, 183).

В противоположность политическому подходу, В. В. Радаев исходит из того, что жизнь поколений определяется не только и не столько политическими событиями. Такой подход автор называет культурно-историческим (Радаев 2019, 28). В качестве формирующих поколение он выделяет поведенческие практики, не связанные с политикой (здоровый образ жизни, неполитические формы социальной и гражданской активности, планирование семьи, использование цифровых технологий) и особенности мировоззрения (меньший уровень религиозности,

позитивные оценки собственного благополучия молодыми поколениями). В. В. Радаев различает две группы поколений: советские (мобилизационное, поколение оттепели, поколение застоя) и несоветские (реформенное поколение, поколение миллениалов, поколение Z). К несоветским поколениям, таким образом, относятся те, которые не имеют советского опыта в период взросления. Автор приходит к выводу, что различия между поколениями существенны, но они не являются политическими. По этой причине, даже если молодежь становится менее политизированной, разрыв поколений в современном российском обществе не перестает существовать.

Таким образом, не существует единства исследователей как в вопросе наличия или отсутствия поколенческого разрыва в современной России, так и в вопросе его оценок. Большинство современных российских исследователей рассматривает поколение как субъект коллективного политического действия. Не только в научном, но и в публицистическом дискурсе такой подход к разрыву поколений окажется достаточно востребованным, как мы увидим позже. Вместе с тем в периоды роста протестной политической активности молодежи (например, в 2017 и 2019 году) в публицистическом дискурсе начинают доминировать материалы, общей тональностью которых становятся ожидания системных трансформаций, обусловленных наконце наступившей политизацией молодых поколений.

«Дедушка Путин» и «непоротое поколение»: политизация поколенческих различий в либеральных СМИ

Исследование материалов «Новой газеты», «Эха Москвы» и «Радио Свобода» показало, что проблематика поколенческих различий значима для либеральных СМИ, и обращение к ней возможно как в политическом контексте (например, в контексте таких тем, как политическое поведение, источники информации о политике), так и неполитическом (быт, отношения в семье, внешний облик).

Говоря о СМИ как источнике информации, в том числе политической, либеральные издания ожидаемо подчеркивают, что для молодежи большое значение имеют социальные сети, мессенджеры, блоги, видеохостинги, в то время как телевидение, особенно федеральные телеканалы, не представляют никакого интереса.

Именно через отсылку к новым технологиям подчеркивается отличие молодого поколения от старого, а также степень вовлеченности в политические процессы («В общем, вот вся эта последняя ситуация последних двух лет [о протестах 2017–2019 гг. — прим. авт.], особенно последнего года, она ровно про это, про столкновение поколения, выросшего с мобильником в руках, и поколения, которое не знает, что с ними делать» (Новиков, Кузнецов 2019)). Получая информацию из разных источников, молодежь более критична как по отношению к старшим поколениям, так и по отношению к власти. Доступность информации компенсирует нехватку опыта молодежи, что и составляет специфику современного разрыва поколений, каким его видят либеральные СМИ («Сегодняшний ребенок соотносится с родителем, примерно как прогрессор 4-го поколения с прогрессором поколения 2-го» (ведущие «Эха Москвы» анализируют поколенческий разрыв через призму прозы Стругацких (Быков, Кузнецов 2019))).

Одной из основных особенностей репрезентации поколенческих различий в либеральных СМИ является доминирование положительных характеристик молодежи. Среди положительных качеств молодежи выделяется бесстрашие: новое поколение характеризуется как «непоротое», «непуганое». Среди объяснений того, почему молодежь обладает такой характеристикой, можно выделить следующие: молодежь выросла в период, когда не было массовых репрессий; молодежь выросла в период высокого уровня социально-экономического развития, «сытые годы», а потому имеет повышенные требования к власти; молодежь обладает доступом к различным источникам информации, знает о положении дел в своей стране и в других странах, потому имеет завышенные требования; молодежь выросла в условиях запрета на физические наказания детей.

Кроме того, либеральные СМИ подчеркивают осозанный и целенаправленный характер политической активности молодежи, непосредственно связанный с их бесстрашием. Увеличение количества уголовных преследований за экстремизм и массовые беспорядки в современной России приходится именно на период взросления современных молодых людей, потому они знают, на что идут, участвуют сознательно: «Именно молодые люди (родились и выросли при Путине), которых никто не гонит на улицы, выходят на акции сознательно, отдавая себе отчет в возможных последствиях» (Сидорова 2019). В наибольшей степени такими

героическими качествами, как бесстрашие, ответственность, решительность, обладают «молодые лидеры» протеста, часто прямо называемые героями, «новой волной», «новым поколением политиков», «новыми именами». Вот как характеризует новых политиков «Радио Свобода»: «“Революционеры”, выкинутые системой, лишённые возможности избираться, представлять своих избирателей и программы в парламенте и в других политических институтах, впервые за два десятилетия в прямом смысле пошли в народ и показали готовность идти до конца, включая тюремные сроки, ради своих идей и людей, в них поверивших» (Сидорова 2019)). Стремление либеральных СМИ провести рубеж между лидерами протестов прошлого, в том числе 2011–2012 гг., и сегодняшними, можно объяснить прагматическими мотивами: неудачами предшествующего протестного движения, которые вынуждают новых лидеров отмежеваться от него («протест практически полностью обновился» (Петровская, Снеговая 2019)). Однако роль лидеров, даже наиболее медийных личностей, в мобилизации молодежи либеральные медиа не склонны преувеличивать («Их активность началась до 3-го, 27-го или 10-го, как вы знаете, она началась с появлением Навального. Он их разбудил, и дальше они уже пошли сами» (Сатаров 2019)).

Качественное отличие нового протеста от старого, которое подмечают либеральные СМИ, — это изменение мотивов протестующих: они не политические и социально-экономические, а моральные (за справедливость, достоинство, солидарность, уважение). Молодежи не столько важно изменение политической системы, сколько возможности для саморазвития, независимость от вмешательства государства («у них идеал личный, а не общественный» (Быков, Кузнецов 2019)).

В 2019 году одним из героев либеральных СМИ становится Ольга Мисик, 17-летняя девушка, абитуриент МГУ. В прошлом участница «бессрочного протеста», на митинге 27 июля в Москве, она прославилась благодаря тому, что читала Конституцию сотрудникам полиции и Росгвардии. Позже она дала интервью ряду либеральных СМИ — «Медузе» 29.07.2019, «Эху Москвы» 22.08.2019, «Дождю» 30.07.2019. Образ Ольги — это девочка-отличница («я очень хорошо училась и окончила школу с золотой медалью» (Кравцова 2019)), бесстрашная (Ольгу многократно задерживали на митингах, она не боится и родительского гнева: «Мне категорически запрещают ходить там на митинги. Но слушаться я родителей в этом не могу — спра-

ведливость все-таки важнее» (Кравцова 2019)), не боится дискутировать с властью («на всех митингах подхожу к ним, разговариваю»), не стесняется выступать, несмотря на дефект речи; наивная («я села на землю и снова начала зачитывать наши конституционные права, уточнив, что происходящее здесь незаконно, что Конституция РФ обладает высшей юридической силой, и подзаконные акты не должны ей противоречить»), инициативная (не только участвует в акциях, но и ведет свой канал в Telegram), имеющая собственное мнение («родители яро против того, что я делаю»).

Сравнивая активность молодежи и конформизм старших поколений, либеральные медиа в качестве одной из причин сложившегося положения называют советский опыт. Молодые «не имеют опыта состояния в пионерии» (Кузнецов, Новиков 2019). Укорененные в советском прошлом старшие поколения не готовы к переменам, в отличие от молодых, которые олицетворяют будущее и готовы за него бороться: «Я думаю, что это все идет от искреннего изумления. У нас этого искреннего изумления нет, мы все из того поколения, для которого это неудивительно, мы все выросли в Советском Союзе. А они — нет» (Дубровский, Петровская 2019). В связи с этим надежды на перемены в стране возлагаются на новое поколение: «Посмотрите, на улицы вчера и в последнее время выходит молодежь, люди, которые не испытали этого прессинга, которые вообще не представляют, что такое быть рабами. А старшее поколение представляет, поэтому очень многие пассивны» (Соколов 2019b). В таком ключе написано письмо «Заявление Конгресса интеллигенции к годовщине разгрома путча ГКЧП» за подписью многих известных деятелей культуры, написанное в августе 2019 года, опубликованное либеральными медиа.

Хотя в некоторых статьях старшее поколение названо советским, однако в либеральных медиа встречается и другое его название: «путинское» («Мы — поколение путинистов», — слова, сказанные матерью одного из задержанных) (Петровская, Ларина 2019). В материале «поколение путинистов» характеризуется как пассивное, уверенное в своей правоте, фаталистичное.

Сравнивая поколения, либеральные СМИ подчеркивают такие особенности молодых, как обостренное чувство справедливости и честность, обосновывая, почему именно молодым принадлежит право определять будущее (Клещенко 2020, 248). Метафора «молодежь — будущее» имеет важный аспект: бессмысленность противостояния будущему, которое все равно

наступит. Действия власти против протестующих, задержания и аресты, таким образом, предстают как неэффективные и противоестественные. Сама власть в этом контексте рассматривается не только как старая, но и как несовременная, ретроградная, устремленная в прошлое вместо будущего («До полного советского маразма ситуация, пожалуй, не дойдет, но мы решительно шагаем обратно в ту эпоху» (Половинко 2019)). Соответственно, будущее наступит лишь со сменой политических поколений («важна смена политических поколений: приход людей, которые не имели никакого отношения к принятию тех решений 14–15 годов, тогда какой-то разговор будет происходить» (Цепляев, Веснин 2019)).

Что касается ценностных поколенческих сдвигов, необходимо отметить, что молодежь в либеральных медиа рассматривается как наиболее европеизированная часть общества (носители европейских ценностей, европейское поколение), составляющая гражданское общество: «...если мы посмотрим на поколение, с которым я все время общаюсь, на молодежь, то они почти вообще не отличаются от француза — это надо хорошо понимать» (Соколов 2019а). Примечательно, что, по данным исследователей «Левада-Центра», среди ценностей, которым отдают приоритет молодые россияне, лидируют «права человека» (Гудков, Зоркая, Кочергина и др. 2020, 32). Правда, речь идет, прежде всего, о «пассивных правах» (защита от вмешательства в частную жизнь), и представления молодежи о правах мало отличаются от таковых у старших поколений (Гудков, Зоркая, Кочергина и др. 2020, 32).

Противостояние власти и оппозиции «Эхо Москвы» характеризует как «Молодежь против силовиков» (Панфилова 2019). Однако не всегда в либеральных СМИ молодежь наделяется положительными качествами. «Новая газета» обращает внимание на то, что среди силовиков тоже доминируют представители молодого поколения (Васильчук 2019; Саркисян, Кирпанова 2019), при этом апеллируя к отрицательным смыслам молодости: «Эти ребята, большинство из которых срочники, часто не понимают, что они там делают» (Саркисян, Кирпанова 2019). Молодое поколение здесь олицетворяют сотрудники Росгвардии, нападающие, среди прочего, на мирно сидящих на скамейке старушек («Росгвардейцы поднимают с лавочек бабушек» (Васильчук 2019)). В этом сюжете корреспондент «Новой газеты» заостряет внимание на факте использования метафоры возраста самими

правоохранительными органами в ходе проведения мероприятия: «Уважаемые граждане, сотрудники Росгвардии несут службу в целях обеспечения вашей безопасности. Большинство военнослужащих срочной службы сегодня здесь — это ваши сыновья. Будьте благоразумны, не нарушайте закон» (Васильчук 2019). Апелляция к семейным ролям и возрастным различиям в данном высказывании использовалась, как представляется, для снижения остроты противостояния. В материале «Новой газеты» конфликт поколений получает неожиданную интерпретацию: теперь антигероями становятся именно молодые люди, служащие в правоохранительных органах, а жертвами — старшее поколение. На этот факт обращает внимание и «Эхо Москвы»: «среди силовиков тоже есть молодежь» (Панфилова 2019). Ведущие программы на радио «Эхо Москвы» поднимают в связи с этим вопрос: какие характеристики — принадлежность к одному поколению или же политические убеждения — будут играть определяющую роль в поведении; однако ответа на него не находят. Негативные качества молодости, инфантилизм и неопытность, в целом чаще используются в либеральном дискурсе для описания действий власти, а не протестующих («в Москве безобразия, и власти реагируют настолько неумело, по-детски, и неумно» (Константинов, Петровская 2019)); такие образы власти могут провоцировать утрату доверия ее институтам и способствовать делегитимации.

Разрыв поколений рассматривается в либеральных СМИ не только в связи с протестными митингами и участием в них молодежи. Поколенческие различия могут привлекаться и для описания внутрипартийной борьбы. Например, «Радио Свобода» и «Эхо Москвы» обращают внимание на конфликт поколений внутри КПРФ: старая номенклатура, сосредоточившая в своих руках все рычаги партийной власти («геноцентризм», «комические старухи и старики» (Красовский 2019)), постепенно вытесняется новыми лидерами, более энергичными, выросшими в другую эпоху. Именно поколенческими различиями либеральные СМИ объясняют различие в реализации партийной электоральной функции в тех или иных регионах.

Не только идее разрыва поколений, но и идее преемственности находится место в либеральном дискурсе. Некоторые колумнисты рассматривают протестные настроения как общие для всех возрастов: «Совершенно разного плана недовольство, но выражается оно скорее эмоционально, чем политически, естественно,

но оно есть везде, от молодежи до бабушек, в каждом дворе недовольство есть» (Соколов 2019а). Описание поддержки родителями своих арестованных детей — тоже своего рода единство поколений, которые сплотила в данном случае общая беда. Наконец, задержание студента Егора Жукова вызвало большой резонанс в университетской среде, и либеральные СМИ отмечают в связи с этим «единение студентов и преподавателей» (Дубровский, Петровская 2019).

Говоря о характеристиках старости, либеральные СМИ чаще используют отрицательные, и наделяются ими носители власти или сама власть в целом: «дряхлающая власть», «Путин-то старенький», «осень патриархата», «дедушка в батискафе». Основной причиной дряхления называют несменяемость власти, излишне долгое пребывание в должности: «Когда Путин пришел, сменив Ельцина, уже старого, больного — он казался таким молодым, крутым, был такой секс-символ... Так вот, эта крутизна, которая в нулевых сопутствовала имиджу Путина, в следующей декаде постепенно полностью исчерпала себя... и сегодня среди молодых Путин, конечно, воспринимается таким престарелым дедушкой» (Петровская, Снеговая 2019). Таким образом, не столько биологический возраст политика, сколько срок его властных полномочий играет решающую роль в наделинии его негативными чертами старости. Так, сравнивая Путина с Брежневым, «Радио Свобода» обращает внимание на то, что Брежнев вступил в должность решительным и энергичным, даже будучи значительно старше нынешнего российского лидера. Аналогия «Путин — Брежнев» связана не столько с возрастом, сколько с тем, что «Путин у власти уже дольше Брежнева» (Мальгин 2019), а также с тем, что, согласно позиции либеральных СМИ, реставрируется советская традиция уходить с поста в мир иной. В либеральном дискурсе распространена характеристика эпохи Брежнева как «коллективного маразма» (Быков 2019). Некоторые авторы экстраполируют эту черту брежневской эпохи на современность. Репрезентация образа власти как умственно неполноценной (т. н. «символическая сенилизация» (Рябова, Рябов 2020, 7)) непосредственно направлена на ее делегитимацию. Впрочем, чертами старости могут наделяться и лидеры оппозиции, но скорее в ироническом ключе: «Навальный — глубокий старик, ему 41 год!» (Венедиктов 2019).

Среди негативных черт старости, которые часто используют либеральные СМИ, — беспомощность стариков, в том числе их финансовая несостоятельность. Упоминания беспомощности стариков встречаются, как правило, в контексте темы социальной политики. Также можно отметить такое качество пожилых, как упрямство — невозможность изменить свои взгляды даже под влиянием обстоятельств («переубедить невозможно» (Венедиктов 2019)).

Хотя чаще в либеральных СМИ используются метафоры старости и молодости, в отдельных случаях можно говорить и об обращении к образу зрелого поведения в политике (лишенного крайностей, максимализма). Говоря о зрелом поведении в политике, либеральные СМИ имеют в виду поведение протестующих: протест стал более зрелым (в сравнении с 2012 и ранее), более зрелым стало гражданское общество: «гражданское сознание сильно взрослеет в стране» (Петровская, Снеговая 2019). Зрелому поведению свойственны такие особенности, как способность брать на себя ответственность (что выражается, например, в участии в голосовании), информированность, образованность, рассудительность, самосознание (которое проявляется, например, в том, что задержанные по «московскому делу» осознают себя политическими заключенными, в отличие от тех, кто был задержан на Болотной (Светова 2019)).

Одной из важных тем в либеральном дискурсе становится проблема незрелого поведения в политике (инфантилизма) — действительного или мнимого. Так, «Радио Свобода» отмечает роль возрастного фактора в переговорах В. Путина и Э. Макрона. Автор статьи замечает, что российский лидер относится к партнеру снисходительно, так как они принадлежат к разным поколениям, однако такое пренебрежение может быть ошибкой: «Этот парень совсем не так прост, как кажется старожилу Путину, слишком уверенному в собственном будущем» (Геворкян 2019). Таким образом, возрастные различия могут привлекаться как своеобразный политический ресурс, эквивалент опытности, которым обладают те или иные лидеры.

Помимо Э. Макрона, есть еще один политик, на возрасте которого заостряют внимание российские СМИ (как консервативные, так и либеральные), — президент Украины Владимир Зеленский. «Эхо Москвы» материал о кадровых перестановках в органах власти Украины называет «Поколение “Зе”» (Лавникевич 2019) — в этом заголовке читатель легко разгадает

аллюзию на поколение зумеров, то есть тех, чей возраст не превышает в настоящее время двадцати лет. В материале подчеркивается неопытность назначаемых на правительственные должности специалистов, но в то же время отмечается их агрессивность, напористость, целеустремленность, профессионализм («молодые волки» (Лавникевич 2019)). Новые украинские политики выросли в независимой Украине, а не в СССР, с чем увязывается их новое мышление и новые ценности. В другом материале Зеленского описывают как «молодого человека, который не конспектировал труды классиков марксизма-ленинизма, который имеет совершенно другое мироощущение» (Венедиктов 2019).

Если применительно к Макрону и Зеленскому используются стереотипы о молодости, то в качестве примера геронтостереотипов в либеральном дискурсе можно рассматривать обсуждение тематики предвыборной гонки в США (Абаринов 2019; Пумпянский 2019). В рассмотренных материалах авторы обращают внимание на достоинства и недостатки кандидатов в президенты США, среди прочего — и на проблемы со здоровьем, связанные с возрастом. Однако основной вывод, сделанный «Новой газетой», заключается в том, что не возраст делает власть старой, а несменяемость и недемократичность («Дело не только в возрасте... у американских избирателей есть выбор» (Пумпянский 2019)). Наконец, уже в 2020 году геронтостереотипы привлекаются либеральными медиа для описания политического конфликта в Беларуси: «одиноким пожилой человек», «старый, советский, брежневский дед» [О Лукашенко. — прим. авт.] противопоставит «девочкам» (Пономарёва 2020). Ситуация в республике в материале «Радио Свобода» названа борьбой «молодого поколения» с «последним советским поколением» (Пономарёва 2020).

Заключение

Таким образом, в настоящее время политизация поколенческих различий и использование метафоры возраста становится характерной чертой либерального политического дискурса, будь то противопоставление поколений, героизация молодого поколения или делегитимация власти «стариков», которым атрибутируются негативные «возрастные» качества: умственная и физическая неполноценность, недееспособность. Репрезентации власти как устаревшей, морально или физически, в либеральном дискурсе становятся дополнительным аргументом в поддержку протестных движений, которые, напротив, олицетворяют молодость, будущее и стремление к переменам. Акцентирование внимания читателя на старости политиков, символическая сенилизация, в либеральном дискурсе выполняет функцию делегитимации их власти. При этом не только возраст политика, но и срок его пребывания в должности являются основанием для маркировки его как «старого».

Противопоставление поколений, в ходе которого именно молодежь наделяется положительными качествами, а старшее поколение — отрицательными, широко распространено в либеральных СМИ. Смена поколений зачастую рассматривается в либеральных СМИ как одно из условий политических трансформаций, для описания которых используется метафора «молодость — будущее». Конфликт власти и оппозиции рассматривается как противостояние «прошлого» и «будущего». Ценностный разрыв в российском обществе либеральные СМИ также связывают с возрастом: молодежь рассматривается как наиболее европеизированная часть общества, как носители европейских ценностей.

Источники

- Абаринов, В. (2020) Споры о деменции. Гонка кандидатов преклонного возраста. *Радио Свобода*, 11 марта. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30482141.html> (дата обращения 23.12.2020).
- Быков, Д., Кузнецов, А. (2019) Родительское собрание. Воспитание по Стругацким и воспитание Стругацкими. *Эхо Москвы*, 25 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/assembly/2486977-echo/> (дата обращения 23.12.2020).
- Быков, Д. (2019) 20 лет Путина и 20 лет отката назад. *Эхо Москвы*, 13 августа. [Электронный ресурс]. URL: https://echo.msk.ru/blog/bykov_d/2481761-echo/ (дата обращения 23.12.2020).
- Васильчук, Т. (2019) Сыновья винтили. 3 августа москвичам запретили находиться в центре столицы. *Новая газета*, № 85, 5 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/08/04/81488-synovya-vintili> (дата обращения 23.12.2020).
- Венедиктов, А. (2019) Путин мне сказал: «Твой интернет — сплошная дезинформация. Смотри, там лежат папки, каждая подписана генералом, если меня обманут, могу погоня сорвать!». *Эхо Москвы*,

- 19 августа. [Электронный ресурс]. URL: https://echo.msk.ru/blog/prensa_echo/2485335-echo/ (дата обращения 23.12.2020).
- Геворкян, Н. (2019) Граница для Макрона. Наталья Геворкян — о встрече в Брегансоне. *Радио Свобода*, 19 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30117110.html> (дата обращения 23.12.2020).
- Дубровский, Д., Петровская, А. (2019) Особое мнение СПб. *Эхо Москвы*, 20 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2485993-echo/> (дата обращения 23.12.2020).
- Заявление Конгресса интеллигенции к годовщине разгрома путча ГКЧП. (2019) *Эхо Москвы*, 19 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/2485627-echo/> (дата обращения 23.12.2020).
- Константинов, А., Петровская, А. (2019) Особое мнение СПб. *Эхо Москвы*, 14 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2482621-echo/> (дата обращения 23.12.2020).
- Кравцова, И. (2019) Дружелюбная девушка, читающая Конституцию ОМОНу. *Meduza*, 29 июля. [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2019/07/29/druzhelyubnaya-devushka-chitayuschaya-konstitutsiyu-omonu> (дата обращения 23.12.2020).
- Красовский, А. (2019) Чего вы добились? Да ничего вы не добились. *Эхо Москвы*, 20 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/blog/partofair/2485917-echo/> (дата обращения 23.12.2020).
- Лавникевич, Д. (2019) Поколение «Зе»: какие команды и кланы формируют новую украинскую власть? *Эхо Москвы*, 29 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/blog/openmedia/2491525-echo/> (дата обращения 23.12.2020).
- Макаров вспомнил об «уникальном блокадном коде», говоря об участии молодежи в митингах. (2019) *ЗакС.Ру*, 26 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/191677> (дата обращения 23.12.2020).
- Мальгин, А. (2019) Перемен хочу, перемен! Андрей Мальгин — о Путине 75-летнем. *Радио Свобода*, 27 июля. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30072603.html> (дата обращения 23.12.2020).
- Новиков, И., Кузнецов, А. (2019) Родительское собрание. Ваш ребенок собрался на митинг. *Эхо Москвы*, 1 сентября. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/assembly/2492885-echo/> (дата обращения 23.12.2020).
- Панфилова, Е. (2019) Все сложно. *Эхо Москвы*, 29 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/vseslozhno/2491053-echo/> (дата обращения 23.12.2020).
- Петровская, И., Ларина, К. (2019) Человек из телевизора. *Эхо Москвы*, 24 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personstv/2488059-echo/> (дата обращения 23.12.2020).
- Петровская, А., Снеговая, М. (2019) Особое мнение СПб. *Эхо Москвы*, 13 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2481907-echo/> (дата обращения 23.12.2020).
- Половинко, В. (2019) На YouTube опускается занавес. *Новая газета*, № 89, 14 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/08/13/81590-na-youtube-opuskaetsya-zanaves> (дата обращения 23.12.2020).
- Пономарёва, А. (2020) «Батяка явно в панике». В Сети обсуждают выступление Лукашенко. *Радио Свобода*, 5 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30766459.html> (дата обращения 23.12.2020).
- «Почувствовать себя в игре»: как организуют протесты в Москве. (2019) *Russia Today*, 16 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/659423-protest-organizatory-prizvyv-agitaciya-besporjadki> (дата обращения 23.12.2020).
- Пумпянский, А. (2020) Геронтократы Америки: возрастные кандидаты вступают в схватку за Белый дом. *Новая газета*, № 3, 15 января. [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/01/10/83397-cto-tebe-nadobno-starche> (дата обращения 23.12.2020).
- Саркисян, Л., Кирпанова, Е. (2019) «Приехал в клинику с вещами на случай ареста». Монолог врача, задержанного за участие в мирной акции протеста. *Новая газета*, № 84, 2 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/08/01/81455-priehal-v-kliniku-s-veschami-na-sluchay-aresta> (дата обращения 23.12.2020).
- Сатаров, Г. (2019) Персонально Ваш. *Эхо Москвы*, 16 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalnovash/2483405-echo/> (дата обращения 23.12.2020).
- Светова, З. (2019) Проснулись в другой стране. Зоя Светова — о «Болотном» и «мэрском» делах. *Радио Свобода*, 16 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30111885.html> (дата обращения 23.12.2020).
- Сидорова, Г. (2019) Путч. Начало. Галина Сидорова — о «нежелательной власти». *Радио Свобода*, 5 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30092720.html> (дата обращения 23.12.2020).
- Соколов, М. (2019а) Как преодолеть путинизм? *Радио Свобода*, 5 сентября. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30148020.html> (дата обращения 23.12.2020).
- Соколов, М. (2019б) Путинизм дошел до дна? *Радио Свобода*, 29 июля. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30081256.html> (дата обращения 23.12.2020).
- Цепляев, С., Веснин, А. (2019) Особое мнение СПб. *Эхо Москвы*, 29 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2491783-echo/> (дата обращения 23.12.2020).

Литература

- Авцинова, Г. А., Бурда, М. А. (2019) Молодежная политика современной России: абсентеизм и политический протест. *Вопросы политологии*, т. 9, № 4 (44), с. 649–655.
- Васильченко, В. В. (2016) *Влияние интернет-коммуникаций на активизацию протестных движений молодежи в современной России. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук.* М., Институт философии РАН, 161 с.
- Глотов, М. Б. (2004) Поколение как категория социологии. *Социологические исследования*, № 10 (246), с. 42–49.
- Гудков, Л. Д., Зоркая, Н. А., Кочергина, Е. В., Пипия, К., Рысева, А. (2020) «Поколение Z»: Молодежь времени путинского правления. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, № 1-2 (130), с. 21–121.
- Гудков, Л. Д. (2007) Советский человек в социологии Юрия Левады. *Общественные науки и современность*, № 6, с. 16–30.
- Желнина, А. А. (2014) «Я в это не лезу»: восприятие «личного» и «общественного» среди российской молодежи накануне выборов. В кн.: С. В. Ерпылева, А. В. Магун (ред.). *Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 гг.* М.: Новое литературное обозрение, с. 143–181.
- Клещенко, А. А. (2020) «Поколенческий разрыв» как механизм делегитимации власти в дискурсе современных российских либеральных медиа. В кн.: О. В. Гаман-Голутвина, Л. В. Сморгун, Л. Н. Тимофеева (ред.). *Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы. Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием РАПН'2020, Москва, МПГУ, 27–28 ноября 2020 г.* М.: Изд-во МПГУ, с. 248–249.
- Курышева, О. В. (2010) Социально-психологическое исследование возрастных стереотипов молодежи. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и Социальные технологии*, № 2 (12), с. 105–116.
- Левада, Ю. А. (2006) *Ищем человека. Социологические очерки, 2000–2005.* М.: Новое издательство, 384 с.
- Леонов, К. А. (2008) Политическая активность молодежи и уровень доверия к политическим институтам. *Социология власти*, № 1, с. 106–113.
- Максимова, О. А. (2010) Преемственность и конфликт поколений в информационном обществе: социологический анализ. *Вестник Казанского государственного технического университета им. А. Н. Туполева*, № 3, с. 210–213.
- Мангейм, К. (2000) Проблема поколений. В кн.: *Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции.* М.: ИНИОН РАН, с. 8–63.
- Омельченко, Е. Л. (2011) От сытых нулевых — к молчаливым десяткам: поколенческие уроки российской молодежи начала XXI века. В кн.: Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко (ред.). *Социологический ежегодник, 2011.* М.: ИНИОН РАН; ВШЭ, с. 243–263.
- Пипия, К. (2018) Куда пропал конфликт отцов и детей. Социолог Карина Пипия об отсутствии поколенческого разрыва ценностей в современной России. *Ведомости*, 25 сентября. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/09/25/782022-kuda-propal-konflikt-ottsov-i-detei> (дата обращения 23.12.2020).
- Радаев, В. В. (2019) *Миллениалы: как меняется российское общество.* М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 224 с. <https://www.doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>
- Реутов, Е. В., Реутова, М. Н. (2020) Отношение представителей старших возрастных групп к негативным геронтостереотипам (по материалам качественного исследования). *Заметки ученого*, № 8, с. 262–270.
- Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2019) Образы детства и детей в символической политике. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, т. 15, № 3, с. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307>
- Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2020) «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике. *Женщина в российском обществе*, № 4, с. 5–13. <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.1>
- Семенова, В. В. (2009) *Социальная динамика поколений: проблема и реальность.* М.: РОССПЭН, 271 с.
- Смирнова, Т. В. (2008) Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция. *Социологические исследования*, № 8, с. 49–55.
- Соловьев, В. А. (2015) Влияние СМИ на политическую активность российской молодежи. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, № 2 (713), с. 153–164.
- Тимченко, А. А. (2018) Разрыв поколений в российском обществе XXI века: социологический анализ. *Общество и право*, № 3 (65), с. 182–185.
- Франц, В. А. (2020) Особенности распространения протестных настроений в среде российской городской молодежи в условиях информационного общества (на примере Екатеринбурга). *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*, № 3 (29), с. 61–80.
- Холина, О. И., Понарина, Н. Н. (2015) Политическая активность молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности. *Социальные науки*, № 2 (5), с. 22–26.

- Шатилов, А. Б. (2019) Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе. *Власть*, т. 27, № 4, с. 26–32. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6581>
- Юрчак, А. В. (2020) *Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 664 с.
- Inglehart, R. (2015) *The Silent revolution: Changing values and political styles among Western publics*. Princeton: Princeton University Press, 496 p.
- Strauss, W., Howe, N. (1992) *Generations: The history of America's future, 1584 to 2069*. New York: Quill Publ., 554 p.

Sources

- Abarinov, V. (2020) Spory o dementsii. Gonka kandidatov preklonnogo vozrasta [The debate about dementia. The race of the candidates of advanced age]. *Radio Svoboda — Radio Liberty*, 11 March. [Online]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/30482141.html> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Bykov, D., Kuznetsov, A. (2019) Roditel'skoe sobranie. Vospitanie po Strugatskim i vospitanie Strugatskimi [Parents' meeting. Education according to the Strugatsky and education by Strugatsky]. *Ekho Moskvy — Echo of Moscow*, 25 August. [Online]. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/assembly/2486977-echo/> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Bykov, D. (2019) 20 let Putina i 20 let otkata nazad [20 years of Putin and 20 years of rollback]. *Ekho Moskvy — Echo of Moscow*, 13 August. [Online]. Available at: https://echo.msk.ru/blog/bykov_d/2481761-echo/ (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Dubrovskij, D., Petrovskaya, A. (2019) Osoboe mnenie SPB [Special opinion, Saint Petersburg]. *Ekho Moskvy — Echo of Moscow*, 20 August. [Online]. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2485993-echo/> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Gevorkyan, N. (2019) Granitsa dlya Makrona. Natal'ya Gevorkyan — o vstreche v Bregansone [Border for Macron. Natalia Gevorgyan — about the meeting in Breganzona]. *Radio Svoboda — Radio Liberty*, 19 August. [Online]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/30117110.html> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Konstantinov, A., Petrovskaya, A. (2019) Osoboe mnenie SPb [Special opinion, Saint Petersburg]. *Ekho Moskvy — Echo of Moscow*, 14 August. [Online]. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2482621-echo/> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Kravtsova, I. (2019) Druzheljubnaya devushka, chitajushchaya Konstitutsiyu OMONu. *Meduza*, 29 July. [Online]. Available at: <https://meduza.io/feature/2019/07/29/druzhelyubnaya-devushka-chitayuschaya-konstitutsiyu-omonu> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Krasovskij, A. (2019) Chego vy dobilis'? Da nichego vy ne dobilis' [What have you achieved? You've achieved nothing]. *Ekho Moskvy — Echo of Moscow*, 20 August. [Online]. Available at: <https://echo.msk.ru/blog/partofair/2485917-echo/> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Lavnikovich, D. (2019) Pokolenie “Ze”: kakie komandy i klany formiruyut novuyu ukrainskuyu vlast'? [Generation “Z”: Which teams and clans form the new Ukrainian government?]. *Ekho Moskvy — Echo of Moscow*, 29 August. [Online]. Available at: <https://echo.msk.ru/blog/openmedia/2491525-echo/> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Makarov vspomnil ob “unikal'nom blokadnom kode”, govorya ob uchastii molodezhi v mitingakh [Makarov recalled the “unique blockade code”, speaking about the participation of young people in rallies]. (2019) *ZakS.Ru*, 26 August. [Online]. Available at: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/191677> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Mal'gin, A. (2019) Peremen khochu, peremen! Andrej Mal'gin — o Putine 75-letnem [I want changes, changes! Andrey Malgin — about Putin 75-year-old]. *Radio Svoboda — Radio Liberty*, 27 July. [Online]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/30072603.html> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Novikov, I., Kuznetsov, A. (2019) Roditel'skoe sobranie. Vash rebenok sobralsya na miting [Parents' meeting. Your child is going to a rally]. *Ekho Moskvy — Echo of Moscow*, 1 September. [Online]. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/assembly/2492885-echo/> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Panfilova, E. (2019) Vse slozhno [It's complicated]. *Ekho Moskvy — Echo of Moscow*, 29 August. [Online]. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/vseslozhno/2491053-echo/> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Petrovskaya, I., Larina, K. (2019) Chelovek iz televizora [The man from the TV]. *Ekho Moskvy — Echo of Moscow*, 24 August. [Online]. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/personstv/2488059-echo/> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Petrovskaya, A., Snegovaya, M. (2019) Osoboe mnenie SPb [Special opinion, Saint Petersburg]. *Ekho Moskvy — Echo of Moscow*, 13 August. [Online]. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2481907-echo/> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Polovinko, V. (2019) Na YouTube opuskaetsya zanaves [The curtain is falling on YouTube]. *Novaya gazeta*, no. 89, 14 August. [Online]. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/08/13/81590-na-youtube-opuskaetsya-zanaves> (accessed 23.12.2020). (In Russian)

- Ponomareva, A. (2020) “Bat’ka yavno v panike”. V Seti obsuzhdayut vystuplenie Lukashenko [The “father” is clearly in a panic. The Network discusses the speech of Lukashenko] *Radio Svoboda — Radio Liberty*, 5 August. [Online]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/30766459.html> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- “Pochuvstvovat’ sebya v igre”: kak organizuyut protesty v Moskve [“Feel yourself in a game”: How the protests in Moscow are organized]. (2019) *Russia Today*, 16 August. [Online]. Available at: <https://russian.rt.com/russia/article/659423-protest-organizatory-prizyvy-agitaciya-besporyadki> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Pumpyanskij, A. (2020) Gerontokraty Ameriki: vozrastnye kandidaty vstupayut v skhvatku za Belyj dom [Gerontocracy of America: Age candidates fight for the White House]. *Novaya gazeta*, no. 3, 15 January. [Online]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/01/10/83397-cto-tebe-nadobno-starche> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Sarkisyan, L., Kirpanova, E. (2019) “Priekhal v kliniku s veshchami na sluchaj aresta”. Monolog vracha, zaderzhannogo za uchastie v mirnoj aksii protesta [“I came to the clinic with things in case of arrest”. Monologue of a doctor detained for participating in a peaceful protest action]. *Novaya gazeta*, no. 84, 2 August. [Online]. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/08/01/81455-priekhal-v-kliniku-s-veshchami-na-sluchay-aresta> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Satarov, G. (2019) Personal’no Vash [Personally yours]. *Ekho Moskvy — Echo of Moscow*, 16 August. [Online]. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/personalnovash/2483405-echo/> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Sidorova, G. Putsch. Nachalo. Galina Sidorova — o “nezhelatel’noj vlasti” [The putsch. Beginning. Galina Sidorova — about “undesirable power”]. *Radio Svoboda — Radio Liberty*, 5 August. [Online]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/30092720.html> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Sokolov, M. (2019a) Kak preodolet’ putinizm? [How to overcome Putinism?]. *Radio Svoboda — Radio Liberty*, 5 September. [Online]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/30148020.html> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Sokolov, M. (2019b) Putinizm doshel do dna? [Has Putinism reached the bottom?]. *Radio Svoboda — Radio Liberty*, 29 July. [Online]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/30081256.html> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Svetova, Z. (2019) Prosnulis’ v drugoj strane. Zoya Svetova — o “Bolotnom” i “merskom” delakh [We woke up in another country. Zoya Svetova — about “Bolotny” and “mayoral” affairs]. *Radio Svoboda — Radio Liberty*, 16 August. [Online]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/30111885.html> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Tseplyaev, S., Vesnin, A. (2019) Osoboe mnenie SPb [Special opinion, Saint Petersburg]. *Ekho Moskvy — Echo of Moscow*, 29 August. [Online]. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2491783-echo/> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Vasil’chuk, T. (2019) Synov’ya vintili. 3 avgusta moskvicham zapretili nakhodit’sya v tsentre stolitsy [The sons arrested. On August 3 Muscovites were banned from being in the center of the capital]. *Novaya gazeta*, no. 85, 5 August. [Online]. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/08/04/81488-synovyva-vintili> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Venediktov, A. (2019) Putin mne skazal: “Tvoj internet — sploshnaya dezinformatsiya. Smotri, tam lezhat papki, kazhdaya podpisana generalom, esli menya obmanut, mogu pogony sorvat!” [Putin told me: “Your Internet is nothing but disinformation. Look, there are folders there, each signed by a General, if I am deceived, I can tear off my shoulder straps!"]. *Ekho Moskvy — Echo of Moscow*, 19 August. [Online]. Available at: https://echo.msk.ru/blog/prensa_echo/2485335-echo/ (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Zayavlenie Kongressa intelligentsii k godovshchine razgroma putcha GKChP (2019) [Statement of the Congress of intellectuals on the anniversary of the defeat of the putsch of the GKChP]. *Ekho Moskvy — Echo of Moscow*, 19 August. [Online]. Available at: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/2485627-echo/> (accessed 23.12.2020). (In Russian)

References

- Avtsinova, G. A., Burda, M. A. (2019) Molodezhnaya politika sovremennoj Rossii: absenteizm i politicheskij protest [Youth policy of modern Russia: Absenteism and political protest]. *Voprosy politologii — Political Science Issues*, vol. 9, no. 4 (44), pp. 649–655. (In Russian)
- Franz, V. A. (2020) Osobennosti rasprostraneniya protestnykh nastroyenij v srede rossijskoj gorodskoj molodezhi v usloviyakh informatsionnogo obshchestva (na primere Ekaterinburga) [Features of the spread of protest sentiments among Russian urban youth in information society (by the case of Yekaterinburg)]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve — Philosophy and Humanities in Information Society*, no. 3 (29), pp. 61–80. (In Russian)
- Glotov, M. B. (2004) Pokolenie kak kategoriya sotsiologii [Generation as a category of sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological Studies*, no. 10 (246), pp. 42–49. (In Russian)
- Gudkov, L. D., Zorkaya, N. A., Kochergina, E. V., Pipiya, K., Ryseva, A. (2020) “Pokolenie Z”: Molodezh’ vremeni putinskogo pravleniya [“Generation Z”: Young people of the Putin era]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii — The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, no. 1-2 (130), pp. 21–121. (In Russian)

- Gudkov, L. D. (2007) Sovetskij chelovek v sotsiologii Yuriya Levady ["Homo Sovieticus" in sociology of Yurii Levada]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 6, pp. 16–30. (In Russian)
- Holina, O. I., Ponarina, N. N. (2015) Politicheskaya aktivnost' molodezhi v kontekste obespecheniya natsional'noj bezopasnosti [Political activity of youth in the context of national security]. *Sotsial'nye nauki — Social-Economic Sciences*, no. 2 (5), pp. 22–26. (In Russian)
- Inglehart, R. (2015) *The Silent revolution: Changing values and political styles among Western publics*. Princeton: Princeton University Press, 496 p. (In English)
- Kleshchenko, L. L. (2020) "Pokolencheskij razryv" kak mekhanizm delegitimizatsii vlasti v diskurse sovremennykh rossijskikh liberal'nykh media ["Generational gap" as a mechanism of delegitimization of power in the discourse of modern Russian liberal media]. In: O. V. Gaman-Golutvina, L. V. Smorgunov, L. N. Timofeeva (eds.). *Politicheskoe predstavitel'stvo i publichnaya vlast': transformatsionnye vyzovy i perspektivy. Materialy Ezhegodnoj vserossijskoj nauchnoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem RAPN'2020, Moskva, MPGU, 27–28 noyabrya 2020 g. [Political representation and public power: Transformational challenges and prospects. Proceedings of the Annual All-Russian Scientific Conference with International Participation RAPN'2020, Moscow, Moscow State Pedagogical University, 27–28 November 2020]*. Moscow: Moscow State Pedagogical University Publ., pp. 248–249. (In Russian)
- Kuryшева, O. V. (2010) Sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie vozrastnykh stereotipov molodezhi [Social and psychological research of youth's age-related stereotypes]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filozofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii — Logos et Praxis*, no. 2 (12), pp. 105–116. (In Russian)
- Levada, Yu. A. (2006) *Ishchem cheloveka. Sotsiologicheskie ocherki, 2000–2005 [Looking for a person. Sociological essays, 2000–2005]*. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 384 p. (In Russian)
- Leonov, K. A. (2008) Politicheskaya aktivnost' molodezhi i uroven' doveriya k politicheskim institutam [Political activity of young people and the level of trust in political institutions]. *Sotsiologiya vlasti — Sociology of Power*, no. 1, pp. 106–113. (In Russian)
- Maksimova, O. A. (2010) Preemstvennost' i konflikt pokolenij v informatsionnom obshchestve: sotsiologicheskij analiz [Succession of generations in information society: Sociological analysis]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. A. N. Tupoleva*, no. 3, pp. 210–213. (In Russian)
- Mannheim, K. (2000) Problema pokolenij [The problem of generations]. In: *Ocherki sotsiologii znaniya: Problema pokolenij. Sostyazatel'nost'. Ekonomicheskie ambitsii [Essays on the sociology of knowledge: The problem of generations. Competition. Economic ambitions]*. Moscow: INION RAS Publ., pp. 8–63. (In Russian)
- Omelchenko, E. L. (2011) Ot sytykh nulevykh — k molchalivym desyatym: pokolencheskie uroki rossijskoj molodezhi nachala XXI veka [From the fat 2000s to the silent 2010s: Generational lessons of the Russian youth of the beginning of the 21st century]. In: N. E. Pokrovsky, D. V. Efremenko (eds.). *Sotsiologicheskij ezhegodnik, 2011 [Sociological yearbook, 2011]*. Moscow: INION RAS Publ.; Publishing House of the Higher School of Economics, pp. 243–263. (In Russian)
- Pipiya, K. (2018) Kuda propal konflikt ottsov i detej? [Where did the conflict of fathers and children disappear?]. *Vedomosti*, 25 September. [Online]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/09/25/782022-kuda-propal-konflikt-ottsov-i-detei> (accessed 23.12.2020). (In Russian)
- Radaev, V. V. (2019) *Millenialy: kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo [Millennials: How the Russian society changes]*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 224 p. <https://www.doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1> (In Russian)
- Reutov, E. V., Reutova, M. N. (2020) Otnoshenie predstavitelej starshikh vozrastnykh grupp k negativnym gerontostereotipam (po materialam kachestvennogo issledovaniya) [Attitude of representatives of senior age groups to negative gerontostereotypes (on the materials of a qualitative study)]. *Zametki uchenogo*, no. 8, pp. 262–270. (In Russian)
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2019) Obrazy detstva i detej v simvolicheskoy politike [The images of childhood and children in the symbolic politics]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS — Political Expertise: POLITEKS*, vol. 15, no. 3, pp. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307> (In Russian)
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2020) "...Slyshu rech' ne mal'chika, no muzha": o genderno-vozrastnykh stereotipakh v politike ["Not a boy, but a man": On the gender-age stereotypes in politics]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve — Woman in Russian Society*, no. 4, pp. 5–13. <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.1> (In Russian)
- Semenova, V. V. (2009) *Social'naja dinamika pokolenij: problema i real'nost' [Social dynamics of generations: The problem and reality]*. Moscow: ROSSPEN Publ., 271 p. (In Russian)
- Shatilov, A. B. (2019) Pokolencheskie razryvy kak faktor rosta konfliktnosti v sovremennom rossijskom obshchestve ["Generational Gaps" as a factor of increasing conflicts in modern Russian Society]. *Vlast' — The Authority*, vol. 27, no. 4, pp. 26–32. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6581> (In Russian)
- Smirnova, T. V. (2008) Pozhilye lyudi: stereotipnyj obraz i sotsial'naya distantsiya [Ageing people: Stereotypic image and social distance]. *Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological Studies*, no. 8, pp. 49–55. (In Russian)
- Solovyev, V. A. (2015) Vliyanie SMI na politicheskuyu aktivnost' rossijskoj molodezhi [Media influence on the political activity of Russian youth]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta — Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 2 (713), pp. 153–164. (In Russian)

- Strauss, W., Howe, N. (1992) *Generations: The history of America's future, 1584 to 2069*. New York: Quill Publ., 554 p. (In English)
- Timchenko, A. A. (2018) Razryv pokolenij v rossijskom obshchestve XXI veka: sotsiologicheskij analiz [The generation gap in Russian society of the XXI century: Sociological analysis]. *Obshchestvo i pravo — Society and Law*, no. 3 (65), pp. 182–185. (In Russian)
- Vasil'chenko, V. V. (2016) *Vliyanie internet-kommunikatsij na aktivizatsiyu protestnykh dvizhenij molodezhi v sovremennoj Rossii [The impact of Internet communications on the activation of youth protest movements in modern Russia]*. PhD dissertation (Political Sciences). Moscow, RAS Institute of Philosophy, 161 p. (In Russian).
- Yurchak, A. V. (2020) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie [It was forever, until it was over: The last Soviet generation]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 664 p. (In Russian)
- Zhel'nina, A. A. (2014) "Ya v eto ne lezu": vospriyatie "lichnogo" i "obshchestvennogo" sredi rossijskoj molodezhi nakanune vyborov ["I'm not involved in this": The perception of "personal" and "public" among Russian youth on the eve of the elections]. In: S. V. Erpileva, A. V. Magun (eds.). *Politika apolitichnykh: Grazhdanskije dvizheniya v Rossii 2011–2013 gg. [Politics of the apolitical: Civil movements in Russia 2011–2013]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 143–181. (In Russian)

УДК 316.353

<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-38-47>

Мотивация протестного политического участия молодого и старшего поколений в представлениях россиян (на материале интервью)

Е. В. Панкратова ^{✉1}

¹ Ивановский государственный университет, 153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39

Сведения об авторе

Екатерина Владимировна
Панкратова,
SPIN-код: 2997-2230,
e-mail: e_v_pankratova@mail.ru

Для цитирования:

Панкратова, Е. В.
(2021) Мотивация протестного политического участия молодого и старшего поколений в представлениях россиян (на материале интервью). *Комплексные исследования детства*, т. 3, № 1, с. 38–47.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-38-47>

Получена 26 декабря 2020; прошла рецензирование 19 января 2021; принята 19 января 2021.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ (№ 20-011-31716).

Права: © Автор (2021). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. На материалах нестандартизированного интервью, проведенного в Иваново, Санкт-Петербурге и Махачкале, выявлены представления населения о мотивах участия молодежи в протестных митингах, о низкой протестной активности молодежи в республиках Северного Кавказа, о мотивах неучастия представителей старшего поколения в подобных мероприятиях. Выявлено, что представление о протестной активности представителей молодого и старшего поколений зависит от возраста, политических предпочтений населения и типа территории. Осознанность участия молодежи в таких акциях признают представители либеральной направленности. Большинство информантов, поддерживающих действующую власть, представителей коммунистических взглядов и не интересующихся политикой вообще, видят в митинговой активности молодых неразумность, конформизм, следование моде, но при этом признают их нацеленность на борьбу за свои права. С тем, что митинговая активность молодых — это протест против власти и диктата старших, противостояние поколений, соглашается большинство либерально настроенных и индифферентных к политике информантов. Низкая протестная активность молодежи Северного Кавказа в представлениях информантов вне зависимости от возраста и политических предпочтений объясняется ивановцами и петербуржцами особым воспитанием молодого поколения, а жителями Махачкалы — давлением семьи или общины родственников. Мотивы отсутствия старших на протестных политических акциях в представлениях информантов объясняются боязнью добиться худших условий жизни и изменений в целом. Большинство приверженцев такого мнения — это представители старшего и зрелого поколений, индифферентные к политике или лояльно настроенные к действующей власти.

Ключевые слова: молодежь, молодое поколение, старшее поколение, протестная активность, политическое участие, митинг, мотивация, республики Северного Кавказа.

Motivation for participation of the younger and older generations in political protests as viewed by Russians (based on interview material)

E. V. Pankratova✉¹

¹ Ivanovo State University, 39 Ermaka Str., Ivanovo 153025, Russia

Author

Ekaterina V. Pankratova,
SPIN: 2997-2230,
e-mail: e_v_pankratova@mail.ru

For citation:

Pankratova, E. V. (2021) Motivation for participation of the younger and older generations in political protests as viewed by Russians (based on interview material). *Comprehensive Child Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 38–47.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-38-47>

Received 26 December 2020;
reviewed 19 January 2021;
accepted 19 January 2021.

Funding: This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research (EISI), Research Project No. 20-011-31716.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. This article is based on the materials of a non-standardized interview conducted in Ivanovo, St. Petersburg and Makhachkala to reveal the public perception of the following: youth participation in protest rallies, low protest activity of youth in the North Caucasus, and the reasons for the non-participation of the older generation in protest rallies. It was found that the perception of the protest activity in which the younger and the older generations are involved depends on the age and political preferences of respondents as well as regional specifics. Respondents with liberal views tend to assume the awareness of the young people taking part in protests. Most of the respondents who support the present government, have communist views or are not interested in politics in general see the youth's protest activity as unreasonable, conformist and following the fashion, but at the same time such respondents admit the youth are focused on fighting for their rights. The respondents from Ivanovo and St. Petersburg, regardless of their age and political preferences, explain the low protest activity of youth in the North Caucasus by the fact of special upbringing of the younger generation in that region, while the respondents from Makhachkala explain it by the pressure from families or communities of relatives. The motives behind the non-participation of elders in political protest rallies are viewed by the respondents as the fear of worsening living conditions and of changes in general. This opinion is mostly expressed by older people who are not interested in politics or support the authorities.

Keywords: youth, younger generation, older generation, protest activity, political participation, rally, motivation, republics of the North Caucasus.

Введение

Возраст принадлежит к факторам, которые могут влиять не только на воплощение в жизнь политической стратегии органами власти, но и на реализацию населением своей политической позиции по отношению к политике и власти в целом. Как отмечают Т. Б. Рябова и О. В. Рябов, такая ситуация объясняется двумя аспектами. Во-первых, остротой «поколенческого разрыва», при котором ценности различных поколений все больше отличаются. Во-вторых, это определяется активным участием несовершеннолетних в протестной деятельности, что интенсифицирует вовлечение в политический дискурс образов, связанных с возрастом (Рябова, Рябов 2020, 6). Одной из классических форм политического участия населения выступает протестная (митинговая) активность (Тургаев, Хренов 2005, 117). Молодое поколение россиян как раз все чаще становится участниками таких про-

тестных митингов. Исследователи отмечают, что нынешний рост протестной активности российской молодежи (с 2017 по 2020 гг.) слишком ярко контрастирует с периодом ее спокойствия в предшествующие годы. Новизна и непривычность ситуации мешают выработке ясных и четких объяснительных моделей такого поведения молодого поколения (Руденкин 2020). Однако социологи, политологи и другие специалисты уже ищут причины такого поведения. Среди них называется и неудовлетворенность социально-экономическими условиями жизни, и отсутствие реальной молодежной политики, направленной на поддержание качества жизни молодого поколения, и несогласие с политическим курсом государства и мн. др. (Ерпылева 2012; Ковтун 2019; Савенцев 2020; Франц 2020). Но такое поведение молодежи влияет не только на самих протестующих, но и на все население страны в целом, которое может либо осудить такого рода активность, либо пополнить их

ряды. Поэтому очень важно выявить представления россиян о мотивации участия молодого поколения в таких акциях протеста.

Основной состав протестующих представляла совершеннолетняя молодежь. В то же время, по оценкам населения, к молодому поколению принадлежат и дети (т. е. россияне в возрасте от 14 до 18 лет), и более старшая молодежь (от 18 до 30–35 лет в среднем). В свою очередь, символика детства в принципе является очень веским аргументом в политической борьбе (Рябова, Рябов 2019). Взрослое население неоднозначно воспринимает такую активность детей, объясняя ее неосознанностью, глупостью, манипулированием со стороны взрослых, а сами дети, в свою очередь, считают такие меры единственными, которые позволят повлиять на власть (Панкратова 2019, 101). В целом молодежная политическая активность воспринимается населением двояко: с одной стороны, качество «детскости» в негативном смысле зачастую приписывается всей молодежи, связывается с неразумностью, неопытностью, максимализмом, с другой — только молодежный протест внушает населению надежду на возможные перемены к лучшему в силу таких истинно детских качеств, как непосредственность, любознательность, открытость, искренность, отсутствие страха (Панкратова, Рябова 2019, 60).

Настоящее исследование сосредоточено на анализе представлений россиян о мотивах митинговой активности представителей не только современной молодежи, но и старшего поколения. Старость, по мнению Т. Б. Рябовой и О. В. Рябова, может служить «маркером зависимости и неспособности эффективно управлять, особенно в условиях стремительно меняющегося мира, и тем самым фактором, снижающим легитимность политического актора» (Рябова, Рябов 2020, 7). Однако данный контекст уместен не только по отношению к политическому управленцу, но и по отношению к населению, которое в той или иной степени обладает политическими ценностями и принимает участие в политике. Представители старшего поколения воспринимаются как трансляторы «советской модели» политического поведения, неспособные к принятию активных решений, изменениям сложившегося уклада, стремящиеся к слепому подчинению и трепету по отношению к руководителю. В этой связи важно понять, чем, по мнению россиян, еще может быть вызвана низкая политическая протестная активность старших.

Кроме того, в исследовании большую роль играет территориальный аспект, определяющий

возможные разрывы в специфике протестной активности населения. Крупный центральный город, обладающий ресурсами и перспективами для реализации молодого поколения, является центром притяжения молодежи, в отличие от областного центра, провинциального города, который не дает возможности молодому человеку проявить свои возможности, но зато комфортен старшему поколению своим спокойствием. Большую роль играют и традиции воспитания молодого поколения, которые, например, в регионах Северного Кавказа имеют большой вес.

Методика исследования

Для анализа представлений россиян о политическом участии молодого и старшего поколений проведена серия нестандартизированных интервью. Данный аспект является лишь частью комплексного социологического исследования, посвященного изучению «поколенческого разрыва» в легитимации и делегитимации власти в современной России¹, выполняемого под руководством Т. Б. Рябовой. Основным инструментарием исследования выступили два бланка интервью — для взрослого населения и детей. Для анализа были взяты жители трех городов: Санкт-Петербурга, Иваново, Махачкалы. Разные субъекты Российской Федерации были выбраны в силу их принципиальных отличий. Республика Дагестан имеет совершенно иные культурные традиции, что непосредственным образом может сказаться на представлениях об участии в политике как молодых, так и старших. Кроме того, все эти города имеют различный уровень политической активности населения и отличаются друг от друга по социально-экономическому развитию (уровнем и качеством жизни, степенью развитости инфраструктуры, полярностью социальной структуры населения) и размеру территории. Взрослые информанты были разделены на три возрастные группы: младшую (от 18 до 30 лет), среднюю (от 31 до 55 лет) и старшую (56 лет и более). Возраст опрошенных детей составил интервал от 14 до 17 лет. В интервью приняли участие мужчины и женщины. Важным фактором, влияющим на результаты исследования, стали политические ориентации информантов. Всего в интервьюировании приняли участие 40 человек.

¹ «Поколенческий разрыв» в легитимации и делегитимации власти в современной России: политический дискурс и общественное мнение» (при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ № 20-011-31716).

Причины участия молодежи в протестных политических мероприятиях

Одним из основных индикаторов, раскрывающим представление о политическом участии представителей молодого и старшего поколений России, выступает мотивация митинговой активности молодежи. Какие мотивы улавливают россияне в митинговой активности представителей молодого поколения? Одним из первоочередных мотивов молодежного политического протеста, по мнению большинства информантов, выступает желание отстоять свои законные права, в том числе право на свое мнение, право на самостоятельность своих решений.

Информанты, принадлежащие к молодому поколению, поддерживающие либеральные течения, составляющие в целом оппозицию к действующей власти, уверены в продуманности действий молодых митингующих. Здесь мы не видим отличий по территориальному признаку, так как сталкиваемся с ярко выраженными критическими позициями информантов из Республики Дагестан. Демонстранты, согласно их ответам, вступают в борьбу за лучшую жизнь, за свое будущее («...улучшить свою жизнь и исправить ошибки государства», мужч., 15 л., г. Махачкала; «...молодежь хочет что-то изменить, не хотят жить в таких условиях. Изменить для себя, для своих будущих детей...», женщ., 17 л., г. Иваново; «Молодежь хочет где-то работать, на что-то жить...», женщ., 19 л., г. Махачкала), выступают противниками системы власти («молодые хотят изменить, им еще целую жизнь жить. Тут беспредел творится на глазах», мужч., 25 л., г. Иваново; «...везде коррупция, шагу нельзя сделать без денег. Молодым нет работы. Раньше ни одного неработающего не было, их милиция выявляла. Сегодня почти никто не работает, значит, жениться не может. У него денег нет, надо ехать в Москву, он чувствует, что ему плохо будет...», мужч., 71 г., г. Махачкала), которая получает в максимальной степени жесткие негативные отзывы («...Мы — эти дивергенты с крашеными волосами, которые возьмут сейчас и свергнут это злое тоталитарное правительство...», мужч., 19 л., г. Санкт-Петербург). Такого же мнения придерживаются либералы и более старшего возраста («...молодежь действительно активно перемещается по всему миру, и ей есть с чем сравнивать, и то, что у нас... выборы превращены уже в просто в какой-то спектакль одного актера...», женщ., 56 л., г. Санкт-Петербург).

Мнения поддерживающих власть, индифферентных к политике и представителей коммунистических взглядов носят менее окрашенный негативными красками характер, хотя встречаются и критические суждения («...цены растут, зарплаты — нет, санкции еще... вот... и молодежь тут в таком же положении, как и все. Все недовольны в целом, как и молодежь тоже...», женщ., 26 л., коммунист. взгляды, г. Санкт-Петербург; «...отсутствием перспектив в своем развитии; материальный аспект может не устраивать, распределение ресурсов могло не устраивать», женщ., 51 г., г. Санкт-Петербург; «Везде протекционизм, только своих везде проталкивают. В Дагестане это было больше всегда, но теперь и Россия не отстает», женщ., 60 л., г. Махачкала).

Чаще остальных информанты, выступающие за действующую власть, и представители коммунистических взглядов не видят серьезных мотивов участия молодых в митингах. Самое популярное объяснение митинговой активности молодежи — неосознанность и непонимание того, куда и зачем они идут («...подростки еще не понимают политику...», мужч., 41 г., г. Махачкала; «куча дурачков», мужч., 51 г., г. Санкт-Петербург; «...эта молодежь идет, но она абсолютно ничего в политике не понимает. Они численность создали... а кто они — они мальки, а не рыба», женщ., 66 л., г. Иваново; «...Они даже не понимают, я думаю, 90% того, что это. Просто массовое какое-то мероприятие...», женщ., 45 л., г. Иваново; «...наверное, до 18 лет люди вообще могут не знать, не отдавать себе отчет в том, куда идут и что делают. Либо их кто-то использовал, либо не от большого ума вышли», женщ., 35 л., г. Махачкала).

Самовыражение молодых, которое они ищут в том числе и в таких акциях, — одна из упоминаемых причин («...это же такой повод проявить себя! Выпустить эмоции, можно особо не разбираться, что там происходит с этой властью...», мужч., 17 л., г. Иваново).

Ряд мотивов был назван только представителями среднего (зрелого) и старшего поколений — мода, желание массовых мероприятий, «тусовки», «движа», «драйва» в силу необременности семьей, работой, заботами по жизни в целом.

Информанты улавливают связь с отсутствием страха («нет особого страха, какого-то самосохранения», женщ., 22 г., г. Иваново). Причем здесь ярко прослеживается не просто необоснованный протест смелых и самоуверенных представителей молодежи, а борьба за справедливость. Такого мнения придерживается боль-

шая часть информантов вне зависимости от возраста и политических предпочтений.

Молодежь вообще не должна быть участником подобных мероприятий, да и протесты — не способ решения проблем, — такой позиции придерживаются представители старшего поколения, индифферентные к политике или лояльные к власти («...Но сейчас, когда нас вытаскивали из ямы, в которой мы были, и мы живем несравнимо лучше, чем мы жили до того как... до Путина, конкретно. Ну нельзя. Все нужно решать мирным путем. Выборами. Агитацией, но не такой агитацией, вот что собрал толпу и все орут как сумасшедшие. А именно нужно проводить какую-то воспитательную работу...», женщ., 74, г. Санкт-Петербург; «Выступления молодежи — это неразумность, в результате выступления получается много жертв, много разрушений, вместо этого можно было бы собраться и подать жалобу, чем организовывать митинги. Каждую неделю по одной жалобе, пока не заметят», мужч., 17 л., г. Махачкала). А если молодые и идут на такие мероприятия, то явно не по причине своих взглядов, являясь объектом манипуляции («...они находятся под влиянием каких-то других сторонних сил. По большей части. Которые заинтересованы в беспорядках, митингах. Я прекрасно знаю, что некоторых финансируют и поэтому они участвуют в этих митингах...», женщ., 56 л., г. Иваново; «Они никто не борются за свои права, они борются за права того человека, кто их уговорил выйти», мужч., 46 л., г. Махачкала). Молодые демонстранты подвергаются влиянию конформизма, а значит, идут на данные мероприятия не по собственному решению, а чтобы не отличаться от своих сверстников, представителей своей компании («...им пообещали что-то такое или они пошли со своими старшими товарищами...», женщ., 57 л., г. Санкт-Петербург; «...может, стадность, один начал — другие поддержали», женщ., 37 л., г. Махачкала).

Характерная причина участия в протестах молодежи, выделяемая информантами из Дагестана, кроется в том, что государство не уделяет должного внимания проблемам молодежи: «На них внимания не обращают, что они есть, что-то им нужно или не нужно», мужч., 45 л. Кроме этого в дагестанском массиве данных интервью среди мнений как молодых, причем лояльных к власти, так и молодых, и старших либералов доминирует позиция необходимости смены власти («Вообще за смену власти у нас люди, они устали за столько лет. Все говорят: „...вот я родилась при Путине, так можно

я хотя бы умру не при Путине»», женщ., 19 л., либералка, г. Махачкала; «...они, конечно, сильные силы, главное, чтобы власть поменялась, хотят перемен...», мужч., 48 л., коммунистические взгляды, г. Махачкала; «Молодежь хочет увидеть на посту президента кого-то другого, Путин уже несколько поколений руководит, он засиделся. Но я не могу сказать, что его правление ужасное. Он много сделал для нашей страны. Но неужели ему не хочется на пенсию, отдохнуть?», мужч., 17 л., лояльный к власти, г. Махачкала).

С тем, что митинговая активность молодых — это протест против власти и диктата старших, противостояние поколений, соглашается большинство либерально настроенных и индифферентных к политике информантов.

Причины низкой протестной активности молодежи в республиках Северного Кавказа

Республики Северного Кавказа отличаются достаточно низкой протестной активностью молодежи. Это может быть обусловлено как внутренними (традиции, клановость/семейственность, терпеливость, удовлетворенность уровнем жизни, низкая политическая грамотность, позднее созревание, несамостоятельность молодежи Кавказа), так и внешними причинами (характер и специфика столичных городов, давление со стороны старших, занятость молодежи в других сферах жизни, давление со стороны власти и правоохранительных органов). Какие объяснения данного феномена дают информанты?

Такую внутреннюю причину, как традиции — почитание старшего поколения, привычка их слушать, опираться на их решение, — называет абсолютное большинство информантов г. Иваново — в целом политически пассивного города с низким уровнем жизни. Такого мнения придерживаются представители молодого и зрелого поколений разных политических ориентаций («Наша молодежь привыкла прислушиваться к старшим, если старшие их не поведут, они сами не пойдут», мужч., 41 г., г. Махачкала; «...это совершенно особая, как говорится, цивилизация, где больше все строится на каком-то родовом праве, на каких-то традициях», мужч., 31 г., г. Иваново; «...на Кавказе развито уважение, подчинения больше, чем здесь», женщ., 45 л., г. Иваново).

Лишь представители Республики Дагестан оправдали такую ситуацию влиянием семьи на

молодежь. Традиции таких территорий предполагают поддержку, в том числе и материальную, клана (семьи), а значит, и зависимость молодого человека от мнения родственников («У нас низкая (протестная активность), потому что здесь не как в России, каждый сам за себя. У кого-то если кто-то есть, тухум, родня... подтягивают друг друга, в плохом положении не оставляют, стараются по крайней мере, поэтому из-за того, что молодежь пользуется этими достоинствами (благами), (чтобы не позорить тухум), не лезут куда не надо», мужч., 45 л., г. Махачкала).

Молодые дагестанцы позиционируют себя как терпеливый и мирный народ, который не желает протестовать против власти, готов смириться с какими-либо лишениями. Однако это терпение, как видно из контекста ответа молодой либералки, не позитивно характеризует дагестанцев («В Дагестане народ мирный, протестовать не любит», мужч., 15 л., г. Махачкала; «В Дагестане привыкли все терпеть, терпеливые какие-то», женщ., 19 л., г. Махачкала).

Низкая политическая грамотность молодого населения — причина, которая указывалась лишь представителями Республики Дагестан, причем молодого и зрелого поколений («...у нас вроде есть университеты, но уровень политического сознания у студентов очень низкий, это зависит от качества образования... Здесь остаются только те, кто не может никуда поступить. Кому родители помогают», мужч., 48 л., г. Махачкала; «Дагестанская молодежь ничего не понимает в политике. Я сама ничего в этом не смыслю. Молодежи не до этого, это неинтересно, и поэтому они не протестуют», женщ., 17 л., г. Махачкала).

Среди причин внешнего характера лидирует типичность территории. Информанты полагают, что центр молодежной активности в целом — это столичные города, так как именно там присутствует сосредоточение молодежи и их максимальная количественная представленность. Большое количество вузов в Москве и Санкт-Петербурге привлекает огромную долю молодежи из всех регионов Российской Федерации. Эти люди имеют высокий уровень материального обеспечения, в некоторой степени независимы от родителей (зачастую далеко от них находятся) и являются политически образованными. Это позволяет им активно выражать свою общественную и политическую позицию, организуя и принимая активное участие в протестной митинговой деятельности. Такого мнения придерживаются практически все информанты из Санкт-Петербурга («...вот столицы и круп-

ные города — это... свобода, это вседозволенность такая, поэтому здесь это естественно. То есть если в кавказских республиках это более какие-то закрытые местности, где... ну, правит, в общем-то, как бы авторитет старшего поколения, то в больших городах молодежь свободна от какого-либо диктата... и поэтому может выплескивать все свои гормоны без всяких ограничений», женщ., 56 л., г. Санкт-Петербург; «...в Питере и Москве больше денег. Больше свободы, и у людей больше возможностей думать о том, что вообще происходит в политике и пытаться в ней разбираться в отличие от регионов, в которых ты... в которых, грубо говоря, у тебя уже проторенная дорожка, по которой ты идешь и получаешь информацию из одних источников, и ты как бы в очень узком кругозоре. Никак не вырываешься из этого. Школа, завод, больница, смерть. Москва и Питер — это больше слетней, тусовок, разговоров, обсуждений. Просто потому что тут больше зарплаты и тебе меньше нужно думать о выживании. Ты можешь потратить время на политику», мужч., 29 л., г. Санкт-Петербург; «Если мы сравниваем Москву и область — то в Москве больше народу и больше возможностей “побузить”», мужч., 51 г., г. Санкт-Петербург).

Кавказская молодежь, с точки зрения информантов из Иваново и Санкт-Петербурга, испытывает давление со стороны старших, которые запугивают их, поэтому молодые люди и не имеют привычки выражать свои протестные мнения («Все из-за их воспитания. Там отец, который говорит, что там ничего не изменить, и если ты, сынок, куда пойдешь, то я тебе руку сломаю», мужч., 25 л., г. Иваново, либеральные взгляды). Однако такого мнения вообще не высказали сами дагестанцы.

В свою очередь, исключительно информанты Дагестана всех политических ориентаций в качестве причины молодежного абсентеизма назвали давление со стороны власти, в частности, правоохранительных органов («Они боятся, что их обвинят в терроризме...», мужч., 44 г., коммунистические взгляды, г. Махачкала; «На Кавказе беспредел полицейский и, опять же, все боятся», женщ., 19 л., либеральные взгляды, г. Махачкала).

И последняя существенная причина, объясняющая отсутствие протестных молодежных митингов, — это занятость молодежи работой и семьей. Представители Дагестана и города Санкт-Петербурга уверены, что современная молодежь Кавказа невысоко материально обеспечена и вынуждена прилагать огромные усилия для того, чтобы создать семью и обеспечить

нормальный уровень жизни («Молодежи (дагестанской) стыдно выйти с вопросами, почему нет зарплат, почему все стало дорого...», «...молодой человек не работает, значит, жениться не может, у него денег нет...», мужч., 71 г., г. Махачкала; «...люди должны работать и заниматься делом... для них митинги и протесты — какая-то ерунда», мужч., 42 г., г. Санкт-Петербург).

Причины неучастия представителей старшего поколения в протестных политических акциях

Чем отличается мотивация участия старшего поколения в акциях протеста? Можно ли вообще говорить, что политическая активность старшего поколения связана с присутствием на протестных митингах? Практика показывает, что среди участников протестов минимальное количество представителей старшего поколения. Это может свидетельствовать либо об удовлетворенности действиями настоящей властью, либо о неудовлетворенности, сопровождающейся «тихим бунтом», который происходит либо перед телевизором, либо в домашних беседах с родственниками и друзьями. Информанты называют ряд причин отсутствия старших на протестных митингах.

Наиболее распространенная причина — это боязнь сделать хуже. Жизненный уклад старшего поколения устоялся. За свою жизнь они столкнулись с разными обстоятельствами жизни и к этому времени научились существовать в конкретных условиях, приспособились и вышли на определенный уровень качества жизни, пусть и невысокий, но в целом удовлетворяющий их. Большинство приверженцев такого мнения — это представители старшего и зрелого поколений, индифферентные к политике или лояльно настроенные к действующей власти («...раньше было хуже. Им лишь бы не было войны, голода, им комфортно жить сейчас, они не хотят ничего менять», женщ., 17 л., г. Иваново; «Боязнь перемен, потому что старшее поколение увидело за последние, условно говоря, 30–40 лет несколько таких слов, всяких финансовых кризисов. Это было связано с какими-то определенными личностями, которые приходили во власть или, там, уходили. Естественно, они не хотят что-то менять — им просто страшно», мужч., 42 г., г. Санкт-Петербург).

Старшее поколение боится перемен, предпочитает стабильность, пусть и не дающую возможности жить достойно. Такого мнения придерживаются в основном зрелые информанты, склоняющиеся в сторону коммунистических

взглядов и поддерживающие власть («Старшее поколение устраивает консерватизм старших политиков. Старшее поколение пришло из СССР, сталинские времена; для них то, что сейчас происходит, — это неплохо. Может быть хуже, можно и к диктатуре вернуться», мужч., 17 л., г. Иваново; «...это страх взлететь со своего гнезда. Они боятся за то, что у них уже есть, боятся это потерять. Пусть будет любая политика, но чтобы все оставалось на своих местах. Они боятся новшеств», женщ., 66 л., г. Иваново; «Они живут вот здесь и сейчас, и хотя и недовольны, имеют какую-то стабильность. Любое изменение во власти влечет изменение и в социальной сфере... старшее поколение у нас очень много всего пережило. И лучше они будут жить в той известности, в которой живут, чем в той неизвестности, которую они получают после смены власти», женщ., 57 л., г. Санкт-Петербург; «Они ничего не хотят менять, их все устраивает», женщ., 37 л., г. Махачкала).

Плохое здоровье, возраст как препятствие политической активности называют зрелые и старшие участники интервью, причем разных политических ориентаций («...на митинге можно и пострадать. Кто-то в силу возраста не пойдет, а может и хотел бы пойти», женщ., 38 л., г. Иваново; «...на митинги ходить не каждому здоровье позволит», мужч., 15 л., г. Махачкала).

Опыт прошлого, подчинение авторитету власти в советское время, привычка поддерживать власть и не перечить — достаточно распространенная причина политического безучастия старших, по мнению молодых и зрелых информантов в основном коммунистической направленности («...их что-то устраивает, потому что старые люди выросли в советскую эпоху, где долго была стабильность. Долго была у власти одна и та же партия, у них была размеренная жизнь», женщ., 45 л., г. Иваново; «...старшее поколение, оно сколько лет жило с тем, что власть... априори поддерживается, что... это вошло в привычку. Вот. Я просто помню свою бабушку... которая уже на пенсии была, и ее просто вот... священный трепет, в который ее наводило только слово “начальник”. Если сказать вот “начальник” — сразу все... это непререкаемый авторитет, и это нужно выполнять без колебаний», женщ., 56 л., г. Санкт-Петербург; «...старшее поколение, оно росло в другое время, и у них нет привычки ходить на митинги, во всяком случае, протестные... они, наоборот, привыкли на партийные ходить демонстрации, за власть, за партию, а при-

вычки к протестам нет, потому что раньше они, протесты, были запрещены», женщ., 26 л., г. Санкт-Петербург; «У них (старших) это идет по инерции, власть всегда права», женщ., 19 л., г. Махачкала).

Информанты старшего и среднего возраста, в основном лояльные к власти, выделяют усталость, отсутствие веры в то, что могут произойти изменения к лучшему, разочарование во власти. Такое мнение доминирует в достаточно аполитичном городе Иваново, где уровень жизни сравнительно низок, если рассматривать другие субъекты Российской Федерации («...хочется тихой, мирной жизни. Старости такой более порядочной. А чего-то кричать, добиваться — как в пустые ворота стучать, которые не открываются, уже сил нет. Это дело молодых, они чуть поднажмут — и все откроется», женщ., 66 л., г. Иваново; «Они свое уже отработали, им хватает нынешней власти, они уже устали воевать и смирились», мужч., 46 л., г. Махачкала).

Немаловажная причина, названная большинством самих представителей старшего поколения, причем проживающих в городе Иваново, — это безразличие, отсутствие интереса к политике в принципе («...точно не позиция. Это больше лень. Нежелание выходить на все это дело. Мне вообще до лампочки, я не пойду», мужч., 69 л., г. Иваново; «Вот это молчаливое большинство — оно просто аполитично, оно не хочет принимать участие в политике, не хочет бороться за свои интересы», мужч., 22 г., г. Иваново; «...они становятся более инертными, им становится немного все равно, мол, что осталось тут пожить», женщ., 56 л., г. Иваново).

Наличие повседневных забот о родственниках, здоровье, постоянный быт — причина, которая чаще всего была выделена молодыми информантами с либеральными взглядами («...люди начинают больше сосредотачиваться на каких-то вещах бытового характера, домашнего. Больше волнуют вопросы здоровья, вопросы близких, чего-то связанного с домом, попытка стабилизации в этом контексте», мужч., 30 л., г. Санкт-Петербург).

Боязнь потерять нажитое имущество либо приобретенный статус, какие-то привилегии — также мотив, который выделялся в основном молодыми участниками интервью, проживающими в Санкт-Петербурге («...им есть что терять. У них намного больше накоплений. Намного больше страхов, что все станет еще хуже, что они потеряют все то, что они накопили. А у молодежи ничего этого нет. Им нечего терять», мужч., 29 л., г. Санкт-Петербург;

«...у них квартиры есть, детей они устроили, пенсии есть, иногда не одна пенсия, поэтому они менять ничего не хотят», мужч., 71 г., г. Махачкала).

Зависимость от власти как причина, объясняющая отсутствие старших на митингах, называлась представителями поддерживающих либеральные течения («...люди старшего возраста, особенно на пенсии, большая часть из них очень сильно зависит от государства, и оно живет только вот на то нищенское пособие, которое дает государство, и поневоле приравнивая его, так сказать, к действующей власти... ставя даже это нищенское пособие в заслугу, и в зависимость от власти», женщ., 56 л., г. Санкт-Петербург).

Также в качестве причины отсутствия старших на акциях протеста была названа поддержка действующей власти («Те, кто хорошие пенсии получают — не выйдут, они доверяют власти», мужч., 45 л., г. Махачкала). Эту позицию высказали представители Республики Дагестан.

Физическая опасность получить травму во время митинга также, по мнению опрошенных, является препятствием митинговой активности старших («...не дай Бог ударят, умрет еще», мужч., 44 г., г. Махачкала).

Один из представителей молодых либералов высказал мнение о том, что старший не пойдет на акцию протеста, так как подвергается активной пропаганде СМИ, которая «затуманивает» реальную картину жизни в стране («...СМИ им в уши льют, а они и рады», мужч., 25 л., г. Иваново).

Заключение

Протестная активность — явление, которое не является характеризующим политическое поведение населения России в целом. Однако поколения стремительно меняются, а значит, происходит и смена ценностей, вследствие которой может трансформироваться и поведение населения в политике. Исследование показало, что совершенно не все россияне воспринимают протестную активность молодого поколения как серьезное и обдуманное действие. К таким акциям они относятся с большой долей скепсиса. Такое мнение свойственно не только населению, принадлежащему зрелому и старшему поколениям, но и представителям молодого поколения. Улавливая в молодежной активности неразумность, массовость, конформизм, неопытность, информанты признают, что молодежь хочет быть услышанной, желает выразить свое мнение, имеет право самостоятельно

принимать свои решения. Продуманную молодежную протестную активность считают представители либеральных взглядов, которые уверены в том, что молодые люди вполне могут разобраться в политической ситуации и выразить свою позицию.

Объяснения отсутствия активного протеста молодежи на территориях республик Северного Кавказа, по мнению жителей Санкт-Петербурга и Иванова, зачастую объяснялось особым воспитанием молодого поколения, привитием ценности авторитета старшего. Однако сами дагестанцы, участвующие в интервью, видят эту ситуацию немного иначе. Велика роль семьи или общины родственников, которая оказывает материальную поддержку молодым людям и, в свою очередь, требует от них соответствующего поведения. Кроме того, низкая политическая грамотность кавказской молодежи как основная причина была названа только информантами Республики Дагестан. При выявлении представлений о причинах отсутствия активного протеста молодежи в районе Северного Кавказа информанты разных политических ориентаций были солидарны.

Старшее поколение россиян не является активистами на митингах. В представлениях информантов эти люди имеют размеренный образ жизни, адаптировались к социально-экономическим условиям жизни и боятся своей активностью добиться изменений в худшую сторону, так как за их плечами негативный опыт. Кроме того, играет большую роль привычка подчиняться власти, выработанная десятками лет в советское время. Безработность, боязнь перечить, трепет перед начальником — эти качества типичны для представителя старшего поколения. Политические ориентации информантов при ответе на этот вопрос не имели весомого значения. Тип территории и качество жизни — вот те внешние признаки, которые определили представления о протестной активности старшего поколения. Старшие ивановцы вообще не испытывают интереса к политике. Среди информантов Санкт-Петербурга больше тех, кто боится своими действиями потерять имущество, свой статус, сложившийся жизненный уклад. Поддержка действующей власти на основании удовлетворенности уровнем жизни как причина отсутствия старших на акциях протеста встретила только среди мнений дагестанцев.

Литература

- Ерпылева, С. В. (2013) «Родители меня не отпускали»: протестная политизация подростков в деполитизированном обществе. *Социология власти*, № 4, с. 150–174.
- Ковтун, Е. И. (2019) Представление московской молодежи и протестной активности (по данным социологического опроса). *Вестник московского университета. Серия 12: Политические науки*, № 1, с. 87–94.
- Панкратова, Е. В. (2019) Взгляд россиян на политическое участие детей (по материалам социологического исследования). В кн.: С. В. Ровбель, С. А. Ильиных (ред.). *Социальные практики и управление: проблемное поле социологии: Материалы II Сибирского социологического форума с международным участием*. Новосибирск: Изд-во НГУЭУ, с. 96–101.
- Панкратова, Е. В., Рябова, Т. Б. (2019) Представления о детстве как ресурсе мобилизации митинговой активности несовершеннолетних в современной России (на материале интервью). В кн.: Т. Б. Рябова, О. В. Рябов (ред.). *Символ детства в политике: от холодной войны к современности. Тезисы научной конференции*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 59–62.
- Руденкин, Д. В. (2020) Импульсы роста протестной активности российской молодежи: кейс Екатеринбурга. *Конфликтология / nota bene*, № 1, с. 1–14. <https://www.doi.org/10.7256/2454-0617.2020.1.32326>
- Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2019) Образы детства и детей в символической политике. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, т. 15, № 3, с. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307>
- Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2020) «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике. *Женщина в российском обществе*, № 4, с. 5–13. <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.1>
- Савенцев, Г. В. (2020) Тенденции массовой протестной активности молодежи в современной России. *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика*, № 13, с. 93–97.
- Тургаев, А. С., Хренов, А. Е. (ред.). (2005) *Политология*. СПб.: Питер, 560 с.
- Франц, В. А. (2020) Особенности распространения протестных настроений в среде российской городской молодежи в условиях информационного общества (на примере Екатеринбурга). *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*, № 3 (29), с. 61–80.

References

- Erpyleva, S. V. (2013) “Roditeli menya ne otpuskali”: protestnaya politizatsiya podrostkov v depolitizirovannom obshchestve [Protest politicization of adolescents in depoliticized society]. *Sociologiya vlasti — Sociology of Power*, no. 4, pp. 150–174. (In Russian)
- Franz, V. A. (2020) Osobennosti rasprostraneniya protestnykh nastroyenij v srede rossijskoj gorodskoj molodezhi v usloviyakh informatsionnogo obshchestva (na primere Ekaterinburga) [Features of the spread of protest sentiments among Russian urban youth in information society (by the case of Yekaterinburg)]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve — Philosophy and Humanities in Information Society*, no. 3 (29), pp. 61–80. (In Russian)
- Kovtun, E. I. (2019) Predstavlenie moskovskoj molodezhi i protestnoj aktivnosti (po dannym sotsiologicheskogo oprosa) [Perceptions among Moscow youth of protest activity: Sociological survey data]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki — Moscow State University Bulletin. Series 12: Political Science*, no. 1, pp. 87–94. (In Russian)
- Pankratova, E. V. (2019) Vzglyad rossiyan na politicheskoe uchastie detej (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Russians’ view of the political participation of children (based on the materials of a sociological survey)]. In: S. V. Rovbel’, S. A. Il’inykh (eds.). *Sotsial’nye praktiki i upravlenie: problemnoe pole sotsiologii: Materialy II Sibirskogo sotsiologicheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem [Social practices and management: The problem field of sociology: Proceedings of II Siberian sociological forum with international participation]*. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management Publ., pp. 96–101. (In Russian)
- Pankratova, E. V., Ryabova, T. B. (2019) Predstavleniya o detstve kak resurse mobilizatsii mitingovoj aktivnosti nesovershennoletnikh v sovremennoj Rossii (na materiale interv’yu) [Attitude to childhood as resource of mobilization of protest activity of underaged in contemporary Russia (on the base of interview)]. In: T. B. Ryabova, O. V. Ryabov (eds.). *Simvol detstva v politike: ot kholodnoj vojny k sovremennosti. Tezisy nauchnoj konferentsii [Childhood symbol in politics: From the Cold War to the present. Scientific conference abstracts]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 59–62. (In Russian)
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2019) Obrazy detstva i detej v simvolicheskoy politike [The images of childhood and children in the symbolic politics]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS — Political Expertise: POLITEKS*, vol. 15, no. 3, pp. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307> (In Russian)
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2020) “...Slyshu rech’ ne mal’chika, no muzha”: o genderno-vozzrastnykh stereotipakh v politike [“Not a boy, but a man”: On the gender-age stereotypes in politics]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve — Woman in Russian Society*, no. 4, pp. 5–13. <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.1> (In Russian)
- Rudinkin, D. V. (2020) Impul’sy rosta protestnoj aktivnosti rossijskoj molodezhi: kejs Ekaterinburga [The impulses of growth of protest activity of Russian youth: The case of Yekaterinburg]. *Konfliktologiya / nota bene — Conflict Studies / nota bene*, no. 1, pp. 1–14. <https://www.doi.org/10.7256/2454-0617.2020.1.32326> (In Russian)
- Saventsev, G. V. (2020) Tendentsii massovoj protestnoj aktivnosti molodezhi v sovremennoj Rossii [Trends in mass protest activity of youth in modern Russia]. *Rossiiskij politicheskij protsess v regional’nom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika*, no. 13, pp. 93–97. (In Russian)
- Turgaev, A. S., Khrenov, A. E. (eds.). (2005) *Politologiya [Political science]*. Saint Petersburg: Piter Publ., 560 p. (In Russian)

УДК 32.019.51

<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-48-58>

Политические аспекты конфликта поколений в материалах правых российских и польских СМИ 2019–2020 года

Е. А. Пашковский^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Евгений Александрович
Пашковский,
SPIN-код: 2854-6753,
e-mail: eap988@gmail.com

Для цитирования:

Пашковский, Е. А.
(2021) Политические аспекты
конфликта поколений
в материалах правых российских
и польских СМИ 2019–2020 года.
*Комплексные исследования
детства*, т. 3, № 1, с. 48–58.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-48-58>

Получена 27 декабря 2020;
прошла рецензирование
18 января 2021; принята
19 января 2021.

Финансирование: Исследование
выполнено при финансовой
поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ
в рамках научного проекта
№ 20-011-31716.

Права: © Автор (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация конфликта поколений правыми политическими СМИ России и Польши. В рамках статьи предполагается рассмотреть особенности правой идеологии в России и Польше, выявить идеологические ориентации правых СМИ обоих государств, а также определить специфику правых взглядов на конфликт поколений в России и Польше. Методами исследования выступает контент-анализ материалов СМИ в Польше и России, посвященных акциям протеста (Москва, июль-август 2019, и Польша, ноябрь 2020 года). В настоящий момент правые консерваторы формируют польское правительство, в России правые представлены парламентской партией, хотя к «правому» электорату могут обращаться и другие партии (ЕР, КПрФ). В Польше правые СМИ идеологически однородны, тогда как в России СМИ можно разделить на несколько групп, которые по-разному относятся к власти и основным событиям. Это можно объяснить характером государства (Польское — национальное, Российское — многонациональное). Конфликт поколений репрезентируется польскими СМИ как конфликт ценностных идеалов молодого поколения и современных польских политиков, заставших коммунистический режим. Польские СМИ отмечают необходимость борьбы за протестную молодежь, чтобы привлечь их на свою сторону. Российские СМИ также отмечают конфликт поколений, подчеркивая несамостоятельность молодежи, ее инфантильность, и обращают внимание на провокационность митинга (цель лидеров, по их мнению, заключается в организации столкновений молодежи с правоохранительными органами). Конфликт поколений российские правые СМИ рассматривают как традиционный протест молодежи против взрослых, который разрешится по мере того, как молодежь повзрослеет.

Ключевые слова: конфликт поколений, правые, СМИ, молодежь, политика, протесты.

Political aspects of the generational conflict in the materials of right-wing Russian and Polish media in 2019–2020

E. A. Pashkovskii✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Evgenii A. Pashkovskii,
SPIN: 2854-6753,
e-mail: eap988@gmail.com

For citation:

Pashkovskii, E. A.
(2021) Political aspects of the generational conflict in the materials of right-wing Russian and Polish media in 2019–2020. *Comprehensive Child Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 48–58. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-48-58>

Received 27 December 2020;
reviewed 18 January 2021;
accepted 19 January 2021.

Funding: This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research (EISI), Research Project No. 20-011-31716.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article examines the representations of the generational conflict by the right-wing political media of Russia and Poland. The article intends to examine the features of right-wing ideology in Russia and Poland, to identify the ideological orientations of right-wing media in both countries, and to determine the specifics of right-wing views on the generational conflict in Russia and Poland. The research method is content analysis of media materials in Poland and Russia which covered the protests in Moscow (July — August 2019) and Poland (November 2020). At the moment, the right-wing conservatives form the Polish government, while in Russia the right-wing is represented by a parliamentary party, although other parties (such as United Russia and the Communist party) can also appeal to the right-wing voters. In Poland, the right-wing media is ideologically homogeneous, while in Russia right-wing media can be divided into several groups based on their attitude to the government and major events. This can be explained by the nature of the state (Poland is a national state, while Russia is a multinational one). The conflict of generations is represented by the Polish conservative media as a conflict between the value ideals of the younger generation, on the one hand, and contemporary Polish politicians who are old enough to have witnessed the Communist regime, on the other hand. Polish right-wing media point out the need to fight for the protest youth in order to attract them to their side. Russian conservative media also note the conflict of generations and emphasize that the youth are infantile and lack independence. Russian right-wing media draw attention to the provocative nature of the protests and believe that the leaders' goal is to arrange for the collision of youth with law enforcement bodies. The Russian right-wing media view the generational conflict as a traditional protest of young people against adults, which will be resolved as young people grow up.

Keywords: generational conflict, right-wing, mass media, youth, politics, protests.

Введение

Россия и Польша: многонациональное и национальное государства

Россия и Польша представляют собой постсоциалистические страны, которые прошли тридцатилетний опыт посткоммунистической трансформации. Россия и Польша — культурно близкие страны, до начала XX века составлявшие одно государство. В 1945–1991 гг. политический режим в Польше был идентичен политическому режиму СССР. После отказа от коммунистической идеологии посткоммунистические государства Центральной и Восточной Европы, также как и постсоветские государства (за исключением России), поставили целью строительство национальных государств. Существует несколько подходов к рассмотрению понятия

«нации» — примордиалистский и конструктивистский (Геллнер 1991). Первый подход рассматривает нацию как этническую общность. Второй — как политическую, где существует гражданская нация, включающая в себя всех граждан страны, вне зависимости от их этнического происхождения. Примордиалистские концепции реализовывались в Центральной и Восточной Европе в межвоенный период (1919–1939) и после 1989 г. Конструктивистский подход был характерен для Западной Европы (Франция, Великобритания). Этническая гомогенность восточноевропейских государств способствовала тому, что переход посткоммунистических стран к демократии сопровождался ростом гражданского национализма и формированием демократических политических режимов. Отсюда национализм является одним из идеологических оснований современных

государств региона ЦВЕ (в том числе и Польши). В России национальное государство не было сформировано. Во многом это было связано с незавершенностью оформления русской политической нации к 1917 году, прерванного революцией и гражданской войной. В Советском Союзе началось строительство многонационального государства. Здесь можно сослаться на работу «Империя положительной деятельности» американского исследователя Терри Мартина (Мартин 2011). Политика большевиков в 1917–1939 гг. трактуется этим исследователем как строительство новых наций на основе позитивной дискриминации русского большинства (создание территориальных автономий, алфавитов и письменности, обязательное изучение национальных языков, открытие национальных школ, ведение двойного документооборота, установление национальных квот, появление национальных органов самоуправления). Впоследствии эта политика была скорректирована в 1940–1950-е гг. с подчеркиванием статуса русского народа как «старшего брата» (корректировка преподавания истории, обязательное изучение русского языка, возможность выбора языка для ребенка из многонациональной семьи). В 1970-е годы предполагалось строительство новой исторической общности «советский народ», закрепленное в Конституции СССР 1977 г., однако поддержка национализма меньшинств продолжалась. В постсоветской России строительство национального государства не предполагалось. Это отмечают современные исследователи. В Конституции Российской Федерации 1993 г. указан в качестве источника (субъекта права) «многонациональный народ Российской Федерации» (ст. 3 «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»).

В настоящий момент Польша — парламентско-президентская республика (Конституция 1997 г.). В преамбуле Конституции упомянута «польская нация — все граждане Республики». Ст. 4 гласит, что: 1. Верховная власть в Республике Польша принадлежит Нации; 2. Нация осуществляет власть через своих представителей или непосредственно.

Исходя из анализа конституционных документов, мы можем сделать вывод, что Польша изначально заявила себя в качестве классического национального государства с конституционно закрепленным статусом польской нации. Националисты являются одним из магистральных идеологических движений существующего польского государства. Россия, закрепив в Кон-

ституции статус многонационального народа, сохранила позиции национальных меньшинств (национальные субъекты федерации, национально-культурные автономии, статус национальных языков, систему поддержки культуры национальных меньшинств), но при этом не создала оснований для формирования гражданской «русской нации». Позиции националистов в условиях «многонационального государства» ощутимо слабее, чем в национальном государстве.

Правые в России и правые в Польше

Исходя из особенностей государства (национальное или многонациональное), можно выделить и особенности консервативных движений, политических партий и СМИ.

Идеологическое разделение «правые» и «левые» оформилось в конце XVIII — начале XIX века во времена Французской революции 1789 года и последующих событий. Исторически «правыми» (консерваторами) называли сторонников Старого порядка, то есть сильной абсолютистской власти монарха, сохранения традиционных ценностей, сословного строя и сопутствующих феодальных практик. Условным правым оппонировали «левые», которые тогда не имели особого отношения к социалистам, а были сторонниками буржуазии, рыночных отношений, индивидуализма и ограничений прав монарха в пользу парламента (Афанасьев 2011). При этом нужно отметить, что в каждой из стран были свои исторические особенности формирования дихотомии «правые — левые».

Польша и Россия имеют общий опыт становления партийной системы в конце XIX — начале XX века, так как Польша входила в состав Российской империи. При этом необходимо отметить, что в России по итогам Гражданской войны сформировался однопартийный режим, тогда как в отделившейся от России Польше оформился многопартийный демократический режим, впоследствии сменившийся диктатурой 1926–1939 гг. После войны в Польше был установлен коммунистический режим, но при этом некоммунистические партии сохраняли свой статус и могли участвовать в выборах. В 1989 году по итогам круглого стола между коммунистическими элитами и антикоммунистическим движением «Солидарность» состоялись свободные выборы в Польский Сейм. В России свободные выборы в парламент состоялись в 1990 году (Съезд народных депутатов РСФСР), а выборы в Российский парламент (Государственную Думу и Совет Федерации) — в декабре 1993 года.

Если в Польше в 1990–2005 гг. основная политическая борьба шла по линии «левые — правые» (коммунисты, затем «Социал-демократический союз левых сил», крестьянская партия vs профсоюз «Солидарность» и его политические наследники, оформившиеся в партии), то в Российской Федерации оформился политический плюрализм. В России оформились партии правых либералов («Выбор России» — «Демократический выбор России» — «СПС»), правых популистов (ЛДПР), русских националистов (Конгресс русских общин — далее партия «Родина»), а также многочисленные левые партии (КПРФ, «Аграрная партия России», левые коммунистические движения, конкурирующие с КПРФ). К 2005–2007 гг. и в России, и в Польше произошло серьезное изменение партийно-политического ландшафта. В Польше оформились две политические силы, которые участвовали в парламентских выборах и имели шансы на формирование правительства (правые консерваторы «Право и справедливость» и центристы «Гражданская платформа»). Обе эти партии были политическими наследниками «Солидарности» и относят себя к антикоммунистическому сопротивлению. Бывшие коммунисты ПОРП-СЛДС, формировавшие правительство в 2001–2005 гг., сократили свое присутствие в парламенте, а в 2015–2020 гг. не были представлены в Сейме. В 2005–2007 гг. правительство формировали «Право и Справедливость» вместе с двумя правыми партиями («Самооборона» и Лига польских семей), а после распада коалиции в 2007–2015 гг. польское правительство формировала коалиция «Гражданской платформы» и «Народной (Крестьянской) партии». В 2015 году «Гражданская платформа» проиграла выборы, и впервые за всю посткоммунистическую эпоху польское правительство в одиночку сформировала партия «Право и Справедливость» (Лыкошина 2016), сохраняющая большинство по итогам выборов 2019 года. Правоконсервативная партия продолжила свою кампанию 2005–2007 года по восстановлению польской национальной идентичности, возвращению морали (традиционных ценностей) в политику, критикуя Европейский Союз за продвижение в Польше универсальных ценностей (Лагно 2017).

В России в начале 2000-х годов произошла серьезная корректировка избирательного законодательства (Гайсина 2019). Сократилось количество политических партий (из-за принятия ФЗ-67), были запрещены коалиции и избирательные блоки, увеличена численность политических партий (не менее 50 000 человек

по стране в целом, представительства в большинстве регионов). На фоне экономического роста и политической стабильности парламентское большинство стало формироваться партией «Единая Россия», которая заявила о своей консервативной идеологии, но при этом внутри партии долгое время существовали клубы и платформы, а ее идеологическая идентификация ставится под сомнение отечественными исследователями (Руденкин, Данилова 2013). Поэтому целесообразнее будет отнести политическую партию «Единая Россия» к центристам. К правой политической партии в России можно отнести ЛДПР; ее идеология может быть названа националистической (Сосенков 2017). ЛДПР занимает на общефедеральных парламентских выборах устойчивое третье место после «Единой России» и КПРФ, также имея существенное представительство в регионах РФ (3 главы региона избраны губернаторами, присутствие в законодательных органах более половины субъектов РФ). Кроме того, необходимо отметить, что другие партии, формально придерживаясь левых идеологий, могут работать с консервативно настроенными избирателями. Существующая трансформация политических идеологий и борьба за избирателей заставляет политические партии расширять количество потенциальных сторонников. Так, например, КПРФ еще с 1990-х годов стремится привлечь максимально широкие слои российских избирателей и активно работает с национал-патриотическими (правыми и консервативными) организациями. Политика КПРФ по защите традиционных ценностей и программные тезисы партии по т. н. «Русскому вопросу» (Зюганов 2020) не отменяют ее традиционной марксистско-ленинской идеологии, заявленной в программе.

Консервативные СМИ в России и Польше: особенности идеологии

Современные исследователи средств массовой информации отмечают, что СМИ обладают идеологическим потенциалом. Также исследователи выделяют идеологическую функцию (т. е. формирование идеологии) СМИ (Суходолов 2015). СМИ формируют идеологические ориентации своей аудитории. Также нельзя не отметить тот факт, что СМИ обладают своими собственными идеологическими и политическими предпочтениями: оказывают поддержку правительству или критикуют его из своих идеологических принципов.

В Польше «правые» СМИ можно охарактеризовать как консервативные и националистические, а также католические одновременно.

Характер национального государства в Польше позволяет объединить эти характеристики. Польша однородна (гомогенна) в этническом и религиозном плане. В Российской Федерации консервативные СМИ можно разделить на несколько категорий: право-консервативные, национал-демократические и охранительские.

Право-консервативные СМИ идентифицируют свою аудиторию по религиозному принципу. Для них русскость означает православие. Данные СМИ используют в качестве политического, идеологического и религиозного авторитета Русскую православную церковь. Они апеллируют к «традиционным ценностям», которые тесно связаны с религиозными традициями, что роднит их с дореволюционным пониманием русской идентичности. В качестве колумнистов участвуют представители РПЦ (священнослужители). Примерами таких СМИ могут выступать «Царьград», «Русская народная линия».

Национал-демократические СМИ апеллируют к теории гражданской нации, а идеологическая ориентация СМИ сочетает в себе либерализм и национализм. Национал-демократы ориентируются на сохранение светского характера государства. Во многом национал-демократы напоминают восточноевропейских правых. Данные СМИ тесно связаны с незарегистрированной в РФ «Национал-демократической партией» (АПН).

Охранительские (Неменский 2012) *СМИ*. Данные СМИ непосредственно поддерживают власть, защищая внутривнутриполитический курс правительства и президента. При этом СМИ занимают критическую позицию по ряду направлений государственной политики (критика министерств, чиновников, правоохранителей за недостаточную жесткость в отношении к Западу, к постсоветским государствам, проблемы миграционной и национальной политики). В качестве примера можно привести «Комсомольскую правду», в которой значительная часть колумнистов и сотрудников относится к националистам.

В рамках исследования мы взяли три польских СМИ: Do Rzeczy, Rzeczpospolita и Nasz Dziennik. Эти СМИ отличаются консервативной идеологией, иногда критикуя правящую партию Польши, но одобряя ее политический курс в целом. Можно отметить, что все три польских СМИ близки идеологически, что подтверждает тезис о единстве польских правых СМИ. Сетевой характер СМИ делает их более доступными для пользователей Интернета и молодой аудитории.

Российские правые СМИ идеологически различаются. «Комсомольская правда» — охранительское СМИ — в целом поддерживает курс государства, хотя колумнисты «КП» могут подвергать критике отдельные политические решения российского руководства.

«Царьград-ТВ» — это правоохранительское СМИ, принадлежащее крупному предпринимателю К. Малофееву. Основными идеологическими направлениями являются: защита традиционных ценностей (религиозных, православных), антизападничество (критика США, ЕС за агрессивную внешнюю политику и навязывание ценностей), прославление монархии (Историческая Россия до 1917 года).

АПН — «Агентство политических новостей» — издание, которое создал русский националист и писатель Константин Крылов (ум. в 2020 году). Особенностью данного СМИ является то, что редакторский коллектив, а также приглашенные авторы относятся к одному идеологическому направлению — национал-демократы. К. А. Крылов пытался зарегистрировать национал-демократическую партию в России, но Минюст отказал партии в регистрации, и единственной формой деятельности национал-демократов стала информационно-просветительская.

Три вышеназванных СМИ представляют все три магистральных направлений «правой» идеологии в России, они также относятся к сетевым (за исключением КП, которая издает и печатное СМИ). Сетевой характер СМИ позволяет им активнее вести информационную деятельность, а также делает более разнообразной аудиторию читателей (пользователи Интернета моложе аудитории, которая читает печатные издания).

Конфликт поколений и его влияние на политический процесс (на примере российских и польских СМИ)

Конфликт поколений является одной из актуальных проблем гуманитарных дисциплин. Термин «конфликт поколений» и его влияние на общество рассматривались зарубежными и отечественными социологами (Глотов 2004). В настоящий момент существует устойчивая классификация поколений (4 поколения), которая применяется учеными, представляющими различные научные дисциплины. Для нас имеет важность конфликт между поколениями, проявляющийся в посткоммунистических странах. Политические элиты (политики старше 50 лет) прошли социализацию и начали строить политические карьеры в эпоху коммунистических режимов — это характерно как для России, так

и для Польши (только в последнем случае вероятна карьера в политической оппозиции — профсоюзе «Солидарность»). Современная молодежь (младше 35) не имеют опыта жизни при социализме, прошли социализацию уже в посткоммунистической Польше или России. Также необходимо отметить, что представители молодежи поколения Z (от 2000 г. р.) активно участвуют в протестной деятельности (Пырма 2017). Отечественные ученые обращают внимание на использование образов детства в политике (Рябова, Рябов 2019), на влияние поколенческих разрывов на конфликтную ситуацию в обществе (Шатилов 2019); очень большое внимание уделено конфликту поколений с точки зрения конфликта «отцов и детей» (Левада 2005). Также необходимо отметить, что исследователи обращают внимание и на то, как различные политические акторы (Пашковский 2019) и СМИ (Клещенко 2019) используют образ детства в своих целях.

При проведении контент-анализа смысловые индикаторы образа возраста формировались исходя из стереотипов. В качестве единиц анализа, использовавшихся для обозначения старости, были взяты: старость как неполноценность, старость как проблемы со здоровьем, старость как ненужность. При подборе единиц анализа, относящихся к молодежи, использовались такие стереотипы, как: молодость как период несамостоятельности; молодость как неразумность; молодость как наивность; молодость как энергичность; молодость как оптимизм. При анализе зрелого возраста использовались индикаторы «разумность» и «ответственность», при анализе детства — «неразумность» и «беспомощность». Смысловые единицы контент-анализа разработаны исследовательским коллективом проекта «Поколенческий разрыв» в легитимации и делегитимации власти в современной России: политический дискурс и общественное мнение» (РФФИ и АНО ЭИСИ, грант № 20-011-31716).

Для изучения влияния конфликта поколений на политические процессы мы возьмем два случая: реакцию российских правых СМИ на акции протеста оппозиции в июле 2019 года в Москве (временной интервал — август 2019 года), а также реакцию польских правых СМИ на акции протеста оппозиции осенью 2020 года (временной интервал — ноябрь 2020 года). В обоих случаях аудиторией протеста стала молодежная аудитория — данный факт отмечается СМИ.

Необходимо отметить несколько важных аспектов, которые характерны для СМИ, при-

держивающихся «правой» идеологии. Первым является преуменьшение значения политических протестов в условиях новостной повестки дня. Тема протестов присутствует в новостных разделах, но количество политических комментариев и статей ограничено. Нельзя не отметить и тот факт, что авторы и комментаторы обращают внимание на то, что протестующая молодежь не только не отражает интересов всего общества, но даже не представляет интересы самой молодежи. Почти вся повестка, которую предлагает оппозиция, остается нераскрытой авторами материалов.

Рассмотрим это более подробно на примере освещения правыми российскими СМИ акций протеста в Москве в конце июля — августе 2019 года. Протестные митинги состоялись после того, как Московская городская избирательная комиссия отказала в регистрации нескольким кандидатам в депутаты Московской городской думы. Кандидаты, относящиеся к либеральной оппозиции, призвали своих сторонников выйти на несогласованные акции протеста. Освещая конфликт поколений, СМИ фокусировались на следующих проблемах: несамостоятельность молодежи, необходимость борьбы за молодую аудиторию, провокационность протеста и отсутствие новых лиц среди лидеров оппозиции.

Правые СМИ называют молодежь несамостоятельной. Авторы статей обращают внимание на то, что молодежь, которая выходит на оппозиционные митинги на улицу, получает все блага от существующей власти. Во многом это напоминает протест детей против отцов. На сайте «Агентства политических новостей» об этом говорится в статье «Восстание элоев». Конфликт поколений изображается в виде бессмысленных протестов сытой и довольной молодежи (путинские элои) против власти, создавшей все условия для ее развития. «В этом упоительном городе борода впервые в истории стала символом личностной незрелости; превращаясь в мужа, мальчик сбрасывает бороду» (Караулов 2019). Корреспондент «Комсомольской правды» Роман Голованов в своем материале отмечает: «Им хочется свободы и движухи. Лет через 10 они будут со смехом вспоминать, сидя с женой за вечерним бокалом вина, как удирали от омовской дубинки» (Голованов 2019b). Телеканал «Царьград», интервьюировавший сотрудников правоохранительных органов, отмечает следующее: «До 16–18 лет человек до конца еще не сформировал свое мировоззрение. А таковых среди пришедших большинство. Они даже не знают, что такое либерализм, демократия, охлократия»

(Сергеева 2019). Таким образом, все три СМИ акцентируют внимание на несамостоятельности молодежи и ее полном непонимании существующей действительности.

Необходимость борьбы за молодежь заключается в том, что СМИ отмечают важность сохранения преемственности поколений. Авторы по-разному реагируют на акции протеста, но при этом во всех материалах можно отметить либо сожаление (Караулов 2019) («Кто не сочувствует подростку, которого знатно экипированные гвардейцы волокут по собянинской плитке, у того нет сердца»), либо сочувствие (Сергеева 2019) («Скорее к ним некоторое снисхождение. Потому что я не понимаю, зачем это все? В действительности это похоже на обычную пиар-акцию, не более того. Почему они позволяют собой манипулировать?»).

Все три анализируемые СМИ называют акции протеста провокационными. Материал «АПН» усматривает в митингах протеста желание натравить молодежь одной элитной группой на другую. Материалы «КП» (Голованов 2019а, 30.07) и «Царьграда» (Сергеева 2019) делают акцент на провокации либералов, которые вывели молодежь (в том числе и приехавших из других регионов) для борьбы с властью (Генерал Ливень против... 2019).

Еще один тезис, прозвучавший в анализируемых изданиях, заключается в том, что у либеральной оппозиции появился новый, более молодой электорат. Сменились поколения их сторонников, при этом не поменялись сами лидеры (Караулов 2019; Голованов 2019b, 27.07). Правые СМИ часто отмечают, что «молодые» политики уже 10–15 лет считаются «молодыми лидерами», но сами давно перешли в другую возрастную категорию. Подводя итоги, мы можем отметить, что российские правые СМИ исключительно негативно оценивают политические протесты либералов, но при этом они отмечают важность проблемы и по-разному относятся к существующей власти. Конфликт поколений для российских правых СМИ сводится к типичному бунтарству молодежи, которое со временем проходит.

Польские правые СМИ также не очень охотно освещают протестные акции. Можно выделить три статьи от трех изданий, посвященных обсуждениям протестов, происходивших в ноябре 2020 года. Протесты связаны с принятием нового закона о запрете аборт, который делает незаконными все виды абортов. Принятие закона вызвало акции протеста, которые усилились из-за конфликта руководства Польши с Европейским Союзом. Основной

аудиторией протеста стали молодые поляки, а также представители оппозиционных движений. Можно выделить несколько широко обсуждаемых проблем, такие как: борьба за молодую аудиторию, ценностный характер конфликта поколений, отсутствие единства среди молодежи, дефицит новых идей у власти.

Борьба за молодежь рассматривается правыми СМИ как одна из важных задач. Материалы всех изданий подчеркивают важность учета мнений молодежи в праве определения будущего страны. Рано или поздно поколения сменятся, и молодежь займет свое место. Политика страны нуждается в изменении, о чем сигнализируют протесты в стране.

Конфликт поколений — это конфликт ценностей: молодые протестующие и старые политики по-разному формируют свои запросы. В статье газеты *Rzeczpospolita* (Adamczyk 2020) автором колонки указаны разные ценности польских политиков старшего возраста и молодежи, которая не застала коммунистическую Польшу. Важным для понимания конфликта поколений в Польше является отношение к церкви. Для пожилых она является основой свободы (от коммунизма), для молодых — основой несвободы. Это подтверждается интервью политика правящей партии (Kořakowski 2020), называющего ценности польских элит «обветшалыми». Польский священник (Gajkowski 2020) обращает внимание на конфликт ценностей молодежи и старшего поколения, говоря о важности религиозной и миссионерской работы с молодежью.

СМИ отмечают, что молодое поколение не едино, не все молодые люди участвуют в протестах (Gajkowski 2020). Молодежь активно участвует как в политике правящей партии, так и в оппозиционной деятельности. Они также достаточно открыты для церкви, в том числе проводят агитацию в Интернете среди сторонников.

Еще один аспект, фигурирующий в правых польских СМИ, которые фиксируют конфликт поколений, — это отсутствие новых идей у правящей партии. Издание *Do Rzeczy* публикует интервью с польским политиком, который покинул правящую партию и высказывается по отношению к существующей проблеме поколений. Он высоко оценивает меры правительства, но отмечает то, что в обществе сложился конфликт, нет новых идей и новых целей. Также очень важную роль играет то, что в Польше мало молодежи, поэтому со временем страна становится все более и более консервативной. *Rzeczpospolita* отмечает и то, что пожилые

политики защищают молодежь, которая не хочет такой защиты (Adamczyk 2020).

Таким образом, можно отметить, что польские СМИ также весьма негативно относятся к протестам, но при этом они обращают внимание на проблемы польского правительства и критикуют спорные политические решения.

Заключение

В качестве выводов мы можем отметить, что особенности правых СМИ тесно связаны с представлением правой идеологии в политической и партийной системе. Если говорить о Польше, то польские правые имеют серьезное влияние на формирование политического курса (контролируя правительство, пост президента и парламентское большинство) и представительство в СМИ. В России правые относятся к оппозиции (партия в парламенте), а средства массовой информации имеют меньшую аудиторию, чем государственные и либеральные. Во многом эта ситуация обусловлена особенностями государства (национальное или многонациональное). Польские СМИ можно охарактеризовать как консервативные, нацио-

налистические и религиозные одновременно. Если говорить о российских СМИ, то их можно разделить на правоконсервативные, национал-демократические и охранительские. Проблема конфликта поколений имеет важное значение для правых СМИ. И польские, и российские СМИ обращают внимание на конфликт поколений, который связан с активной протестной молодежью. Российские СМИ более сконцентрированы на состоянии оппозиции (несамостоятельность, неразумность протестующих, провокации лидеров), но не обращают внимания на курс политической элиты. Польские СМИ обращают внимание на позиции обеих сторон, в том числе связывая конфликт поколений не только с негативными действиями оппозиции (молодежь, которая склонна к протестам), но и с особенностями действий политической элиты Польши (отсутствие новых идей и диалога с новыми поколениями польских граждан). Также польские СМИ обращают внимание на ценностные расхождения между молодым поколением поляков и старшим поколением (особенности социализации и жизни в коммунистической и посткоммунистической Польше).

Источники

- Генерал Ливень против митинга в Москве: Оппозиция столкнулась с проблемами еще до начала акции. (2019) *Царьград-ТВ*, 10 августа. [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/news/general-liven-protiv-mitinga-v-moskve-oppozicija-stolknulas-s-problemami-eshhe-do-nachala-akcii_211993 (дата обращения 01.09.2020).
- Голованов, Р. (2019а) «Их учитель — поп Гапон»: Ради красивых кадров сотни людей бросили на кровавую бойню в Москве. *Комсомольская правда*, 30 июля. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/27008/4070879/> (дата обращения 01.09.2020).
- Голованов, Р. (2019б) Протесты в Москве: Корреспондента «КП» задержали, а бунтари дрались с полицией и перекрыли Садовое кольцо. *Комсомольская правда*, 27 июля. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27008.5/4070097/> (дата обращения 01.09.2020).
- Караулов, И. (2019) Восстание элоев. *Агентство Политических Новостей*, 29 июля. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=37948> (дата обращения 01.09.2020).
- Сергеева, О. (2019) Правда, о которой молчали настоящие мужчины: Рассказ омоновцев о несанкционированных митингах в Москве. *Царьград-ТВ*, 30 августа. [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/special-projects/pravda-o-kotoroj-molchali-nastojashhie-muzhchiny-rasskaz-omonovcev-o-mitingah-v-moskve_214327 (дата обращения 01.09.2020).
- Adamczyk, L. (2020) Starszemu pokoleniu wydaje się, że musi bronić młodsze, a młodsze tej obrony wcale nie chce. *Rzeczpospolita*, 25 November. [Online]. Available at: <https://www.rp.pl/Publicystyka/311259922-Starszemu-pokoleniu-wydaje-sie-ze-musi-bronic-mlodsze-a-mlodsze-tej-obrony-wcale-nie-chce.html> (accessed 27.11.2020).
- Gajkowski, K. (2020) Światło dla życia. *Nasz Dziennik*, 13 November. [Online]. Available at: <https://naszdziennik.pl/wiara-kosciol-w-polsce/228999,swiatlo-dla-zycia.html> (accessed 27.11.2020).
- Kořakowski, L. (2020) Poseł, który odszedł z PiS: Dotychczasowe elity polityczne mocno się zużyły. *DoRzeczy*, 25 November. [Online]. Available at: <https://dorzeczy.pl/kraj/162492/posel-ktory-odszedl-z-pis-dotychczasowe-elity-polityczne-mocno-sie-zuzyly.html> (accessed 27.11.2020).

Литература

- Афанасьев, М. Н. (2011) Типология идеологий. Правая идея. *Общественные науки и современность*, № 4, с. 29–43.

- Гайсина, А. В. (2019) Политические партии и партийная система России: к вопросу о классификации. *Вестник Забайкальского государственного университета*, т. 25, № 2, с. 63–71. <https://www.doi.org/10.21209/2227-9245-2019-25-2-63-71>
- Геллер, Э. (1991) *Нации и национализм*. М.: Прогресс, 320 с.
- Готов, М. Б. (2004) Поколение как категория социологии. *Социологические исследования*, № 10 (246), с. 42–49.
- Зюганов, Г. А. (2020) Русский стержень Державы. Статья-манифест Председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова. *Коммунистическая партия Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/194458.html> (дата обращения 27.11.2020).
- Клещенко, Л. Л. (2019) Репрезентация образа детства в либеральных СМИ современной России. *Комплексные исследования детства*, т. 1, № 4, с. 312–319. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2019-1-4-312-319>
- Лагно, А. Р. (2017) Прекрасное далёко: идея «морального обновления» польского общества. *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*, № 2, с. 174–184.
- Левада, Ю. А. (2005) Поколение XX века: возможности исследования. В кн.: Ю. А. Левада, Т. Шанин (ред.). *Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России*. М.: Новое литературное обозрение, с. 39–60.
- Лыкошина, Л. С. (2016) Национализм в современной Польше. *Россия и современный мир*, № 2 (91), с. 71–89.
- Мартин, Т. (2011) *Империя «положительной деятельности»*. *Нации и национализм в СССР, 1923–1939*. М.: Российская политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 664 с.
- Неменский, О. Б. (2012) Охранительство. *Вопросы национализма*, № 2 (10), с. 59–70.
- Пашковский, Е. А. (2019) Защита детства в программах российских и польских парламентских партий. В кн.: Т. Б. Рябова, О. В. Рябов (ред.). *Символ детства в политике: от холодной войны к современности. Тезисы научной конференции*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 62–66.
- Пырма, Р. В. (2019) Восстание поколения Z: новые политические радикалы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, т. 7, № 2, с. 43–50.
- Руденкин, Д. В., Данилова, А. В. (2013) «Идеология победителей»: какие взгляды выражали в своих программах партии, вошедшие в Государственную Думу РФ VI созыва. *Современные исследования социальных проблем*, № 9 (29). [Электронный ресурс]. <https://www.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-9-29> (дата обращения 01.09.2020).
- Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2019) Образы детства и детей в символической политике. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, т. 15, № 3, с. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307>
- Сосенков, Ф. С. (2017) ЛДПСС — ЛДПР о единстве России: политико-правовые позиции и законодательные идеи. *Вестник Волжской государственной академии водного транспорта*, № 53, с. 234–248.
- Суходолов, А. П. (2015) Идеологическая функция средств массовой информации в условиях информационных войн. *Вопросы теории и практики журналистики*, т. 4, № 2, с. 117–126.
- Шатилов, А. Б. (2019) Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе. *Власть*, т. 27, № 4, с. 26–32. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6581>

Sources

- Adamczyk, L. (2020) Starszemu pokoleniu wydaje się, że musi bronić młodsze, a młodsze tej obrony wcale nie chce [The older generation seems to have to defend the younger ones, and the younger ones do not want this defense at all]. *Rzeczpospolita*, 25 November. [Online]. Available at: <https://www.rp.pl/Publicystyka/311259922-Starszemu-pokoleniu-wydaje-sie-ze-musi-bronic-mlodsze-a-mlodsze-tej-obrony-wcale-nie-chce.html> (accessed 27.11.2020). (In Polish)
- Gajkowski, K. (2020) Światło dla życia [Light for life]. *Nasz Dziennik*, 13 November. [Online]. Available at: <https://naszdziennik.pl/wiara-kosciol-w-polsce/228999,swiatlo-dla-zycia.html> (accessed 27.11.2020). (In Polish)
- General Liven' protiv mitinga v Moskve: Oppozitsiya stolknulas' s problemami eshche do nachala aktsii [General Liven against the rally in Moscow: The opposition faced problems even before the start of the rally]. (2019) *Tsargrad-TV*, 10 August. [Online]. Available at: https://tsargrad.tv/news/general-liven-protiv-mitinga-v-moskve-oppozicija-stolknulas-s-problemami-eshhe-do-nachala-akcii_211993 (accessed 01.09.2020). (In Russian)
- Golovanov, R. (2019a) "Ikh uchitel' — pop Gapon": Radi krasivyykh kadrov sotni lyudej brosil na krovavuyu bojnyu v Moskve ["Their teacher is pop Gapon": For the sake of beautiful shots, hundreds of people were thrown into the bloody massacre in Moscow]. *Komsomolskaya Pravda*, 30 July. [Online]. Available at: <https://www.msk.kp.ru/daily/27008/4070879/> (accessed 01.09.2020). (In Russian)
- Golovanov, R. (2019b) Protesty v Moskve: Korrespondenta "KP" zaderzhali, a buntari dralis' s politsej i perekryli Sadovoe kol'tso [Protests in Moscow: The "KP" correspondent was detained, and the rebels fought with the police and blocked the Sadovoe Kol'tso]. *Komsomolskaya Pravda*, 27 July. [Online]. Available at: <https://www.kp.ru/daily/27008.5/4070097/> (accessed 01.09.2020). (In Russian)
- Karaulov, I. (2019) Vosstanie eloev [Rise of the Eloi]. *Agenstvo Politicheskikh Novostej*, 29 July. [Online]. Available at: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=37948> (accessed 01.09.2020). (In Russian)

- Kořakowski, L. (2020) Poseł, który odszedł z PiS: Dotychczasowe elity polityczne mocno się zużyły [MP who left PiS: The current political elite has worn out a lot]. *DoRzeczy*, 25 November. [Online]. Available at: <https://dorzeczy.pl/kraj/162492/posel-ktory-odszedl-z-pis-dotychczasowe-elity-polityczne-mocno-sie-zuzyly.html> (accessed 27.11.2020). (In Polish)
- Sergeeva, O. (2019) Pravda, o kotoroj molchali nastoyashchie muzhchiny: Rasskaz omonovtsev o nesanktsionirovannykh mitingakh v Moskve [The truth about which real men were silent: The story of the riot police about unauthorized rallies in Moscow]. *Tsargrad-TV*, 30 August. [Online]. Available at: https://tsargrad.tv/special_projects/pravda-o-kotoroj-molchali-nastoyashhie-muzhchiny-rasskaz-omonovtsev-o-mitingah-v-moskve_214327 (accessed 01.09.2020). (In Russian)

References

- Afanasyev, M. N. (2011) Tipologiya ideologiy. Pravaya ideya [Typology of ideologies. Right idea]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 4, pp. 29–43. (In Russian)
- Gaysina, A. V. (2019) Politicheskie partii i partiynaya sistema Rossii: k voprosu o klassifikatsii [Political parties and the party system of Russia: On the issue of classification]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta — Transbaikal State University Journal*, vol. 25, no. 2, pp. 63–71. <https://www.doi.org/10.21209/2227-9245-2019-25-2-63-71> (In Russian)
- Gellner, E. (1991) *Nations and nationalism*. Moscow: Progress Publ., 320 p. (In Russian)
- Glotov, M. B. (2004) Pokolenie kak kategoriya sotsiologii [Generation as a category of sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological Studies*, no. 10 (246), pp. 42–49. (In Russian)
- Kleshchenko, L. L. (2019) Rerezentatsiya obraza detstva v liberal'nykh SMI sovremennoj Rossii [Representations of the image of childhood in the liberal media in modern Russia]. *Kompleksnyye issledovaniya detstva — Comprehensive Child Studies*, vol. 1, no. 4, pp. 312–319. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2019-1-4-312-319> (In Russian)
- Lagno, A. R. (2017) Prekrasnoe daleko: ideya moral'nogo obnoveniya pol'skogo obshchestva [Beautiful far: The idea of a “moral renewal” of Polish society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) — Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*, no. 2, pp. 174–184. (In Russian)
- Levada, Yu. A. (2005) Pokolenie XX veka: vozmozhnosti issledovaniya [Generation of the XX century: Research opportunities]. In: Yu. A. Levada, T. Shanin (eds.). *Ottsy i deti. Pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii [Fathers and sons. Generational analysis of contemporary Russia]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 39–60. (In Russian)
- Lykoshina, L. S. (2016) Natsionalizm v sovremennoj Pol'she [Nationalism in modern Poland]. *Rossiya i sovremennyy mir — Russia and the Contemporary World*, no. 2 (91), pp. 71–89. (In Russian)
- Martin, T. (2011) *Imperiya “polozhitel'noj deyatel'nosti.” Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939 [The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]*. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ.; Foundation Presidential Center B. N. Yeltsin Publ., 664 p. (In Russian)
- Nemenskij, O. B. (2012) Okhranitel'stvo [Guarding]. *Voprosy natsionalizma*, no. 2 (10), pp. 59–70. (In Russian)
- Pashkovskiy, E. A. (2019) Zashchita detstva v programmakh rossiiskikh i pol'skikh parlamentskikh partij [The defense of the childhood in the programs of Russian and Polish parliamentary parties]. In: T. B. Ryabova, O. V. Ryabov (eds.). *Simvol detstva v politike: ot kholodnoy vojny k sovremennosti. Tezisy nauchnoy konferentsii [Childhood symbol in politics: From the Cold War to the present. Scientific conference abstracts]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 62–66. (In Russian)
- Pyrma, R. V. (2017) Vosstanie pokoleniya Z: novye politicheskie radikaly [Rebellion of the generation Z: New political radicals]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta — Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, vol. 7, no. 2, pp. 43–50. (In Russian)
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2019) Obrazy detstva i detej v simbolicheskoy politike [The images of childhood and children in the symbolic politics]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS — Political Expertise: POLITEKS*, vol. 15, no. 3, pp. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307> (In Russian)
- Rudenkin, D. V., Danilova, A. V. (2013) “Ideologiya pobeditelej”: kakie vzglyady vyrazhali v svoikh programmakh partii, voshedshie v Gosudarstvennyu Dumu RF VI sozyva [“Ideology of the winners”: What ideas were represented in the programs of political parties which were successful during last parliament elections in Russia]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem — Modern Research of Social Problems*, no. 9 (29). [Online]. <https://www.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-9-29> (accessed 01.09.2020). (In Russian)
- Shatilov, A. B. (2019) Pokolencheskie razryvy kak faktor rosta konfliktnosti v sovremennom rossijskom obshchestve [“Generational Gaps” as a factor of increasing conflicts in modern Russian society]. *Vlast' — The Authority*, vol. 27, no. 4, pp. 26–32. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6581> (In Russian)
- Sosenkov, F. S. (2017) LDPSS — LDPR o edinstve Rossii: politiko-pravovye pozitsii i zakonodatel'nye idei [LDPSS — the liberal democratic party of Russia unity: Political and legal position and legislative ideas]. *Vestnik Volzhskoj gosudarstvennoj akademii vodnogo transporta — Bulletin of the Volga State Academy of Water Transport*, no. 53, pp. 234–248. (In Russian)

- Sukhodolov, A. P. (2015) Ideologicheskaya funktsiya sredstv massovoj informatsii v usloviyakh informatsionnykh vojn [The ideological function of the media in terms relevant information wars]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki — Theoretical and Practical Issues of Journalism*, vol. 4, no. 2, pp. 117–126. (In Russian)
- Zyuganov, G. A. (2020) Russkij sterzhen' Derzhavy. Stat'ya-manifest Predsedatelya TsK KPRF G. A. Zyuganova [Russian core of the Power. Article-manifesto of the Chairman of the Central Committee of Communist Party of the Russian Federation G. A. Zyuganov]. *Kommunisticheskaya partiya Rossijskoj Federatsii [Communist Party of the Russian Federation]*. [Online]. Available at: <https://kprf.ru/party-live/cknews/194458.html> (accessed 27.11.2020). (In Russian)

УДК 323.3

<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-59-68>

Возраст власти? «Воображаемые поколения» и доверие к политикам в социальных представлениях современных россиян

Т. Б. Рябова^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Татьяна Борисовна Рябова,
SPIN-код: 4870-4514,
ResearcherID: E-2558-2016,
Scopus Author ID: 56114917500,
ORCID: 0000-0001-5270-7911,
e-mail: riabova2001@inbox.ru

Для цитирования:

Рябова, Т. Б.
(2021) Возраст власти?
«Воображаемые поколения»
и доверие к политикам
в социальных представлениях
современных россиян.
*Комплексные исследования
детства*, т. 3, № 1, с. 59–68.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-59-68>

Получена 22 января 2021; прошла
рецензирование 23 января 2021;
принята 25 января 2021.

Финансирование: Исследование
выполнено при финансовой
поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ
в рамках научного проекта
№ 20-011-31716.

Права: © Автор (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье, основанной на анализе результатов социологического исследования в трех российских регионах (2020), анализируется уровень доверия к политикам разного возраста представителей различных поколений. Показано, что возрастной фактор служит одним из ресурсов власти; он оказывает влияние на политические интересы, политические предпочтения, политическое участие. Анализ проведенных интервью показал, что возраст политика является важным фактором, влияющим на уровень доверия к нему / к ней. Информанты оценивают преимущества, которые дает политикам их принадлежность к различным возрастным группам, наделяя их в различной степени характеристиками, являющимися атрибутами власти.

В подавляющем большинстве приоритет отдается возрасту зрелости с его объективностью, ответственностью, трезвым взглядом на вещи, способностью договариваться, работой на результат и т. д. Степень доверия к молодым политикам, и еще в большей степени — к политикам «старшего» возраста, значительно ниже. Фактор возраста включается в оценки участвующих в политическом процессе различных поколений. Исследование показало невысокий уровень доверия между молодежью и старшим поколением.

Мнение россиян практически не зависело от их пола и образования. Важнейшим фактором, дифференцирующим взгляды, выступил возраст. Молодежь, в том числе и несовершеннолетние, в большинстве своем демонстрирует недоверие к «возрастным» политикам, полагая, что старшее поколение утрачивает способность адекватно реагировать на происходящие изменения.

Ключевые слова: возраст и власть, политология возраста, социальные представления, доверие к политикам, возрастные стереотипы.

The “age of power”: The imagined generations and the trust to politicians in the contemporary Russians’ social views

T. B. Riabova✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Tatiana B. Riabova,
SPIN: 4870-4514,
ResearcherID: E-2558-2016,
Scopus Author ID: 56114917500,
ORCID: 0000-0001-5270-7911,
e-mail: riabova2001@inbox.ru

For citation:

Riabova, T. B.
(2021) The “age of power”:
The imagined generations
and the trust to politicians
in the contemporary Russians’ social
views. *Comprehensive Child Studies*,
vol. 3, no. 1, pp. 59–68.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-59-68>

Received 22 January 2021;
reviewed 23 January 2021;
accepted 25 January 2021.

Funding: This research was
supported by the Russian
Foundation for Basic Research
(RFBR) and the Expert Institute
for Social Research (EISI),
Research Project No. 20-011-31716.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
License 4.0.

Abstract. The article analyzes the level of trust to politicians of various age exhibited by respondents belonging to different generations. The study is based on the results of interviews conducted in three regions of Russia in 2020. The author points out that the age factor serves as one of the resources of power and influences political interests, political preferences and political participation. The study shows that the age of a politician is an important factor which has an impact on the level of trust to him/her. The respondents evaluate the advantages which are enjoyed by politicians who belong to various age groups. The respondents also consider politicians to possess, to a various degree, the qualities which constitute attributes of power.

The mature age is mostly attributed such characteristics of power as objectivity, responsibility, rationality, ability to negotiate, goal-oriented approach, etc. The level of trust to the young politicians and, to an even greater degree, to the “elderly” ones is lower. The respondents refer to age when evaluating politicians belonging to various generations. The research demonstrates a lack of trust between young and elderly people.

The most important factor which differentiates the attitudes of respondents is their age. Young people, including minors, mostly demonstrate a lack of trust to elderly politicians and believe that such politicians lose touch with reality.

Keywords: age and power, the age issues in political sciences, social views, the trust to politicians, the age stereotypes.

Введение

Исследование возраста — комплексная проблема, требующая привлечения усилий самых различных наук, включая социологию, психологию, педагогику, культурологию, демографию, биологию и др. Мы хотели бы обратить внимание на то, что изучение возрастных различий, в том числе исследования детства, является одной из задач также и политической науки.

В последнее время политизация возрастных различий становится особенно заметной; в частности, апелляции к возрасту политических акторов и их сторонников играют важную роль в качестве аргумента в политической риторике. В российской политике это обуславливается еще и активным участием несовершеннолетних в протестной деятельности, что интенсифицирует вовлечение в политический дискурс обменов, связанных с возрастом.

В настоящей статье мы бы хотели остановиться на одном из вопросов, связанных с политизацией возраста, а именно на социальных представлениях о зависимости доверия к политикам от их принадлежности к тому или иному поколению.

Материалами для исследования будут служить данные интервью, осуществленного в рамках проекта РФФИ и АНО ЭИСИ «Поколенческий разрыв» в легитимации и делегитимации власти в современной России: политический дискурс и общественное мнение» (Т. Б. Рябова, Е. В. Панкратова, У. К. Мутаев). Исследование проводилось в форме нестандартизированных интервью в городах, различающихся размером, уровнем политической активности, степенью поддержки власти и оппозиции, этнокультурными особенностями (N = 42, осень 2020 г., Санкт-Петербург, Махачкала, Иваново). Информанты дифференцировались по полу, возрасту

(«14–17 лет», «18–34 года», «35–54 года», «старше 55 лет») и политическим предпочтениям (лоялисты / сторонники действующей власти, сторонники левых сил / приверженцы коммунистической и социалистической идеологии, политически индифферентные граждане и сторонники либеральной идеологии (в том числе сторонники А. Навального)).¹

Мы ставим целью ответить на следующие вопросы. Как возраст политика влияет на доверие к нему? В чем политики из различных поколений, по мнению россиян, превосходят друг друга, а в чем уступают? Как можно оценить уровень доверия друг к другу в политической сфере различных поколений россиян? Наконец, влияет ли на мнение информантов по этим вопросам их пол, возраст и политические предпочтения? Но вначале остановимся на методологических вопросах анализа политизации возраста.

Методологические аспекты проблемы (к вопросу о политологии возраста)

Поскольку конструктивистское понимание возраста подчеркивает социально детерминированный, изменчивый, контекстуально обусловленный характер представлений о возрасте, то релевантным политике выступают не столько реальные, сколько «воображаемые» поколения (о подходах к интерпретации поколений см.: Глов 2004, о воображаемых поколениях см.: Дубин 2002). Объективные различия, которые лежат в основе социальных границ между поколениями, в политике могут преувеличиваться или преуменьшаться. Критерием выделения поколений в этом случае служит воображаемый возраст. Для оценки политических акторов в политике используются обычно характеристики трех условных поколений, маркеры которых в разной мере соотносятся с критериями власти: 1) взрослость; 2) детство; 3) старость. В поколенческом дискурсе значение поколений создается и пересоздается политическими акторами в зависимости от их политических целей. «Немощные старики» и «неразумные дети», таким образом, являются «воображаемой» реальностью. Однако, будучи включенными в репрезентации политических акторов и политических процессов в поколенческом дискурсе, эти маркеры влияют на политическую реальность.²

¹ Благодарим за работу с информантами Л. А. Клещенко, Е. А. Пашковского, С. В. Смалья, Ю. Н. Фролову.

² Акцентирование возрастной специфики политика, группы, участвующей в политике, используется с целью получения

Согласно принципу интерсекционализма, дифференцирующие категории класса, расы, гендера, этничности, национальной и цивилизационной принадлежности взаимодействуют друг с другом, создавая при этом систему социальной иерархии (Crenshaw 1991). На наш взгляд, к ним можно добавить и возрастную признак. Оппозиция «ребенок — взрослый» может быть рассмотрена как своеобразная матрица отношений власти и подчинения, отражающая существующие в обществе иерархии и поддерживающая их. Маркировка индивида или сообщества как ребенка (детей) означает демонстрацию их несамостоятельности и обоснование необходимости контроля над ними (Рябова, Рябов 2020). Этим объясняется использование метафоры детства при характеристике, например, колониальных народов для производства потестарных отношений. Однако старость также может служить маркером зависимости и неспособности эффективно управлять, особенно в условиях стремительно меняющегося мира, и тем самым — фактором, снижающим легитимность политического актора.

Таким образом, можно говорить об интерсекциональности, взаимовлиянии политического и возрастного дискурсов. Очевидно, подобно тому, как существует, скажем, политическая обусловленность этнических процессов и этническая обусловленность — политических (что позволяет выделять этнополологию в качестве субдисциплины политической науки), можно говорить и о политической обусловленности возраста и возрастной обусловленности — политических процессов и явлений.

Проблема «возраст и власть» уже получала освещение в рамках политической антропологии. Так, В. Бочаров показал, как категории возраста участвуют в выстраивании социальных отношений. Опираясь на идеи М. Фуко, он определяет возрастные номинации как микротехнику власти (Бочаров 2006). Возраст играет роль одного из ресурсов власти на протяжении всей истории человечества.

Отметим некоторые точки пересечения возраста и политики. Прежде всего подчеркнем, что власть распределяется неравномерно среди различных возрастных групп. Так, О. Крыштановская и Ю. Хуторянский отметили, как

преимуществ в политической борьбе (Рябова, Рябов 2019; Клещенко 2019). Так, частью политических мобилизационных практик становится символ детства, который политические акторы и оппозиции в разных странах в разные периоды истории используют как оружие в противостоянии друг другу (Пашковский 2019; Фролова 2020; Fournier 2015).

изменилась роль поколений в формировании постсоветской элиты (Крыштановская, Хуторянский 2002).

Далее необходимо принимать во внимание специфику политических предпочтений различных возрастных групп, что находит выражение, например, в электоральном поведении.

Кроме того, представители различных поколений нередко различаются с точки зрения степени и характера политического участия.

Затем политические решения власти могут приниматься в интересах одних возрастных групп в ущерб другим. В связи с этим у представителей различных поколений могут быть различные политические интересы.

Далее отмеченная специфика получает институциональное оформление в виде деятельности политических партий, организованных на основе возрастных различий (одним из примеров может служить «Партия пенсионеров» в России).

Наконец, образы, связанные с возрастом, широко привлекаются в символическую политику, включая такие ее формы, как легитимация и делегитимация власти, политика памяти, политика идентичности и др. При этом нередко используется приписывание политическим акторам качеств, ассоциируемых с детством или старостью, с целью получения преимуществ в политической борьбе, или же прямое уподобление их детям или старикам. Мы предлагаем рассматривать это как приемы символической борьбы и обозначать как «символическую инфантилизацию» и «символическую сенилизацию» соответственно (Riabova, Riabov 2020, 125).

Возраст молодости, зрелости и старости политиков: проблема доверия

В начале исследования требовалось уточнить, какой возраст россияне считают возрастом молодости, зрелости и старости, а также какие характеристики этих воображаемых поколений они рассматривают как атрибуты власти.

Большинство опрошенных отнесло к молодости период жизни человека от 18 до 30–35 лет (иногда этот период продлевали до 40–45 лет). Зрелость длится от 30–35 до 55–60 лет (некоторые называли предельным сроком зрелости возраст в 65 и даже 70 лет) и сменяется возрастом «старшим», «пожилым», «старым». В целом эта же классификация использовалась информантами и при оценке возраста политиков. Представители возрастной группы 18–30 лет, заметим, значительно чаще снижали границы

наступления старости — до 50, иногда и до 45 лет. Параметрами молодости, зрелости и старости для информантов выступали физиологическое, умственное, эмоциональное, социальное развитие человека. Зрелость обычно характеризовали как расцвет физических сил, жизненный опыт, эмоциональную стабильность, ответственность за окружающих, молодость — как процесс достижения зрелости во всех ее ипостасях, а старость — как постепенную утерю всех этих характеристик.

Большинство из тех качеств, которые обычно считаются атрибутами власти, информанты приписывали зрелости: ответственность, предсказуемость, трезвая оценка ситуации и своих сил, самообладание, объективность, рациональность, способность договариваться, умение работать в команде, критичность восприятия, компетентность, сила. Характерными преимущественно для молодости назвали такие качества, как способность к обучению, адаптации к изменяющимся обстоятельствам, способность предложить нестандартное решение, активность, настойчивость, амбициозность, решительность, бесстрашие в отстаивании позиции, с одной стороны, и максимализм, радикализм, отсутствие необходимого опыта, с другой. Старость наделялась, с одной стороны, опытом, способностью внушать доверие, заботой о соблюдении норм, с другой — ригидностью мышления, неспособностью предложить что-то новое. Ум и честность, по мнению большинства опрошенных, присущи практически в равной мере всем, независимо от их возраста. Мнения о качествах поколений были достаточно консолидированными (хотя информанты из Дагестана чаще наделяли старшие поколения опытом и мудростью, способностью договариваться, способностью предлагать нестандартные решения и, безоговорочно, способностью вызывать доверие). Молодежь и информанты старше 55 лет часто приписывали одновременно и своей возрастной группе те высоко ценимые ими качества, которые в целом они отождествляют со зрелостью (объективность, предсказуемость и т. д.).

Как эти представления о специфике возраста отражаются на уровне доверия к политикам и на оценке их эффективности? Опрошенные сочли возраст политика важным фактором, влияющим на уровень доверия к нему. Редкие голоса в пользу того, что возраст политика не играет роли в доверии власти, принадлежали опрашиваемым из группы «старше 55 лет». В подавляющем большинстве они отдали приоритет «зрелому поведению в политике». В качестве аргументов практически всегда

выступало то, что именно зрелости присущи те характеристики, которые являются и традиционными характеристиками власти. В ответ на просьбу определить, каким должен быть возрастной состав в российском правительстве, большинство информантов отдавали основную часть мест именно представителям среднего поколения.

Степень доверия к молодым политикам у информантов была ниже. Тем не менее практически каждый участник интервью подчеркнул неоспоримые преимущества, которые дает молодость политика, — гибкость мышления, свойственная молодежи, быстрота и смелость принятия ими решений, компетентность в новых технологиях, желание принести пользу, коммуникабельность — все то, что они отмечали как достоинства молодости в целом. Информанты отмечали и негативные черты молодых политиков (например, максимализм и недостаток опыта). Однако большинство полагало, что молодые политики должны присутствовать во власти, чтобы учиться и обеспечивать сменяемость поколений. Самые развернутые ответы о преимуществах молодежи в политике давали молодые, в том числе несовершеннолетние, информанты.

Мне кажется, что молодой человек может сломать какие-то «балки», которые «заржавели», или перестроить их, а человеку среднего и старшего возраста будет легче поддерживать их в нормальном состоянии (*Илья, 19 лет, сторонник либеральной идеологии*).

Что касается уровня доверия к политикам «старшего» возраста, то он оказался ниже. Тем не менее у этого поколения опрошенные видели важные преимущества — прежде всего, опыт, жизненную мудрость, стабильность.

Они опираются на свой опыт. И исходят из своего пройденного пути, своих ошибок. Молодые должны опираться на этот опыт. Опыт старых — это посох для молодого поколения. Страшно бросить, но нужно идти своей дорогой, опираясь на него (*Светлана Васильевна, 66 лет, сторонница коммунистической идеологии*).

Старшее поколение способно где-то притормозить и попробовать рассмотреть ситуацию с разных сторон, где-то задуматься, что-то более гибко сделать (*Анна, 46 лет, сторонница социалистической идеологии*).

Среди тех, кто доверяет старшим, практически не было молодых информантов, за исключением части молодых людей из Дагестана, ориентирующихся на свои культурные традиции («доверяю тем, у кого больше ответственности, а это зрелое и старшее поколение» (*Алхаз, 15 лет, политически индифферентный*)).

Все же значительно чаще информанты (в том числе и давно переступившие рубеж молодости) указывали на то, что старшее поколение уступает и политикам возраста зрелости, и молодым политикам. Объясняя свою позицию, информанты широко использовали оценки старости как периода утери человеком физических, интеллектуальных, эмоциональных кондиций. Потому опрошенные были практически едины в том, что обилие возрастных политиков снижает доверие к власти, и им пора уступать место молодым («но не совсем “сырым”, не 20-летним, а тем, кому старше 35–40 лет» (*Тамара Михайловна, 66 лет, сторонница действующей власти*)). Заметим, пятая часть опрошенных зафиксировала возрастной рубеж, после которого, по их мнению, политику уже не следует доверять, — 70 лет. Приведем типичное мнение информантки старшего поколения.

Старшее поколение не привыкло к инновациям, они идут по пройденному пути, как бы не поскользнуться, как бы не упасть. Старые не ошибаются и не исправляются. Если и ошибаются, то считают, что это не ошибка, а их шаг (*Светлана Васильевна, 66 лет, сторонница коммунистической идеологии*).

Молодежь, особенно несовершеннолетние, высказывала значительно более категоричные суждения.

Человеку пожилому я бы особо не доверял, потому что кто его знает, к чему он может привести, — ему-то уже все равно, он-то уже пожилой человек (*Григорий, 17 лет, сторонник либеральной идеологии*).

Характеризуя преимущества возраста политиков, информанты оценивали не только уровень собственного доверия к ним, но и уровень доверия к ним в обществе. Так, большинство молодых людей, независимо от пола и политических предпочтений, было убеждено в том, что не только они лично, но и молодежь в целом плохо относится к возрастным политикам («Однозначно плохо к ним относятся в обществе. Молодое поколение ждет глобальных перемен в нашей стране» (*Иван, 17 лет, сторонник дей-*

ствующей власти)). Часть информантов старшего возраста поддерживает эту позицию.

Нет, это не способствует доверию, особенно у молодежи. И даже у нас не способствует, потому что мы уже все посмотрели на этих политиков очень преклонного возраста (*Татьяна, 74 года, сторонница действующей власти*).

Доверие политику определяется в том числе его авторитетом, который, по мнению большинства опрошенных, связан с возрастом политика.

Тебе нужно преодолеть возрастной порог, чтобы у тебя этот авторитет появился. Как раз в 50–55 лет. Когда ты уже такой умудренный аксакал и пересидел всех, и все вокруг понимают, что раз ты пересидел тут всех, то к тебе уже больше прислушиваются (*Александр, 29 лет, нет политических предпочтений*).

Заметим, что среди тех, кто считал, что возраст добавляет политику авторитет, было больше информантов из Дагестана, которые, включая несовершеннолетних, подчеркивали, что это их традиция («В сфере политики возраст добавляет авторитет, человек старший по возрасту может упрекнуть младшего, [поскольку] он находится выше в иерархии» (*Нужат, 17 лет, сторонник действующей власти*)). Очень небольшая часть информантов (преимущественно сторонники либеральной идеологии и молодежь) настаивали, что авторитет политика характеризуется его действиями, а не возрастом.

Наконец, доверие к политику связано и с оценкой эффективности осуществления им властных полномочий. Возраст политика в этом случае оценивается по-разному в зависимости от сферы его компетенции. На международной арене отдают предпочтение старшим и зрелым политикам («Тут я бы старшему предпочтение отдал. Они эффективнее в силу опыта, в силу принятия ответственных и нужных решений» (*Олег Анатольевич, 66 лет, политически индифферентный*)).

Аргументом в пользу политиков из старшего поколения нередко видят и близость по возрасту к тем, кто в основном представлен на этом уровне.

Посмотрите на других на международной арене, там они возрастные... одни старики... так что лучше, чтобы [политик] был с ними более-менее на равных, а то не будут воспринимать всерьез (*Марина, 26 лет, сторонница социалистической идеологии*).

Что касается регионального уровня власти, то допускается возможность эффективной работы молодых политиков (тем более что им нужно набираться опыта). Следует особо подчеркнуть, что молодые информанты, оценивая эффективность политиков разных возрастов на ответственном посту, часто обозначали предельные возрастные границы для политиков довольно бескомпромиссно. Молодежь, в том числе и несовершеннолетние, в большинстве своем демонстрирует недоверие к «возрастным» политикам, полагая, что старшее поколение утрачивает как способность адекватно реагировать на происходящие изменения, так и необходимые физические и интеллектуальные кондиции.

В 55, мне кажется, ты не должен управлять страной, в которой ты не будешь жить... В 55–60 лет ты в целом не особо заинтересован будешь в развитии страны (*Александр, 29 лет, нет политических предпочтений*).

Я считаю, что после шестидесяти лет ни один политик не должен занимать свой пост, в шестьдесят лет — маразм у всех пожилых людей в какой-то степени будет проявляться (*Григорий, 17 лет, сторонник либеральной идеологии*).

Думаю, политики старшего возраста не могут продвинуть страну вперед, они не совсем понимают, куда движется страна, не совсем компетентны (*Кира, 17 лет, сторонница действующей власти*).

Несколько человек, сторонников власти и президента В. Путина, поддерживая эту позицию в целом, делали исключение для российского президента («Ему можно было верить, когда ему было и 40 лет, и 60 лет» (*Светлана, 45 лет, сторонница действующей власти*)).

Молодое и старшее поколения в политике: уровень доверия друг к другу

Фактор возраста включается в оценки политического поведения не только политиков, но и граждан. Концепты молодости, зрелости, старости используются, в частности, для оценки мотивов политического участия (см., например, об этом применительно к участию детей в протестном движении (Панкратова 2019)). Для нас было важно выяснить, можно ли оценить уровень доверия и недоверия их друг другу

в политической сфере, а также говорить о единении или разрыве молодежи и граждан старших возрастных групп в политике. Чтобы понять уровень доверия к старшему поколению, мы предложили информантам согласиться или не согласиться с предлагаемыми суждениями. Практически единодушную поддержку вызвало суждение о том, что убеждения зрелых людей и старшего поколения отличаются устойчивостью, в отличие от взглядов молодежи. При этом в отношении старшего поколения часть информантов подобную устойчивость интерпретировало как проявление косности, негибкости. Большая часть поддержала и суждение о том, что люди старше шестидесяти лет не критично мыслят, не хотят изменений. С тезисом о том, что старшее поколение, выросшее в СССР, боится репрессий власти, согласились лишь граждане с либеральными предпочтениями.

То чувство страха, которое было заложено и в молодости, и в зрелости, и даже историей нашей, конечно, сказывается. Может, по этой причине старшие поколения менее политически активны (Алина, 56 лет, сторонница либеральной идеологии).

Более любопытны данные, помогающие понять степень доверия или недоверия между различными возрастными группами. Предположение о том, что старшие поколения обманывают молодежь, не получило поддержки. Однако мнение о том, что несамостоятельной молодежью могут манипулировать старшие, получало поддержку достаточно часто, и не только среди молодых информантов.

Молодежь, по крайней мере, молодежь в политике — это просто люди, которых привели за ручку «большие дяди» и которые показали им шаблон поведения, которому они соответствуют, и говорят: «Ты будешь вести себя так и так, и через 5 лет ты будешь тем-то и тем-то» (Александр, 29 лет, нет политических предпочтений).

Информанты из различных возрастных групп полагают, что старшее поколение не доверяет молодежи («На молодое поколение как-то с опаской смотрят. У них ведь нет еще опыта. Руководить страной нужен опыт» (Светлана Васильевна, 66 лет, сторонница коммунистической идеологии)). Предлагается и другое объяснение меньшего доверия к молодежи: «Они видят в них конкурентов, другую силу. Поэтому

не доверяют» (Мария, 40 лет, сторонница либеральной идеологии).

При этом большинство информантов уверено также в том, что сама молодежь не доверяет старшему поколению, что проявляется и в отсутствии поддержки на выборах.

Нет, молодежь-то точно не доверяет. Потому что их не устраивает их жизнь, их возможности, у молодежи много претензий к власти (Татьяна, 38 лет, нет политических предпочтений).

Уровень доверия/недоверия между поколениями в политической сфере, пожалуй, иллюстрируют убеждения большинства опрошенных из всех групп, что при принятии решения на выборах граждане при прочих равных условиях делают выбор в пользу своей возрастной группы («Молодой выберет молодого. Близкого по возрасту» (Олег Анатольевич, 66 лет, политически индифферентный)). Особенно часто готовы голосовать за свою возрастную группу молодые информанты, подчеркивая близость идей или образа жизни.

Потому что и я отношусь к этому возрасту, и думаю, что политик моего возраста, он... лучше способен понять мои проблемы. Потому я бы голосовала за политика моего возраста... доверяют тому, кто на тебя похож. В целом так (Марина, 26 лет, сторонница социалистической идеологии).

Наверное, выберу более молодого. Просто потому что я более молодой. И мне понятнее мысли и образы, которые есть у молодого политика, чем у того, кто еще был при Советском Союзе и в коммунистической партии состоял (Александр, 29 лет, нет политических предпочтений).

Мы спросили, насколько распространено среди молодежи мнение, что «старики» являются неразумными, отсталыми, ответственными за все плохое в стране и поэтому должны уступить дорогу молодым. Большинство молодых информантов, в том числе и несовершеннолетние, были убеждены, что молодежь занимает именно такую позицию. Люди среднего и старшего возраста констатируют, что такое мнение среди молодежи достаточно распространено.

Информанты оценивали и то, насколько терпимы друг к другу в своем политическом поведении молодежь и люди зрелого и старше-

го возраста. Лишь некоторые сказали, что возраст не имеет значения. Молодые участники интервью сочли более терпимыми людей зрелого и старшего возраста.

Молодежь действительно винит старшее поколение во всех бедах. Старшее поколение в отношении митингов, протестов относится больше с сочувствием, с сопереживанием к молодому поколению (Александр, 31 год, сторонник коммунистической идеологии).

Старший более терпим к поведению молодого. Я вижу нетерпимость молодого поколения (Иван, 17 лет, сторонник действующей власти).

Информанты всех возрастных групп отмечают необходимость обеспечения преемственности поколений, видят у них общее («вечные ценности», семья, менталитет, патриотизм). Однако на вопрос о том, за счет чего можно это единство укрепить, давались в основном формальные ответы («превращение России в процветающую страну», «воспитание молодежи специальными программами» и т. д.).

Заключение

Подведем итоги. Возрастной фактор служит одним из ресурсов власти. Возраст оказывает влияние на политические интересы, политические предпочтения, политическое участие. Маркировка политических акторов при помощи возрастных характеристик является одним из приемов символической борьбы. В свою очередь, деятельность политических акторов воздействует как на реальные условия жизни различных поколений, так и на представления о пре-

имуществах и недостатках представителей той или иной возрастной группы.

Как показал анализ проведенных интервью, возраст политика является важным фактором, влияющим на уровень доверия к нему / к ней. Информанты оценивают преимущества, которые дает политикам их принадлежность к различным возрастным группам, наделяя их в различной степени характеристиками, являющимися атрибутами власти.

В подавляющем большинстве приоритет отдается возрасту зрелости с его объективностью, ответственностью, трезвым взглядом на вещи, способностью договариваться, работой на результат и т. д. Степень доверия к молодым политикам и еще в большей степени — к политикам «старшего» возраста значительно ниже.

Фактор возраста включается в оценки участвующих в политическом процессе различных поколений. Исследование показало невысокий уровень доверия между молодежью и старшим поколением.

Мнение россиян практически не зависело от их пола и образования. При оценке ряда вопросов оказались важными политические предпочтения и этнокультурные традиции россиян. Важнейшим фактором, дифференцирующим взгляды, выступил возраст. Молодежь, в том числе и несовершеннолетние, в большинстве своем демонстрирует недоверие к «возрастным» политикам, полагая, что старшее поколение утрачивает как способность адекватно реагировать на происходящие изменения, так и необходимые физические и интеллектуальные кондиции. Тем не менее представители и старшего, и младшего поколений говорят о необходимости поиска компромисса и обеспечения преемственности поколений.

Литература

- Бочаров, В. В. (2006) Власть и возраст. В кн.: В. В. Бочаров (ред.). *Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, с. 351–357.
- Готов, М. Б. (2004) Поколение как категория социологии. *Социологические исследования*, № 10 (246), с. 42–49.
- Дубин, Б. В. (2002) Поколение: социологические границы понятия. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 2 (58), с. 11–15.
- Клещенко, Л. Л. (2019) Репрезентация образа детства в либеральных СМИ современной России. *Комплексные исследования детства*, т. 1, № 4, с. 312–319. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2019-1-4-312-319>
- Крыштановская, О. В., Хуторянский, Ю. В. (2002) Элита и возраст: путь наверх. *Социологические исследования*, № 4, с. 42–59.
- Панкратова, Е. В. (2019) Взгляд россиян на политическое участие детей (по материалам социологического исследования). В кн.: С. В. Ровбель, С. А. Ильиных (ред.). *Социальные практики и управление: проблемное поле социологии: Материалы II Сибирского социологического форума с международным участием*. Новосибирск: Изд-во НГУЭУ, с. 96–101.

- Пашковский, Е. А. (2019) Защита детства в программах российских и польских парламентских партий. В кн.: Т. Б. Рябова, О. В. Рябов (ред.). *Символ детства в политике: от холодной войны к современности. Тезисы научной конференции*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 62–66.
- Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2019) Образы детства и детей в символической политике. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, т. 15, № 3, с. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307>
- Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2020) «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике. *Женщина в российском обществе*, № 4, с. 5–13. <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.1>
- Фролова, Ю. Н. (2020) Образы молодости и старости в политической борьбе испанских партий. В кн.: О. В. Гаман-Голутвина, Л. В. Сморгун, Л. Н. Тимофеева (ред.). *Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы. Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием РАПН'2020, Москва, МПГУ, 27–28 ноября 2020 г.* М.: Изд-во МПГУ, с. 553.
- Crenshaw, K. W. (1991) Mapping the margins: Intersectionality, identity politics, and violence against women of color. *Stanford Law Review*, vol. 43, no. 6, pp. 1241–1299.
- Fournier, A. (2015) Immature publics: Democratic revolutions and youth activists in the eye of authority. *Anthropological Quarterly*, vol. 88, no. 1, pp. 37–66. <https://www.doi.org/10.1353/anq.2015.0000>
- Riabova, T., Riabov, D. (2020) Infantilization of the Other: Metaphor of childhood in Russia's media discourse on international relations. *Australian Slavonic and East European Studies*, vol. 34, pp. 125–149.

References

- Bocharov, V. V. (2006) Vlast' i vozrast [Power and age]. In: V. V. Bocharov (ed.). *Antropologiya vlasti: v 2 t. T. 1. Vlast' v antropologicheskoy diskurse [Anthropology of power: In 2 vols. Vol. 1. Power in anthropological discourse]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 351–357. (In Russian)
- Crenshaw, K. W. (1991) Mapping the margins: Intersectionality, identity politics, and violence against women of color. *Stanford Law Review*, vol. 43, no. 6, pp. 1241–1299. (In English)
- Dubin, B. V. (2002) Pokolenie: sotsiologicheskie granitsy ponyatiya [Generation: Sociological boundaries of the concept]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny — Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no. 2 (58), pp. 11–15. (In Russian)
- Glotov, M. B. (2004) Pokolenie kak kategoriya sotsiologii [Generation as a category of sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological Studies*, no. 10 (246), pp. 42–49. (In Russian)
- Fournier, A. (2015) Immature publics: Democratic revolutions and youth activists in the eye of authority. *Anthropological Quarterly*, vol. 88, no. 1, pp. 37–66. <https://www.doi.org/10.1353/anq.2015.0000> (In English)
- Frolova, Yu. N. (2020) Obrazy molodosti i starosti v politicheskoy bor'be ispanskikh partiy [Images of the youth and old age in the political struggle of Spanish political parties]. In: O. V. Gaman-Golutvina, L. V. Smorgunov, L. N. Timofeeva (eds.). *Politicheskoe predstavitel'stvo i publichnaya vlast': transformatsionnye vyzovy i perspektivy. Materialy Ezhegodnoj vserossijskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem RAPN'2020, Moskva, MPGU, 27–28 noyabrya 2020 g. [Political representation and public power: Transformational challenges and prospects. Proceedings of the Annual All-Russian Scientific Conference with International Participation RAPN'2020, Moscow, Moscow State Pedagogical University, 27–28 November, 2020]*. Moscow: Moscow State Pedagogical University Publ., p. 553. (In Russian)
- Kleshchenko, L. L. (2019) Rezentatsiya obraza detstva v liberal'nykh SMI sovremennoy Rossii [Representations of the image of childhood in the liberal media in modern Russia]. *Kompleksnyye issledovaniya detstva — Comprehensive Child Studies*, vol. 1, no. 4, pp. 312–319. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2019-1-4-312-319> (In Russian)
- Kryshantovskaya, O. V., Khutorianskii, Yu. V. (2002). Elita i vozrast: put' naverkh [Elite and age: A way up]. *Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological Studies*, no. 4, pp. 42–59 (In Russian)
- Pankratova, E. V. (2019) Vzglyad rossiyan na politicheskoye uchastie detey (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Russians' view of the political participation of children (based on the materials of a sociological survey)]. In: S. V. Rovbel', S. A. Il'nykh (eds.). *Sotsial'nye praktiki i upravlenie: problemnoye pole sotsiologii: Materialy II Sibirskogo sotsiologicheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem [Social practices and management: The problem field of sociology: Proceedings of II Siberian sociological forum with international participation]*. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management Publ., pp. 96–101. (In Russian)
- Pashkovskiy, E. A. (2019) Zashchita detstva v programmakh rossiiskikh i pol'skikh parlamentskikh partiy [The defense of the childhood in the programs of Russian and Polish parliamentary parties]. In: T. B. Ryabova, O. V. Ryabov (eds.). *Simvol detstva v politike: ot kholodnoy vojny k sovremennosti. Tезисы nauchnoy konferentsii [Childhood symbol in politics: From the Cold War to the present. Scientific conference abstracts]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 62–66. (In Russian)
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2019) Obrazy detstva i detey v simvolicheskoy politike [The images of childhood and children in the symbolic politics]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS — Political Expertise: POLITEKS*, vol. 15, no. 3, pp. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307> (In Russian)

- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2020) “...Slyshu rech’ ne mal’chika, no muzha”: o genderno-vozzrastnykh stereotipakh v politike [“Not a boy, but a man”: On the gender-age stereotypes in politics]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve — Woman in Russian Society*, no. 4, pp. 5–13. <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.1> (In Russian)
- Riabova, T., Riabov, D. (2020) Infantilization of the Other: Metaphor of childhood in Russia’s media discourse on international relations. *Australian Slavonic and East European Studies*, vol. 34, pp. 125–149. (In English)

УДК 327

<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-69-81>

Символ детства и конструирование образа «врага номер один» в советском и американском кинематографе холодной войны

О. В. Рябов^{✉1}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Сведения об авторе

Олег Вячеславович Рябов,
SPIN-код: 6502-7446,
Researcher ID: E-2527-2016,
Scopus Author ID: 35096463200,
ORCID: 0000-0002-5944-9668,
e-mail: riabov1@inbox.ru

Для цитирования:

Рябов, О. В.
(2021) Символ детства
и конструирование образа
«врага номер один» в советском
и американском кинематографе
холодной войны. *Комплексные
исследования детства*, т. 3, № 1,
с. 69–81.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-69-81>

Получена 11 января 2021; прошла
рецензирование 18 января 2021;
принята 18 января 2021.

Финансирование: Исследование
выполнено при финансовой
поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ
в рамках научного проекта
№ 20-011-31716.

Права: © Автор (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье на материале советских и американских кинофильмов периода холодной войны анализируется роль символа детства как ресурса создания образа врага. Актуальность проблемы определяется необходимостью исследования, во-первых, причин и форм политизации символа детства, во-вторых, способов конструирования образа врага и механизмов его деконструкции, в-третьих, кинообразов врага периода холодной войны, которые и сегодня являются фактором российско-американских отношений.

Способность символа детства вызывать сильнейшую эмоциональную реакцию обуславливает постоянный интерес к нему со стороны акторов символической политики. Символ детства — значимый компонент советско-американской конфронтации, который нашел выражение и в кинематографе СССР и США. Автор показывает, что символ ребенка являлся одним из ресурсов создания кинообраза «врага номер один», помогая реализовать его функции: укрепления позитивной коллективной идентичности, мобилизации, легитимации насилия, легитимации власти, предсказания победы.

В отличие от репрезентаций взрослых, даже негативные детские персонажи были представлены в обеих кинематографиях, скорее, как жертвы противоестественной и несправедливой социальной системы «врага номер один». В целом в советских и американских фильмах предписываются одни и те же роли для «своих» детских персонажей, и одни и те же нормы отношения взрослых к детям: как к «своим», так и к «чужим». На материале кинообразов детства можно убедиться, что несмотря на то, что обе сверхдержавы представляли друг друга в качестве антиподов, базовые ценности СССР и США были гораздо ближе друг к другу, чем кажется. Наконец, отношение к детям включалось в попытки своеобразной «регуманизации врага», возвращения противоположной стороне человеческого облика в период разрядки.

Ключевые слова: символ детства, образ врага, холодная война, кинематограф СССР, кинематограф США.

The symbol of the childhood and constructing the image of the “enemy number one” in the Soviet and US Cold War films

O. V. Riabov✉¹

¹ Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

Author

Oleg V. Riabov,
SPIN: [6502-7446](https://orcid.org/0000-0002-5944-9668),
Researcher ID: E-2527-2016,
Scopus Author ID: 35096463200,
ORCID: 0000-0002-5944-9668,
e-mail: riabov1@inbox.ru

For citation:

Riabov, O. V.
(2021) The symbol of the childhood and constructing the image of the “enemy number one” in the Soviet and US Cold War films. *Comprehensive Child Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 69–81.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-69-81>

Received 11 January 2021;
reviewed 18 January 2021;
accepted 18 January 2021.

Funding: This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research (EISI), Research Project No. 20-011-31716.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The paper analyses, based on the Soviet and US Cold War films, the role of the childhood symbol as a resource of forming the image of the enemy.

The scientific relevance of the problem stems from the need to study 1) the reasons for and the forms of politicizing the childhood images, 2) the ways of constructing the image of the enemy and the means of deconstructing it, and 3) the cinematic images of the Cold War enemy, since they remain a factor in the contemporary relations between Russia and the United States.

The author points out that the interest that symbolic politics actors show in the childhood symbol is explained by its ability to trigger strong emotional response. The Cold War cinematic representations of childhood served as an efficient tool for constructing the image of an enemy. Such an image had a number of functions: maintaining collective identity, mobilisation, justification of violence, legitimization of power, and predicting the victory.

Unlike adult characters, children’s characters — even the negative ones — were pictured by both Soviet and US filmmakers not as enemies, but rather as victims of the unnatural and unjust social system of the “enemy number one”. In general, the Soviet and US films feature similar roles of “their” (i. e., Soviet and American, respectively) children and similar treatment of children — whether “their” or not — by adult characters. The cinematic images of children convincingly show that, despite the fact that both superpowers presented each other as antipodes, the basic values of the USSR and the US were much closer than it may seem.

Finally, the paper demonstrates that the Cold War cinema employed the childhood symbol for the deconstruction of the image of the “enemy number one” and for rehumanisation of the opponent in the period of the détente.

Keywords: symbol of childhood, image of the enemy, Cold War, Soviet cinema, US cinema.

Введение

Символ детства — один из важнейших в человеческой культуре. Заметное место он занимает в политической сфере; политические акторы активно используют его в различных формах символической политики: легитимации власти, политике макрополитической идентичности, политике локальной идентичности, политике памяти, популярной геополитике (Рябова, Рябов 2019). В настоящей статье мы бы хотели рассмотреть использование символа детства в такой политической практике, как конструирование образа врага. Образ врага — постоянный элемент человеческой истории, но особенно богатый материал для анализа дает эпоха холодной войны. В монографии, вышедшей еще в конце холодной войны, Р. Рибер и Р. Келли отметили: возможно, никогда прежде в исто-

рии одно общество так не ненавидело другое и не боялось его на протяжении столь длительного времени. Особенности современных видов вооружения (в первую очередь ядерного оружия) обусловили то, что врагом, против которого допускалось ведение боевых действий, становилось все гражданское население противника, а не только их армии. Жители СССР и США должны были свыкнуться с мыслью о том, что потенциально они либо соучастники массового убийства, либо жертвы массового убийства, совершенного другой стороной. По сути, ядерное противостояние могло быть «продано» обществу только при условии массового производства образов врага (Rieber, Kelly 1991, 5).

Мы рассмотрим проблему роли символа детства как ресурса конструирования образа «врага номер один» на материале кинематографа холодной войны. В силу специфики холодной

войны (прежде всего, того значения, которое в конфронтации двух блоков имело манипулирование эмоциями, символами, образами, идеями) фильмы СССР и США дают особенно содержательный материал для анализа способов конструирования образа врага (Shaw, Youngblood 2010). Как пишет Т. Шоу, американские фильмы и отражали, и распространяли официальную идеологию холодной войны (Shaw 2007, 303). Очевидно, это не менее справедливо и в отношении советских фильмов.

В настоящей статье мы опираемся на работы исследователей, которые уже обращались к вопросу о том, как детская культура, включая кинематограф, отражает атмосферу холодной войны (Белов, Жидченко 2020; Кубышкин 2019; Окладникова 2020; Рябов 2019b; Рябова, Рябов 2019; Смирнов 2019; Федоров 2017; Юдин 2020; Holt 2014; Kelly 2007; Kevill-Davies 2018; Peacock 2014 и др.). Однако проблема использования символа детства в конструировании образа врага еще не изучалась. Источниковую базу исследования составили художественные и анимационные фильмы СССР и США, вышедшие в период с 1946 по 1991 гг. Исследовательские вопросы могут быть сформулированы следующим образом. Как образ ребенка помогал реализации тех функций, которые образ врага призван выполнять в военной пропаганде? Чем репрезентации «своих» и «чужих» детей отличались от изображения «своих» и «чужих» взрослых? Каковы общие и специфические черты использования кинообразов детства в советских и американских репрезентациях «врага номер один»?

Образ врага: методология

Образ врага на протяжении десятилетий вызывает у исследователей обоснованный интерес, что отразилось в появлении множества публикаций (напр.: Keen 1986; Rieber, Kelly, 1991; Aho 1994; Harle 2000; Гудков 2005; Oppenheimer 2006 и др.). В этих работах показано, что эффективно сконструированный образ врага должен максимально отличаться от образа «своих» и вызывать такие чувства, как ощущение смертельной опасности, отвращение к врагу, готовность его уничтожить, чувство нравственного превосходства над ним, а также смех.

Подобный образ врага создается дискурсивно. Ранее высказываемые идеи о враге как социальном конструкте (напр.: Aho 1994) получили концептуальное обоснование в теории секьюритизации копенгагенской школы международных отношений. Дискурсы опасности

могут создаваться намеренно акторами публичной политики в целях политической мобилизации общества, и конструирование образа врага играет важнейшую роль в секьюритизации той или иной проблемы. Иными словами, безопасность — это не реальное состояние дел, а дискурсивная практика, направленная на модификацию иерархии политических приоритетов (см.: Акопов, Прошина 2011). Интерпретация врага как социального конструкта предполагает анализ различных ресурсов, используемых в его создании, — таких, например, как мифы и репрезентации исторических событий, религиозные представления и эстетические пристрастия, моральные постулаты и вопросы экологии; привлекается и символ детства. Технологии включения этого символа в образ врага могут быть рассмотрены через функции данного образа; среди них выделяют функции укрепления коллективной идентичности, мобилизации, легитимации насилия, легитимации власти, предсказания победы (Рябов 2019a).

Функция укрепления коллективной идентичности

Функция укрепления коллективной идентичности реализуется при помощи репрезентаций врага как максимально отличающегося от «своих» и проведения прочной символической границы между ними. То есть враг должен быть изображен как Иное, во-первых, и худшее, во-вторых. В культуре холодной войны разделение мира между двумя полюсами продуцировало манихейское мироощущение, в котором каждый являлся «врагом номер один» для другого. Ответ на вопрос «Что есть Америка?», таким образом, зависел от репрезентаций Советского Союза; конструкция тотальной инаковости коммунизма одновременно представляла собой создание идеализированного образа самих Соединенных Штатов (Sharp 2000). Аналогичным образом, при помощи картины капиталистического окружения, конструировалась и советская идентичность. Главным «чужим» в годы холодной войны стал американский империализм.

Согласно концепции Ф. Барта, умножение различий между «своими» и «чужими» и укрепление символической границы между ними является важнейшим приемом политики идентичности (Barth 1969). Подобная взаимозависимость репрезентаций отразилась и в образах детства (Peacock 2014, 52), которые играли роль значимого символического пограничника в политике коллективной идентичности обеих сверхдержав.

В СССР лозунг «два мира — два детства» был призван иллюстрировать противоположность двух социально-политических систем и превосходство одной над другой; кинообразы счастливого детства служили визитной карточкой достижений социализма. Репрезентации же детства в США преследовали цель еще раз подчеркнуть пороки, приписываемые американскому образу жизни: эксплуатацию, социальное неравенство, пауперизм, расовую дискриминацию, империализм, культ насилия, эгоизм, враждебные отношения между людьми, духовную нищету.

Наиболее востребованной была тема расизма в американском обществе, жертвами которого становятся не только взрослые, но и дети; она получила отражение, в частности, в мультфильме «Машенькин концерт» (реж. М. Пашенко, 1949), в художественных фильмах «Максимка» (реж. В. Браун, 1952), «Серебристая пыль» (реж. А. Роом, 1953) и др.

Другая популярная тема — социальное неравенство и эксплуатация. Голодные, неграмотные, беспризорные дети — эти образы были знакомы советской аудитории по плакатам и карикатурам; появляются они и в кино. Так, проблеме пауперизма посвящена киноновелла «Игра» из фильма «Монета» (реж. А. Алов, В. Наумов, 1962), в которой отец вынужден учить сына, как украсть бутылку молока, поскольку других способов накормить другого сына, грудного младенца, у него нет — он лишился работы.

Следующая черта американского образа жизни, к которой обращался советский кинематограф, привлекая образы детей, — это культ войны и насилия, порожденный и подкрепляемый империалистической политикой правящих кругов США.¹ Особенно за это, если пользоваться характеристикой К. Чуковского, «растление детей буржуазной культурой» (Чуковский 1949) доставалось Голливуду. М. Калатозов, например, писал: «Перед Голливудом сегодня поставлена задача внушить людям необходимость войны, ожесточить их, превратить в кровожадных зверей... <...> С раннего возраста детям внушают, что американец — это супермен» (Калатозов 1952, 100). В советских кинокартинах созданы примечательные образы юных американцев, подражающих таким суперменам под влиянием детективных романов и фильмов о гангстерах: Ральф Барни из фильма «Попутного ветра, "Синяя птица"!» (реж. М. Ершов, 1967), Джордж Роб-Робсон из фильма «Дорогой мальчик» (реж. А. Стефанович, 1974).

Еще один образ — Джонни Дорсета, героя киноновеллы «Вождь краснокожих» из комедии «Деловые люди» (реж. Л. Гайдай, 1962) (рис. 1) — едва ли воспринимается сегодня в качестве пропагандистского продукта; между тем он выступает классикой советского антиамериканизма, в том числе благодаря наделению его такой

¹ М. Пикок называет склонность к насилию основной характеристикой юных американцев в советской пропаганде (Peacock 2014).

Рис. 1. Кадр из фильма «Деловые люди» (Деловые люди 1962)

чертой, как склонность к насилию. Этот образ примечателен еще и тем, что помогает показать отношения в американской семье под определенным углом. Ребенок не торопится возвращаться к отцу, отец не спешит забирать сына у похитителей. Здесь проявляется важная черта образа американской семьи, создаваемого советской пропагандой, — полное отчуждение поколений, порожденное самой сущностью капиталистической системы. Индивидуализм, забота о собственных интересах — основа американского общества — приглашает родительские чувства. Дети отвечают тем же, воспринимая родителей как чужих, посторонних людей.

В американских фильмах советские дети появляются нечасто, но аудитория могла составить представление о советском детстве по тем фильмам, в которых была показана опасность коммунизма как такового. При создании образа детства в СССР американская пропаганда обращала внимание на такие факторы, как влияние коммунистической идеологии и тоталитарный характер политической системы, а также традиции российской культуры (в частности, в практике пеленания детей видели одну из причин того, что демократические порядки в России не приживаются (Эриксон 1996, 338)). В американском антикоммунизме большевики обвинялись в стремлении разрушить семью еще с 1920-х гг.; утверждалось, что государство фактически отбирает детей у их родителей и отдает на воспитание государству. Коммунисты учат детей предавать своих родителей (May 1988, 95; Реасок 2014, 53); в качестве иллюстрации приводится рассказ о Павлике Морозове (Ketchum, Kirk, Traurig 1955, 178).² Посредством тотальной пропаганды государство делает из детей маленьких роботов (Реасок 2014, 51–60). Дж. Шарп приводит выдержку из статьи в «Ридерс Дайджест» (1985) о 12-летнем мальчике, эмигрировавшем вместе с родителями в США, где он, по оценке американского учителя, превратился из робота в ребенка, который научился смеяться (Sharp 2000, 132–133). Исследовательница подчеркивает, что улыбка выступала важным диакритиком, позволяющим отличать представителей свободного мира от роботоподобных обитателей «империи Зла» (Sharp 2000, 117–119). Наконец, важный элемент антисоветского дискурса — положение о цивилизационной отсталости коммунистической России — дополнял образ советского детства быта;

² В британской экранизации антиутопии Дж. Оруэлла «1984» (реж. М. Андерсон, 1956) на примере образа юной Селины Парсонс показано, как тоталитарное государство учит детей доносить на родителей.

в фильмах показывалась нищета основной части населения, ужасные жилищные условия, грязь.

Функция мобилизации

Функция мобилизации требует создания образа смертельной опасности для каждого члена сообщества; поэтому враг должен быть страшным. В анализируемых кинофильмах враг угрожает самым уязвимым членам сообщества — детям; они становятся жертвами насилия: как духовного, так и физического.

В кино СССР показано, как мишенью становятся сердца и умы юных граждан Страны Советов. Кинообразы стилига были призваны проиллюстрировать тезис о том, что влияние американской массовой культуры может быть только негативным; оно приводит к различным социальным девиациям: от циничного отношения к одноклассникам и предательства товарищей до уголовных преступлений и измены Родине — в таких фильмах, как, например, «Аттестат зрелости» (реж. Т. Лукашевич, 1954), «Дело “пестрых”» (реж. Н. Досталь, 1958), «Сверстницы» (реж. В. Ордынский, 1959).

Компания подростков из «Аквалангов на дне» (реж. Е. Шерстобитов, 1965), отличительными визуальными маркерами которых являются ковбойские шляпы, а жаргон выдает близость к стилигам, становится пособниками иностранных шпионов. «Граждане ковбои», — так иронично называют их в фильме.³

Еще одним примером репрезентаций опасности, которую несет массовая культура США, является сцена из фильма «Иностранка» (реж. А. Серый, К. Жук, 1965), когда юная француженка Мадлен, стремясь провести наилучшее впечатление на советских детей, поет американский шлягер и танцует твист: реакция аудитории, однако, предсказуемо негативная.

Дети подвергаются и физическому насилию со стороны американцев и их подручных: их бьют («Сокровища пылающих скал»; реж. Е. Шерстобитов, 1969), угрожают убийством («Юнга со шхуны Колумб»; реж. Е. Шерстобитов, 1963) и даже убивают («Черная чайка»; реж. Г. Колтунов, 1962).

Наконец, образ ребенка был неотъемлемой частью дискурса «борьбы за мир», которая в послевоенном СССР стала своеобразной визитной карточкой его внешней политики и краеугольным камнем коллективной идентич-

³ В одноименной повести, которую издал сразу после выхода фильма его режиссер, характеристика этих подростков как ковбоев встречается многократно (Шерстобитов 1965).

ности, что вполне объяснимо, принимая во внимание потери страны во время Великой Отечественной войны. Термин «поджигатели войны», появившийся в политическом лексиконе СССР еще в 1930-х гг., служил одним из важнейших маркеров «врага номер один». При разоблачении «поджигателей» использовали и образы детей как самых беззащитных и безобидных жителей планеты Земля. Так, забота о том, чтобы советские дети никогда не знали ужасов войны, — центральная тема фильма «У них есть Родина». Мать одного из героев фильма, Саши Бутузова, говорит: «Матери всего мира, я обращаюсь к вам, и пусть услышат мой голос все честные люди на земле... Мы воспитываем наших детей не для войны, а для мирного труда ради счастья всего человечества. Боритесь за мир!» Образ ребенка активно привлекался в визуальную пропаганду «борьбы за мир» — как, например, на афише документального фильма «Мы за мир» (1951), посвященного Всемирному фестивалю молодежи и студентов.

При помощи образов детей эскалировали угрозу миру, которая исходит от «врага номер один», и персонажи голливудской кинопродукции. Например, героиня фильма «Красная планета Марс» (реж. Г. Хорнер, 1952) Линда Кронин говорит, считая, что коммунизм уничтожен: «У меня двое детей... Я лишь одна из миллионов женщин, которые уверены, что теперь их дети в безопасности».

Коммунизм как болезнь — заметная метафора американского дискурса холодной войны (Sharp 2000, 98–100; Hendershot 2001, 13), и наибольшую опасность эта болезнь представляет для неокрепших душ детей. Поэтому в США очень серьезно относились к тому, как защитить школьников и студентов от влияния коммунистической идеологии, что нашло отражение и в кино. Было снято несколько картин о том, как коммунисты осуществляют инфильтрацию в американское образование. Скажем, в фильме «Я был коммунистом для ФБР» (реж. Г. Дуглас, 1951) показано, что именно по этой причине «красные» особенно заинтересованы в привлечении в свою организацию школьных учителей. Что может произойти, если американские дети попадут под влияние коммунистической пропаганды, продемонстрировано в фильме «Красный кошмар» (реж. Дж. Вагнер, 1962): семья разрушается, дети обвиняют отца в том, что он недостаточно воспитывал в них коллективизм, и обещают пожаловаться на него властям. Обратим внимание на то, как при этом меняется эмоциональный мир детей: из улыбчивых

и жизнерадостных они превращаются в бесстрастных роботов.

Крайней формой репрезентаций «врага номер один» как угрозы являются образы коммунистов-детоубийц. Наиболее выразительным примером выступает фильм «Красный рассвет» (реж. Дж. Милиус, 1984), в котором группа американских школьников сражается с советскими и кубинскими войсками, осуществляющими полномасштабное вторжение на территорию США. Действие фильма начинается со сцен высадки советского десанта в районе Скалистых гор и обстрела школы. Заслуживает внимания использование аналогичного приема и в кинокартине «Рэмбо III» (реж. П. Макдональд, 1988). Для того чтобы убедить Джона Рэмбо воевать на стороне моджахедов против СССР, представители ЦРУ показывают ему фотографии, на которых, по их словам, изображены афганские дети — жертвы советской агрессии. Когда же Рэмбо прибывает в Афганистан, местные жители демонстрируют ему т. н. мины-игрушки, сделанные в форме матрешек, которые, как они утверждают, советские летчики разбрасывают для того, чтобы убить и покалечить как можно больше юных афганцев.

Функция легитимации насилия

Подобные сюжеты, помимо ощущения опасности, порождали и чувство морального негодования. Тем самым реализуется функция легитимации насилия, которая предполагает изображение врага таким образом, чтобы оправдать негативные чувства к нему или даже уничтожение его: взрослые мужчины, убивающие детей, не заслуживают снисхождения.⁴ Неудивительно, что в советских и американских фильмах антагонисты, поднимающие руку на ребенка, несут справедливое наказание.

Образ детоубийцы связан с практиками дегуманизации — то есть полного или частичного отрицания человечности врага, — которая является распространенным приемом военной пропаганды. В модели дегуманизации Н. Хэслема отмечаются две ее формы: анималистская (animalistic) и механицистская (mechanistic), то есть уподобление представителей аутгруппы либо животным, либо машинам. Наделение об-

⁴ Приведем цитату из статьи в «Комсомольской правде» (1965), гневно осуждающей политику США во Вьетнаме: «Мать и дитя, извечный образ добра и красоты. За что они убили ребенка этой вьетнамской женщины? Ответ ей, Америка! Нет преступника страшнее, чем детоубийца. Нет гнуснее насильника, чем тот, кто поднял руку на женщину-мать» (цит. по: Вепрева, Уонг Минь Туан 2020, 358–359).

раза «чужих» такими чертами, как нецивилизованность, отсутствие морали, нехватка интеллектуальных способностей и образования, грубость, неспособность к самоконтролю, свойственно анималистской форме. Механицистская форма дегуманизации включает в себя лишение представителей аутгруппы таких характеристик, как воля, субъектность, индивидуальность, эмоциональность, теплота в межличностных отношениях, сострадание, гибкость мышления (Haslam 2006, 255–257). Соответственно, в анализируемых фильмах репрезентации насилия над ребенком выступают средством уподобления врага бесчувственной машине или дикому зверю.

Функция легитимации власти

«Свои», напротив, демонстрируют великодушное отношение к детям врага; но главная их роль состоит в том, что они являются надежными защитниками юных членов собственного сообщества. Показательно, что в роли защитников часто изображаются представители правоохранительных органов, спецслужб, вооруженных сил.

Так, в «Юнге со шхуны “Колумб”» показано, как контр-адмирал ВМФ СССР во время проведения важной операции по защите морских рубежей нашей Родины беспокоится еще и о том, удалось ли найти унесенных в открытое море советских детей. В «Красной планете Марс» адмирал Кэйри опекает сыновей супружеской пары американских ученых, отдавших жизнь в борьбе с коммунизмом.

Тем самым, подчеркнем, кинофильмы вносят вклад в легитимацию власти и социально-политического порядка. Власть и ее представители — самая надежная защита детей.

Легитимация власти предполагает оправдание проводимой ею внешней политики. Особого внимания заслуживает роль образа врага-детоубийцы в легитимации вмешательства во внутренние дела других государств: картины страданий детей используются в качестве оправдания гуманитарных интервенций. В кинотекст фильма «Зеленые береты» (реж. Дж. Вэйн, Р. Келлогг, М. Лерой, 1968), посвященного войне во Вьетнаме, введен образ вьетнамского мальчика, родителей которого убили «красные». Полковник Майк Кирби, роль которого исполняет Дж. Вэйн, берет мальчика под свое покровительство, выступая символом защиты. Очевидно, этот образ должен был помочь зрителю найти ответ на вопрос, что же делают американские войска в Юго-Восточной Азии —

сдерживают коммунизм, защищая не только свободу других стран, но и детей в этих странах.

Реализация данной функции связана с репрезентациями политической оппозиции как внутренних врагов и пособников врагов внешних. Внешний враг конструируется в том числе для внутривнутриполитической борьбы; при этом репрезентации внешних и внутренних «чужих» взаимосвязаны и взаимообусловлены. Показательно, что отмеченные черты внешнего врага, создаваемые при помощи символа детства, можно обнаружить и в репрезентациях внутренних «чужих».

Функция предсказания победы

Репрезентации врага как воюющего со слабыми, женщинами и детьми, позволяли представить его как лишенного не только благородства и милосердия, но также силы и храбрости. Функция предсказания победы предполагает обоснование собственного военного и морального превосходства и изображение врага слабым и уязвимым. Символическая демаскулинизация врага, как показал Дж. Голдстейн, является одной из востребованных практик военной пропаганды (Goldstein 2001). Обратим внимание на то, что она достигается в том числе при помощи сюжетов, в которых «свои» дети оказывались сильнее «чужих» взрослых. Кроме того, демонстрация готовности всех представителей сообщества «своих», включая детей, встать на борьбу призвана показать неизбежность поражения врага.

Поэтому, помимо кинообразов ребенка-жертвы, были востребованы и кинообразы ребенка-героя. В исследуемых кинофильмах дети одерживают победу благодаря моральным качествам, преданности своей стране, товариществу, смекалке, а нередко и военным навыкам. Наиболее яркий пример такого участия несовершеннолетних в боевых действиях холодной войны — американский фильм «Красный рассвет». Однако и советский кинематограф привлекал образы детей, участвующих в советско-американской конфронтации; чаще всего это были сюжеты, в которых дети помогали пограничникам обезвредить шпионов — как, например, в «Аквалангах на дне» (рис. 2). Значение имели и образы детей, которые демонстрировали верность тем идеалам, во имя которых шли сражения холодной войны; так, в фильме «Я был коммунистом для ФБР» школьник отказывается от общения с отцом, полагая, что тот является «красным».

Рис. 2. Кадр из фильма «Акваланги на дне» (Акваланги на дне 1965)

Символ детства и деконструкция образа врага

Наконец, необходимо отметить еще один аспект использования символа детства в создании образов «своих» и «чужих» — отношение к детям включалось в попытки своеобразной «регуманизации врага», возвращения противоположной стороне человеческого облика. Одним из наиболее известных случаев такой регуманизации в истории холодной войны является, наверное, песня Стинга «Русские» (1985), в которой высказывалась убежденность в том, что «русские тоже любят своих детей», что давало надежду на то, что атомной войны можно избежать.

Что касается кинематографа, то внимания заслуживает прежде всего фильм «Русские идут! Русские идут!» (реж. Н. Джуисон, 1966), который знаменовал собой начало разрядки в кинематографической холодной войне. По сюжету советская подлодка «Спрут» случайно подошла к острову у северо-восточного побережья США настолько близко, что села на мель. Часть экипажа отправилась на американскую территорию, чтобы найти буксир и снять подлодку с мели до того, как ее заметят американские военные. Хотя дело едва не дошло до вооруженного столкновения между моряками и жителями острова, все заканчивается благополучно, между ними устанавливаются теплые отношения, и «Спрут» уходит в море.

Режиссер включил в этот фильм несколько эпизодов, в которых акцентируется отношение советских моряков к детям — причем, подчеркнем, американским. Один из них происходит в финале картины. Капитан подлодки, подозревая жителей острова в том, что те захватили

его товарищей в плен, угрожает открыть огонь. Островитяне готовы начать ответную стрельбу. В этот момент американский мальчик, забравшийся на колокольню церкви, чтобы лучше видеть происходящее, сорвался, покатился по крыше и повис на коньке, каждую секунду рискуя упасть и разбиться. На помощь ребенку бросаются и советские моряки, и местные жители. То есть именно спонтанная, продиктованная не идеологией или трезвым расчетом, но самой человеческой природой, реакция на смертельную опасность, которая грозит ребенку, сближает советских и американских персонажей и помогает разрешить все недоразумения.

Как написала газета «Нью-Йорк Таймс», фильм вскрывает «фундаментальный факт, что, в конце концов, русские и американцы — люди, и потому их базовые качества одинаковы» (цит. по: Starck 2016, 176).

Заключение

Подведем итоги. Образ детства — значимый компонент советско-американской конфронтации, который нашел выражение и в кинематографе обеих стран. Способность символа детства вызывать сильнейшую эмоциональную реакцию обуславливает постоянный интерес к нему со стороны акторов символической политики.

Символ ребенка являлся одним из ресурсов создания кинообраза врага холодной войны, помогая реализовать его функции: укрепления позитивной коллективной идентичности, мобилизации, легитимации насилия, легитимации власти, предсказания победы.

Специфика холодной войны, в которой эмоции, представления, идеи, убеждения играли не менее значимую роль, чем состояние экономи-

ки или уровень боеспособности вооруженных сил, требовала вовлечения в противостояние двух блоков всего общества. Этим объясняется то обстоятельство, что среди кинообразов «воинов холодной войны», защищающих ценности советского или американского образов жизни, мы видим образы не только взрослых, но и детей.

Конструирование образа «врага номер один» предполагало создание картины тотальной инаковости; в данный образ были включены не только мужчины, но также женщины и дети противоположающейся стороны. Образы девиантности детства державы-антагониста были призваны свидетельствовать о девиантности ее социальной системы в целом.

Вместе с тем в силу тех значений, которые содержатся в символе детства, даже негативные детские персонажи были представлены в обеих кинематографиях скорее как жертвы противоположающейся и несправедливой социальной системы «врага номер один». Дети «врага» — это прежде всего дети. На материале кинообразов детства можно убедиться, что в советских фильмах «своим» приписывали те же добродетели, а «чужим» — те же пороки, что и в американских. Несмотря на то, что обе сверхдержавы представляли друг друга в качестве антиподов, базовые ценности СССР и США были гораздо ближе друг к другу, чем кажется. Это была не война двух миров, а, скорее, борьба в рамках

одной цивилизации и одного цивилизационного кода.

Что же касается различий, то обращает на себя внимание обилие положительных образов американских детей в советском кинематографе. Следует заметить, что сами по себе позитивные образы американцев в советской пропаганде не редкость. Важнейшим приемом изображения США было привлечение идеи «двух Америк»: «реакционной» и «прогрессивной». Обязательным компонентом фильмов о США было присутствие в них не только «плохих» американцев, но и «хороших». В число первых входили политики, «военщина», капиталисты, продажные журналисты, деятели церкви, ку-клукс-клановцы, в число вторых — коммунисты, борцы за мир, представители рабочего класса, афроамериканцы (Рябов 2012). При этом можно говорить о некоей «символической советизации» «хороших американцев»: по своим качествам и поступкам они были похожи на советских положительных героев (например, образ чернокожего американца Сэнди Робинсона из мультфильма «Полет на Луну» (реж. В. Брумберг, З. Брумберг, 1953)).

Сложнее объяснить те образы юных американцев, которые наделены позитивными чертами, но при этом по своим социальным характеристикам не принадлежат к «прогрессивной Америке» и отличаются от советских ровесников чертами характера. Так, Дэви Энсли

Рис. 3. Кадр из фильма «Последний дюйм» (Последний дюйм 1959)

из «Последнего дюйма» похож скорее на героев американских фильмов, культивирующих индивидуализм, чем на советских школьников-коллективистов; он справляется со сложной ситуацией в одиночку, спасая жизнь отцу (рис. 3). Образ Ральфа Барни из фильма «Попутного ветра, “Синяя птица”!» немного карикатурен — юный американец смешон в пренебрежительном отношении к девчонкам, его сознание отравлено шпионами, гангстерами и прочей голливудской чепухой; однако он оказывается надежным товарищем и настоящим героем, вступая в схватку с вооруженным наркодилером. И уж совсем

необъясним в логике холодной войны образ главного героя «Дорогого мальчика». Джордж Роб-Робсон — сын миллионера, наследник владельца фирмы по производству собачьих консервов, вполне типичен для американца с его культом насилия. Однако он становится настоящим другом для Жоры Тимохина, сына советского дипломата, вместе с которым он одерживает победу над похитившими их гангстерами.

Возможно, в этих образах юных американцев была выражена надежда на то, что в будущем отношения между народами станут лучше?

Источники

- Акваланги на дне.* (1965) Режиссер Евгений Шерстобитов. [Фильм]. СССР: Киностудия им. А. Довженко.
Деловые люди. (1962) Режиссер Леонид Гайдай. [Фильм]. СССР: Мосфильм.
Последний дюйм. (1959) Режиссеры Никита Курихин, Теодор Вульфович. [Фильм]. СССР: Ленфильм.

Литература

- Акопов, С. В., Прошина, Е. М. (2011) «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до концепции «далеких местных». *Власть*, № 1, с. 89–92.
- Белов, С. И., Жидченко, А. В. (2020) Образ фантомной угрозы для детей со стороны США в советском историческом кинематографе периода холодной войны. *Журнал политических исследований*, т. 4, № 1, с. 25–37. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-25-37>
- Вепрева, И. Т., Уонг Минь Туан. (2020) Стратегия позитивной медиатизации войны во Вьетнаме (по материалам «Правды» и «Комсомольской правды» 1965 г.). *Коммуникативные исследования*, т. 7, № 2, с. 351–364.
- Гудков, А. Д. (2005) Идеология врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции. В кн.: Н. Конрадова (ред.). *Образ врага*. М.: ОГИ, с. 7–79.
- Калатозов, М. (1952) Правда советского киноискусства в борьбе за мир. *Искусство кино*, № 1, с. 98–102.
- Кубышкин, А. И. (2019) Сакральные жертвы Холодной войны: дети как субъект / объект идеологической конфронтации и политической пропаганды. В кн.: Т. Б. Рябова, О. В. Рябов (ред.). *Символ детства в политике: от холодной войны к современности. Тезисы научной конференции*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 21–23.
- Окладникова, Е. А. (2020) Образ детства в политической рекламе в советской и современной России. *Комплексные исследования детства*, т. 2, № 1, с. 46–50. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2020-2-1-46-50>
- Рябов, О. В. (2012) «Мистер Джон Ланкастер Пек»: американская маскулинность в советском кинематографе Холодной войны (1946–1963). *Женщина в российском обществе*, № 4 (65), с. 44–57.
- Рябов, О. В. (2019а) Женщины нацистской Германии в зеркале советской карикатуры (на материале журнала «Крокодил»). *Уральский исторический вестник*, № 3 (64), с. 84–92. [https://www.doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3\(64\)-84-92](https://www.doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3(64)-84-92)
- Рябов, О. В. (2019б) Символ детства как ресурс создания образа врага (на материале кинематографа Холодной войны). В кн.: Т. Б. Рябова, О. В. Рябов (ред.). *Символ детства в политике: от холодной войны к современности. Тезисы научной конференции*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 30–33.
- Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2019) Образы детства и детей в символической политике. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, т. 15, № 3, с. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307>
- Смирнов, Д. Г. (2019) Детская метафора в кинематографе холодной войны: когнитивно-семиотический дискурс. *Комплексные исследования детства*, т. 1, № 4, с. 301–311. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2019-1-4-301-311>
- Федоров, А. В. (2017) *Отражения: Запад о России / Россия о Западе. Кинообразы стран и людей*. М.: Изд-во МОО «Информация для всех», 389 с.
- Чуковский, К. И. (1949) Растление американских детей. *Литературная газета*, № 83, с. 4.
- Шерстобитов, Е. Ф. (1965) *Акваланги на дне: Приключенческая повесть*. М.: Молодая гвардия, 191 с.
- Эрикссон, Э. (1996) *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс, 344 с.
- Юдин, К. А. (2020) Контроль над детством по-американски: семейный кинематограф США в период «холодной войны». *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, № 2, с. 68–80.

- Aho, J. A. (1994) *This thing of darkness: A sociology of the enemy*. Seattle: University of Washington Press, 224 p.
- Barth, F. (1969) Introduction. In: F. Barth (ed.). *Ethnic groups and boundaries: The social organisation of culture difference*. Bergen: Universitets Forlaget Publ., pp. 9–38.
- Goldstein, J. S. (2001) *War and gender: How gender shapes the war system and vice versa*. Cambridge: Cambridge University Press, 496 p.
- Harle, V. (2000) *The Enemy with a thousand faces: The tradition of the other in western political thought and history*. Westport: Praeger Publ., 218 p.
- Haslam, N. (2006) Dehumanization: An integrative review. *Personality and Social Psychology Review*, vol. 10, no. 3, pp. 252–264. https://www.doi.org/10.1207/s15327957pspr1003_4
- Hendershot, C. (2001) *I was a Cold War monster: Horror films, eroticism, and the Cold War imagination*. Bowling Green: Bowling Green State University Popular Press, 162 p.
- Holt, M. I. (2014) *Cold War kids: Politics and childhood in postwar America, 1945–1960*. Lawrence: University Press of Kansas, 214 p.
- Keen, S. (1986) *Faces of the enemy: Reflections of the hostile imagination*. San Francisco: Harper & Row Publ., 199 p.
- Kelly, C. (2007) *Children's world: Growing up in Russia, 1890–1991*. New Haven; London: Yale University Press, 714 p.
- Ketchum, R. M., Kirk, G., Traurig, R. (1955) *What is Communism?* New York: E. P. Dutton Publ., 192 p.
- Kevill-Davies, H. (2018) Children crusading against Communism: Mobilizing boys as citizen soldiers in the early Cold War state. *Rhetoric and Public Affairs*, vol. 21, no. 2, pp. 235–278. <https://doi.org/10.14321/rhetpublaffa.21.2.0235>
- May, E. T. (1988) *Homeward bound: American families in the Cold War Era*. New York: Basic Books Publ., 284 p.
- Oppenheimer, L. (2006) The development of enemy images: A theoretical contribution. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, vol. 12, no. 3, pp. 269–292. https://doi.org/10.1207/s15327949pac1203_4
- Peacock, M. (2014) *Innocent weapons: The Soviet and American politics of childhood in the Cold War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 286 p.
- Rieber, R. W., Kelly, R. J. (1991) Substance and shadow: Images of the enemy. In: R. W. Rieber (ed.). *Psychology of war and peace: The image of the enemy*. Boston: Springer Publ., pp. 3–39. https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0747-9_1
- Sharp, J. P. (2000) *Condensing the Cold War. Reader's digest and American identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 207 p.
- Shaw, T. (2007) *Hollywood's Cold War*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 336 p.
- Shaw, T., Youngblood, D. J. (2010) *Cinematic Cold War: The American and Soviet struggle for hearts and minds*. Lawrence: University Press of Kansas, 301 p.
- Starck, K. (2016) *Of treason, God and testicles: Political masculinities in British and American films of the early Cold War*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 231 p.

Sources

- Akvalangi na dne [Scubas on the seabed]*. (1965) Directed by Evgeniy Sherstobitov. [Film]. USSR: Dovzhenko Film Studios.
- Delovye lyudi [Businessmen]*. (1962) Directed by Leonid Gaidai. [Film]. USSR: Mosfil'm.
- Poslednij dyujm [Last inch]*. (1959) Directed by Nikita Kurikhin and Theodor Vulfovich. [Film]. USSR: Lenfil'm.

References

- Aho, J. A. (1994) *This thing of darkness: A sociology of the enemy*. Seattle: University of Washington Press, 224 p. (In English)
- Akopov, S. V., Proshina, E. V. (2011) “Neokonchennoe prikluchenie” obraza vruga: ot teorii sek'yuritizatsii do kontseptsii “dalekikh mestnykh” [The unfinished adventure of the image of the enemy: From the theory of securitization to the concept of “far-away locals”]. *Vlast' — The Authority*, no. 1, pp. 89–92. (In Russian)
- Barth, F. (1969) Introduction. In: F. Barth (ed.). *Ethnic groups and boundaries: The social organisation of culture difference*. Bergen: Universitets Forlaget Publ., pp. 9–38. (In English)
- Belov, S. I., Zhidchenko, S. I. (2020) Obraz fantomnoj ugrozy dlya detei so storony SShA v sovetskom istoricheskom kinematografe perioda kholodnoi vojny [The image of the phantom threat to children by the United States in Soviet historical cinema of the Cold War period]. *Zhurnal politicheskikh issledovanij — Journal of Political Research*, vol. 4, no. 1, pp. 25–37. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-25-37> (In Russian)
- Chukovsky, K. I. (1949) Rastlenie amerikanskikh detej [Destroying American children]. *Literaturnaya gazeta*, no. 83, p. 4. (In Russian)
- Erikson, E. (1996) *Identity: Youth and crisis*. Moscow: Progress Publ., 344 p. (In Russian)
- Fedorov, A. V. (2017) *Otrazheniya: Zapad o Rossii / Rossiya o Zapade. Kinoobrazy stran i liudej [Reflections: The West about Russia / Russia about the West. Film images of people and countries]*. Moscow: ICO Information for All, 389 p. (In Russian)

- Goldstein, J. S. (2001) *War and gender: How gender shapes the war system and vice versa*. Cambridge: Cambridge University Press, 496 p. (In English)
- Gudkov, L. D. (2005) Ideologema vruga. "Vragi" kak massovyy sindrom i mekhanizm sotsiokultur'noj integratsii [Ideologeme of the "enemy": "Enemies" as a mass syndrome and a mechanism of sociocultural integration]. In: N. Konradova (ed.). *Obraz vruga [Enemy image]*. Moscow: OGI Publ., pp. 7–79. (In Russian)
- Harle, V. (2000) *The Enemy with a thousand faces: The tradition of the other in western political thought and history*. Westport: Praeger Publ., 218 p. (In English)
- Haslam, N. (2006) Dehumanization: An integrative review. *Personality and Social Psychology Review*, vol. 10, no. 3, pp. 252–264. https://www.doi.org/10.1207/s15327957pspr1003_4 (In English)
- Hendershot, C. (2001) *I was a Cold War monster: Horror films, eroticism, and the Cold War imagination*. Bowling Green: Bowling Green State University Popular Press, 162 p. (In English)
- Holt, M. I. (2014) *Cold War kids: Politics and childhood in postwar America, 1945–1960*. Lawrence: University Press of Kansas, 214 p. (In English)
- Kalatozov, M. (1952) Pravda sovetskogo kinoiskusstva v bor'be za mir [Truth of Soviet cinema in the struggle for peace]. *Iskusstvo kino*, no. 1, pp. 98–102. (In Russian)
- Keen, S. (1986) *Faces of the enemy: Reflections of the hostile imagination*. San Francisco: Harper & Row Publ., 199 p. (In English)
- Kelly, C. (2007) *Children's world: Growing up in Russia, 1890–1991*. New Haven; London: Yale University Press, 714 p. (In English)
- Ketchum, R. M., Kirk, G., Traurig, R. (1955) *What is Communism?* New York: E. P. Dutton Publ., 192 p. (In English)
- Kevill-Davies, H. (2018) Children crusading against Communism: Mobilizing boys as citizen soldiers in the early Cold War state. *Rhetoric and Public Affairs*, vol. 21, no. 2, pp. 235–278. <https://doi.org/10.14321/rhetpublaffa.21.2.0235> (In English)
- Kubyshevskiy, A. I. (2019) Sakral'nye zhertvy Kholodnoy vojny: deti kak sub'ekt / ob'ekt ideologicheskoy konfrontatsii i politicheskoy propagandy [The Cold war sacral victims: The children as the subject / object of the confrontation in ideology and in political propaganda]. In: T. B. Ryabova, O. V. Ryabov (eds.). *Simvol detstva v politike: ot kholodnoy vojny k sovremennosti. Tezisy nauchnoy konferentsii [Childhood symbol in politics: From the Cold War to the present. Scientific conference abstracts]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 21–23. (In Russian)
- May, E. T. (1988) *Homeward bound: American families in the Cold War Era*. New York: Basic Books Publ., 284 p. (In English)
- Okladnikova, E. A. (2020) Obraz detstva v politicheskoy reklame v sovetskoj i sovremennoj Rossii [The image of childhood in political advertising in Soviet and modern Russia]. *Kompleksnyye issledovaniya detstva — Comprehensive Child Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 46–50. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2020-2-1-46-50> (In Russian)
- Oppenheimer, L. (2006) The development of enemy images: A theoretical contribution. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, vol. 12, no. 3, pp. 269–292. https://doi.org/10.1207/s15327949pac1203_4 (In English)
- Peacock, M. (2014) *Innocent weapons: The Soviet and American politics of childhood in the Cold War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 286 p. (In English)
- Riabov, O. V. (2012) "Mister Dzhon Lankaster Pek": amerikanskaya maskulinnost' v sovetskom kinematografe Kholodnoy vojny (1946–1963) ["Mr. John Lancaster Peck": American masculinity in Soviet Cold War cinema (1946–1963)]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve — Woman in Russian Society*, no. 4 (65), pp. 44–57. (In Russian)
- Riabov, O. V. (2019a) Zhenshchiny natsistskoj Germanii v zerkale sovetskoj karikatury (na materiale zhurnala "Krokodil") [Women of Nazi Germany in the mirror of the Soviet caricatures (on the materials of the "Crocodile" magazine)]. *Ural'skij istoricheskij vestnik — Ural Historical Journal*, no. 3 (64), pp. 84–92. [https://www.doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3\(64\)-84-92](https://www.doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3(64)-84-92) (In Russian)
- Riabov, O. V. (2019b) Simvol detstva kak resurs sozdaniya obraza vruga (na materiale kinematografa Kholodnoy vojny) [The symbol of childhood as a resource of constructing the image of the enemy (on the materials of the Cold War cinema)]. In: T. B. Ryabova, O. V. Ryabov (eds.). *Simvol detstva v politike: ot kholodnoy vojny k sovremennosti. Tezisy nauchnoy konferentsii [Childhood symbol in politics: From the Cold War to the present. Scientific conference abstracts]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 30–33. (In Russian)
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2019) Obrazy detstva i detej v simbolicheskoy politike [The images of childhood and children in the symbolic politics]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS — Political Expertise: POLITEKS*, vol. 15, no. 3, pp. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307> (In Russian)
- Rieber, R. W., Kelly, R. J. (1991) Substance and shadow: Images of the enemy. In: R. W. Rieber (ed.). *Psychology of war and peace: The image of the enemy*. Boston: Springer Publ., pp. 3–39. https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0747-9_1 (In English)
- Sharp, J. P. (2000) *Condensing the Cold War. Reader's digest and American identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 207 p. (In English)
- Shaw, T. (2007) *Hollywood's Cold War*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 336 p. (In English)

- Shaw, T., Youngblood, D. J. (2010) *Cinematic Cold War: The American and Soviet struggle for hearts and minds*. Lawrence: University Press of Kansas, 301 p. (In English)
- Sherstobitov, E. F. (1965) *Akvalangi na dne: Priklyuchencheskaya povest' [Scubas on the seabed: An adventure story]*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 191 p. (In Russian)
- Smirnov, D. G. (2019) Detskaya metafora v kinematografe kholodnoj vojny: kognitivno-semioticheskij diskurs [Childhood metaphors in Cold War cinematography: Cognitive-semiotic discourse]. *Kompleksnye issledovaniya detstva — Comprehensive Child Studies*, vol. 1, no. 4, pp. 301–311. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2019-1-4-301-311> (In Russian)
- Starck, K. (2016) *Of treason, God and testicles: Political masculinities in British and American films of the early Cold War*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 231 p. (In English)
- Vepreva, I. T., Uong Minh Tuan. (2020) Strategiya pozitivnoj mediatizatsii vojny vo V'etname (po materialam "Pravdy" i "Komsomol'skoj pravdy" 1965 g.) [Strategy of positive mediatization of war in Vietnam (based on newspapers "Pravda" and "Komsomol'skaya Pravda", 1965)]. *Kommunikativnye issledovaniya — Communication Studies*, vol. 7, no. 2, pp. 351–364. (In Russian)
- Yudin, K. A. (2020) Kontrol' nad detstvom po-amerikanski: semejnij kinematograf SShA v period "kholodnoj vojny" [Control of childhood in the American family cinema during the "Cold War"]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki — Ivanovo State University Bulletin. Series The Humanities*, no. 2, pp. 68–80. (In Russian)

УДК 740

<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-82-87>

Самопрезентация детей в цифровой среде. Литературный обзор

А. Д. Ковшенин^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Алексей Дмитриевич Ковшенин, ORCID: [0000-0003-3136-1274](https://orcid.org/0000-0003-3136-1274), e-mail: kowschenin.alexei@yandex.ru

Для цитирования: Ковшенин, А. Д. (2021) Самопрезентация детей в цифровой среде. Литературный обзор. *Комплексные исследования детства*, т. 3, № 1, с. 82–87. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-82-87>

Получена 14 ноября 2020; прошла рецензирование 30 ноября 2020; принята 1 декабря 2020.

Права: © Автор (2021). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Ключевые слова: литературный обзор, самопрезентация, дети, цифровая среда, сеть Интернет.

Self-presentation of children in the digital environment. Literary review of research articles on the topic

A. D. Kowschenin^{✉1}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Alexey D. Kowschenin, ORCID: [0000-0003-3136-1274](https://orcid.org/0000-0003-3136-1274), e-mail: kowschenin.alexei@yandex.ru

For citation: Kowschenin, A. D. (2021) Self-presentation of children in the digital environment. Literary review of research articles on the topic. *Comprehensive Child Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 82–87. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-82-87>

Received 14 November 2020; reviewed 30 November 2020; accepted 1 December 2020.

Copyright: © The Author (2021). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Keywords: literature review, self-presentation, children, digital environment, internet.

Введение

В современном мире глобализации и широкодоступного интернета все больше число площадок для виртуального общения. Следовательно, социализация современного подрастающего поколения становится все более технологичной и обособленной от реального мира. Данная тенденция прослеживается с зарождения интернета, а в нашей стране стала актуальной в начале двухтысячных.

Данная тенденция не могла не заинтересовать исследователей по всему миру, и с начала нулевых ежегодно появляется множество работ

отечественных и зарубежных авторов, которые отражают разные аспекты проблематики самопрезентации современного человека в сети Интернет.

В данной работе поставлена цель выявить основные подходы к освещению проблематики самопрезентации в интернете и проанализировать наиболее значимые исследования. Особый акцент сделан на самопрезентации подростков — наиболее активной группы, ищущей социальных контактов. Известно, что более 80% подростков называют именно интернет-коммуникации наиболее значимыми для поддержания общения (Valkenburg, Peter 2007).

Рассмотрение подходов к исследованию

Сейчас социальные сети позволяют своим пользователям получать и передавать доступ к огромному количеству информации, как вербальной, так и невербальной. Именно эти механизмы направлены на самопрезентацию как таковую и предоставляют возможность создать максимально разносторонний образ личности (Собкин 2016).

Данный феномен по сути сам по себе представляет исключительную исследовательскую ценность, и, как мы увидим далее, достаточно широко освещается в исследованиях авторов. При этом наиболее существенным является его опосредованное влияние на формат постановки исследовательских задач.

Вариативность самопрезентаций и их широкое многообразие при невозможности идентифицировать достоверность изложенных фактов, наличие искажений и причин этих искажений сформировали несколько самобытных подходов к исследованию особенностей самопрезентации подростков в интернете. Основными подходами в изучении процесса самопрезентации в сети Интернет можно назвать следующие течения:

- 1) Психологический подход связан с рассмотрением самопрезентации как естественного процесса поведения человека, отражающего его внутренний мир, что предполагает поиск взаимосвязи содержания самопрезентации с психологическими особенностями человека вне сети Интернет. Данный подход нашел свое отражение как в отечественных, так и зарубежных научных работах И. Гоффмана, Р. Аркина, Э. Джонса, М. Вейголда, Р. Баумейстера, Б. Шленкера, Н. В. Амяга, Е. В. Зинченко, О. А. Пикулевой, Е. А. Петровой, И. С. Шевченко, И. П. Шкуратовой.
- 2) Социологический подход предполагает рассмотрение самопрезентации с точки зрения социологической науки, то есть не связан с изучением конкретных черт личности, но вписывает самопрезентацию в социальный контекст. У этого подхода есть и практическая составляющая, поскольку отдельные прорывные технологии, предлагаемые в самопрезентациях могут использоваться в дальнейшем в других областях, например в маркетинге. В этом направлении наиболее известны работы А. Давыдова, Т. Дридзе, В. Шакшиной и многих других.

Исследование компонентов, составляющих самопрезентации

Основой изучения цифровых самопрезентаций является классическое исследование И. Джонса и Т. Питтмана. В своей работе они выделили пять стратегий самопрезентации (Jones, Pittman 1982):

- 1) Заискивание (ingratiation) — стратегия, в которой индивид всеми путями старается понравиться другому человеку в Сети.
- 2) Запугивание (intimidation) — стратегия, при которой человек старается сделать вид, что он опасен.
- 3) Самопродвижение (self-promotion) — стратегия, применение которой обеспечивает демонстрацию компетенций в том или ином вопросе.
- 4) Пояснение примером (exemplification) — стратегия, при которой индивид намеревается выглядеть честным и открытым, используя такие тактики, как пренебрежение собственными интересами, борьбу за «правое» дело, оказание помощи.
- 5) Просьба (supplication) — стратегия, представляющая человека слабым в глазах других.

Согласно рассуждениям авторов, данная классификация стратегий самопрезентации основана на целях и тактиках, которые используют люди в общении с окружающими. По их мнению, самопрезентация позволяет человеку использовать различные источники власти, расширяя и поддерживая влияние в межличностных отношениях (Jones, Pittman 1982).

Более поздние исследования сосредоточены на сравнении составляющих классических самопрезентаций и их интернет-аналогов. Из всего многообразия представленных исследований хотелось бы рассмотреть одно из наиболее актуальных на данный момент — исследование В. В. Федорова (Федоров 2020).

В этой работе была выдвинута гипотеза о существовании структурных различий в онлайн- и офлайн-самопрезентациях подростков. Для ее обоснования было проведено исследование, которое разделилось на шесть этапов. В результате удалось обнаружить ряд факторов, характеризующих особенности самопрезентации подростков.

Было выявлено, что компоненты цифровой самопрезентации (дружелюбность, враждебность, талантливость и оригинальность, популярность и робость) имеют смысловые сходства с известными типами самопрезентаций в отечественных и зарубежных классификациях.

Однако они имеют существенные содержательные отличия. Автор утверждает, что в реальном общении структурные компоненты чередуются так: дружелюбность, враждебность, талантливость и оригинальность, популярность, робость. При этом в интернете меняются местами популярность (она поднимается выше) и талантливость и оригинальность (они опускаются ниже) (Федоров 2020).

Таким образом, мы можем констатировать, что на данный момент основной тенденцией состава интернет-самопрезентации являются те же ключевые элементы, что и в классической самопрезентации, которые, однако, имеют другую структурную последовательность.

Данный тезис нашел подтверждение в работах других авторов. Так, в работе «Социальные сети как пространство самоидентификации детей» исследователи приходят к выводу, что в социальных сетях чаще всего встречаются стратегии «самопродвижение» и «пояснение примером». Данный феномен основан на том факте, что основная особенность самопрезентации состоит в возможности управления впечатлением о себе, что соответствует целям этих двух стратегий и являются отражением поведения многих пользователей подросткового возраста (Максимова, Шандрик 2016). Этот вывод подводит нас к следующей обширной исследовательской области.

Исследования достоверности и вариативности самопрезентаций

В отношении достоверности и вариативности одной из основных является работа В. В. Хороших и Е. Б. Чарыковой «Факторы вариативности виртуальной самопрезентации подростков» (2017). Ими было проведено изучение вариативности самопрезентации подростков в сети Интернет. Были выявлены различия между классическими и интернет-презентациями и сделаны следующие выводы:

- 1) Для подростка важно, как его воспринимают другие люди, ему важно выделяться из безликой толпы.
- 2) Ключевая особенность интернет-презентации — полная власть в управлении информацией о себе.
- 3) Эти факторы склоняют подростков к социализации в интернете, а не в реальности, где все характеристики очевидны.
- 4) Эти факторы приводят к большему искажению информации о себе подростками, чем, например, пользователями юношеского возраста.

Авторы утверждают, что образ Я в интернете подростки чаще выставляют с лучшей стороны, акцентируя позитивные и социально одобряемые черты личности (Хороших, Чарыкова 2017).

Вопрос малой достоверности подростковых самопрезентаций исследуется как в отечественных, так и в зарубежных научных кругах. Данный феномен, а также механизмы его появления, основанные на «экспериментах» самоидентичности, встречаются в более ранних исследованиях иностранных авторов. Наиболее явными мотивами данного процесса являются самообследование (наблюдения за реакцией других), социальная компенсация и социальное содействие (формирование отношений) (Valkenburg, Schouten, Peter 2005).

Подростковый возраст имеет решающее значение для развития самосознания, создания идентичности и самоопределения. В работе «Влияние электронной коммуникации на установление межличностных отношений и формирование идентичности подростков» авторы приходят к выводу о том, что социализация подростков в интернете является результатом естественного процесса самоидентификации. При этом утверждается, что современные медиатехнологии в значительной степени влияют на формирование идентичности подрастающего поколения (Романова, Молчанова 2019).

Изучение замены классической социализации

В статье М. К. Карповой и М. А. Мониной «Социальные сети как особый канал самопрезентации подростков» 2018 года были описаны особенности поведения детей и подростков в социальных сетях. Был сделан вывод, что из-за высокой ценности, которую придают общению со сверстниками подростки, влияние традиционных институтов социализации (семьи и школы) снижено. Если в 1990-х и даже в начале 2000-х годов было много различных неофициальных молодежных групп с их субкультурными характеристиками, на которые ориентировались подростки, то сейчас наиболее важным институтом социализации стал интернет и социальные сети (Карпова, Мониная 2018).

Именно социальные сети составляют основное пространство, за счет которого происходит расширение социальной среды подростков. Сейчас «уличная социализация» сменилась информационной, или «цифровой». Сегодня социальные сети стали местом социальных процессов, характеризующих саму суть переходного

го возраста, представленную значимостью взаимодействия со сверстниками (Карпова, Моница 2018).

Социальные сети для подростка являются зоной независимости от взрослых и в то же время дают ощущение, что там можно действовать и наслаждаться свободой в выборе форм общения и того, что должно быть выражено.

Все это соответствует результатам изучения социальных сетей немецких подростков в возрасте от 10 до 17 лет. Было выявлено, что проблемное поведение в интернете не имеет выраженного возрастного спектра, а зависит исключительно от психологического состояния респондента. Однако исследователи приходят к практическим выходам из «девиантного» интернет-поведения. Согласно результатам исследования, более взрослым респондентам требовались высокие навыки саморегулирования в Сети, чтобы предотвратить ее проблемное использование (Ostendorf, Wegmann, Brand 2020).

Также М. Вэлрейв и В. Хейрман описали влияние интернета и социальных сетей на самоопределение ребенка. Была проделана существенная исследовательская работа, включающая 14 тестовых методик и авторскую анкету. Оказалось, что личность с яркой виртуальной самопрезентацией в реальной жизни может находиться в кризисном состоянии, характеризующемся широким спектром негативных проявлений. Также у этих подростков выявлены затруднения в коммуникативной и эмоциональной сферах (Walrave, Heirman 2011).

Именно эти особенности социальных сетей дают основание оценить их как территорию рисков, связанных с отсутствием социального контроля.

Однако помимо неоспоримых рисков интернет-социализация имеет и многие плюсы. Например, в итальянских школах исследовали социальные изменения у подростков, использующих социальные платформы третьей волны (построенных на визуальной информации). Авторы приходят к выводу, что Instagram, SnapChat и другие подобные социальные сети снижают ощущение одиночества из-за большей близости, которую они предлагают посетителям (Cipolletta et al. 2020).

Все это позволяет говорить о том, что интернет-самопрезентации не только исходят из личностных характеристик подростка, но и влияют на формирование его личности. Так, в уже упоминавшемся исследовании М. К. Карповой и М. А. Мониной авторы приходят к выводу, что результатом активного участия в сетевом общении является своеобразная адаптация

(«приобретение способности быть толстокожим») к актам агрессии в сети (Карпова, Моница 2018).

Данный факт, хоть и опосредованно, доказывает неоднозначность роли интернет-самопрезентации в личностном росте подростка.

В исследовании М. Морено было показано влияние аффордансового метода построения информации (создающего возможности) социальных платформ на подростковую самопрезентацию и социализацию. В ходе изучения влияния функционального платформенного пространства на самовыражение подростков в сети Интернет автор приходит к выводу, что аффорданс-явления социальных сетей, открывающие безграничные возможности, напрямую влияют на самопрезентации подростков, их развитие в ходе интернет-социализации (Moreno, Uhls 2019).

Исследования причин различия цифровых и реальных самопрезентаций

Исследование социальных мотивов различия классических и интернет-самопрезентаций рассматривается большим количеством авторов. Особенно выделяются в этом плане негативные аспекты интернет-самопрезентации, а также исследования причин «отрицательного» поведения подростков в Сети.

Можно выделить работу, в которой описывается исследование, показывающее влияние социальных сетей на самопрезентацию ребенка подросткового возраста (Sobkin, Fedotova 2019). Результаты исследования позволяют сделать следующие основные выводы.

На особенности самопрезентации подростка в интернете значимое влияние оказывают как социально-психологические (статус в классе, оценка своих жизненных перспектив), так и гендерные и возрастные факторы.

Сетевое общение подростка зависит главным образом от реальных социальных отношений и ролей, которые он играет в школе, а потому существующие конфликты продолжаются и в сетевом общении. Пространство сетевого общения оказывается зоной участия в процессах, связанных с борьбой за социальный статус, которая началась в реальном взаимодействии с одноклассниками.

В работе была установлена связь между ориентацией на деструктивное поведение («провокация») и сниженной чувствительностью к ответу в виде возможных агрессивных реакций (Sobkin, Fedotova 2019).

Еще в одном исследовании были описаны негативные последствия социальных сетей на самопрезентацию ребенка. По данным работы, подростки, которые создавали более эмоционально насыщенные интернет-презентации, характеризуются крайне негативным психическим состоянием, что проявляется в высоком эмоциональном тоне, беспокойстве, навязчивости, депрессии, враждебности, фобиях, параноидальном состоянии, психотизме. Все это не позволяет им решать проблемы в реальной жизни, наблюдаются трудности в коммуникативной и эмоциональной сферах таких респондентов (Susan, Kapidzic 2015).

На интернет-самопрезентацию влияют также и другие факты. Так, ценности, заложенные вне виртуального мира, играют большую роль в особенностях самопрезентации в подростковом возрасте. Была проведена попытка интерпретации данных, полученных с помощью метода data mining. В результате сделан вывод о главенствующей роли традиционных семейных

ценностей при формировании жизненной позиции, что косвенно влияет на социализацию в цифровой среде, а также идентичность в подростковом возрасте (Зинченко, Шайгерова, Шилко и др. 2018).

Заключение

Таким образом, современная интернет-среда, являясь социальной «виртуальной» средой, позволяет исследователям в полной мере изучать различные аспекты интернет-самопрезентации. Понимание особенностей интернет-самопрезентации позволяет расширить классические инструментарию исследования особенностей подросткового возраста, в частности социализацию современных подростков. Тема, несмотря на практически двадцатилетнее изучение, является настолько комплексной и структурно сложной, что требует дальнейших исследований.

Литература

- Зинченко, Ю. П., Шайгерова, Л. А., Шилко, Р. С. и др. (2018) Исследование идентичности подростков, воспитывающихся в современной российской семье: возможности глубинного анализа данных (Data mining). В кн.: *Психологические проблемы современной семьи: сборник материалов VIII международной научно-практической конференции (3–6 октября 2018 г.)*. Екатеринбург: б. и., с. 12–21.
- Карпова, М. К., Моница, М. А. (2018) Социальные сети как особый канал самопрезентации индивида. *Наука. Общество. Государство*, т. 6, № 1 (21), с. 158–167.
- Максимова, О. А., Шандрик, Е. О. (2016) Социальные сети как пространство самоидентификации молодежи. *Вестник экономики, права и социологии*, № 4, с. 246–248.
- Романова, Е. Н., Молчанова, Т. Ю. (2019) Влияние электронной коммуникации на установление межличностных отношений и формирование идентичности подростков. *Перспективы науки*, № 2 (113), с. 119–122.
- Собкин, В. С. (2016) Современный подросток в социальных сетях. *Педагогика*, № 8, с. 61–72.
- Федоров, В. В. (2020) Структура самопрезентации подростков в реальном общении и социальных сетях. *Социальная психология и общество*, т. 11, № 1, с. 180–192. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2020110111>
- Хороших, В. В., Чарыкова, Е. Б. (2017) Факторы вариативности виртуальной самопрезентации подростков. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*, т. 19, с. 103–112.
- Cipolletta, S., Malighetti, C., Cenedese, C., Spoto, A. (2020) How can adolescents benefit from the use of social networks? The iGeneration on Instagram. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 19, article 6952. <https://doi.org/10.3390/ijerph17196952>
- Jones, E. E., Pittman, T. S. (1982) Toward a general theory of strategic self-presentation. In: J. Suls (ed.). *Psychological perspective on the self. Vol. 1*. Hillsdale: Erlbaum Publ., pp. 231–262.
- Moreno, M. A., Uhls, Y. T. (2019) Applying an affordances approach and a developmental lens to approach adolescent social media use. *Digital Health*, vol. 5, pp. 1–6. <https://www.doi.org/10.1177/2055207619826678>
- Ostendorf, S., Wegmann, E., Brand, M. (2020) Problematic social-networks-use in German children and adolescents — the interaction of need to belong, online self-regulative competences, and age. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 7, article 2518. <https://doi.org/10.3390/ijerph17072518>
- Sobkin, V. S., Fedotova, A. V. (2019) Teenagers in social networks: Patterns of usage and aggressiveness. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 12, no. 9, pp. 1733–1752. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0480>
- Susan, C. H., Kapidzic, S. (2015) Teens, gender, and self-presentation in social media. In: J. D. Wright (ed.). *International encyclopedia of social and behavioral sciences*. 2nd ed. Oxford: Elsevier Publ., pp. 146–152. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.64108-9>
- Valkenburg, P. M., Peter, J. (2007) Preadolescents' and adolescents' online communication and their closeness to friends. *Developmental Psychology*, vol. 43, no. 2, pp. 267–277. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.43.2.267>

- Valkenburg, P. M., Schouten, A. P., Peter, J. (2005) Adolescents' identity experiments on the internet. *New Media & Society*, vol. 7, no. 3, pp. 383–402. <https://doi.org/10.1177/1461444805052282>
- Walrave, M., Heirman, W. (2011) Cyberbullying: Predicting victimisation and perpetration. *Children & Society*, vol. 25, no. 1, pp. 59–72. <https://doi.org/10.1111/j.1099-0860.2009.00260.x>

References

- Cipolletta, S., Malighetti, C., Cenedese, C., Spoto, A. (2020) How can adolescents benefit from the use of social networks? The iGeneration on Instagram. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 19, article 6952. <https://doi.org/10.3390/ijerph17196952> (In English)
- Fedorov, V. V. (2020) Stryktyra samoprezentatsii podrostkov v real'nom obshchenii i sotsialnykh setyakh [The structure of self-presentation of adolescents in real communication and social networks]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, vol. 11, no. 1, pp. 180–192. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2020110111> (In Russian)
- Jones, E. E., Pittman, T. S. (1982) Toward a general theory of strategic self-presentation. In: J. Suls (ed.). *Psychological perspective on the self. Vol. 1*. Hillsdale: Erlbaum Publ., pp. 231–262. (In English)
- Karpova, M. K., Monina, M. A. (2018) Sotsialnye seti kak osobyj kanal samoprezentatsii individa [Social networks as a special channel for self-presentation of an individual]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo — Science. Society. State*, vol. 6, no. 1 (21), pp. 158–167. (In Russian)
- Khoroshikh, V. V., Charykova, E. B. (2017) Faktory variativnosti virtual'noj samoprezentatsii podrostkov [Aspects of variation of adolescents' virtual self-presentation]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya — The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology*, vol. 19, pp. 103–112. (In Russian)
- Maksimova, O. A., Shandrik, E. O. (2016) Sotsialnye seti kak prostranstvo samoidentifikatsii molodezhi [Social networks as a self-identification space for youth]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii — The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 4, pp. 246–248. (In Russian)
- Moreno, M. A., Uhls, Y. T. (2019) Applying an affordances approach and a developmental lens to approach adolescent social media use. *Digital Health*, vol. 5, pp. 1–6. <https://www.doi.org/10.1177/2055207619826678> (In English)
- Ostendorf, S., Wegmann, E., Brand, M. (2020) Problematic social-networks-use in German children and adolescents — the interaction of need to belong, online self-regulative competences, and age. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 7, article 2518. <https://doi.org/10.3390/ijerph17072518> (In English)
- Romanova, E. N., Molchanova, T. Yu. (2019) Vliyanie elektronnoj kommunikatsii na ustanovlenie mezhlichnostnykh otnoshenij i formirovanie identichnosti podrostkov [The effect of electronic communication on the setting of interpersonal relations and the formation of adolescent's' identity]. *Perspektivy nauki — Science Prospects*, no. 2 (113), pp. 119–122. (In Russian)
- Sobkin, V. S. (2016) Sovremennyy podrostok v sotsial'nykh setyakh [The modern teenager on social networks]. *Pedagogika*, no. 8, pp. 61–72. (In Russian)
- Sobkin, V. S., Fedotova, A. V. (2019) Teenagers in social networks: Patterns of usage and aggressiveness. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 12, no. 9, pp. 1733–1752. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0480> (In English)
- Susan, C. H., Kapidzic, S. (2015) Teens, gender, and self-presentation in social media. In: J. D. Wright (ed.). *International encyclopedia of social and behavioral sciences*. 2nd ed. Oxford: Elsevier Publ., pp. 146–152. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.64108-9> (In English)
- Valkenburg, P. M., Peter, J. (2007) Preadolescents' and adolescents' online communication and their closeness to friends. *Developmental Psychology*, vol. 43, no. 2, pp. 267–277. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.43.2.267> (In English)
- Valkenburg, P. M., Schouten, A. P., Peter, J. (2005) Adolescents' identity experiments on the internet. *New Media & Society*, vol. 7, no. 3, pp. 383–402. <https://doi.org/10.1177/1461444805052282> (In English)
- Walrave, M., Heirman, W. (2011) Cyberbullying: Predicting victimisation and perpetration. *Children & Society*, vol. 25, no. 1, pp. 59–72. <https://doi.org/10.1111/j.1099-0860.2009.00260.x> (In English)
- Zinchenko, Yu. P., Shaigerova, L. A., Shilko, R. S. et al. (2018) Issledovanie identichnosti podrostkov, vospityvayushchikhsya v sovremennoj rossijskoj sem'e: vozmozhnosti glubinnogo analiza dannykh (Data mining) [The study of the identity of adolescents' upbringing in a modern Russian family: The prospects of data mining]. In: *Psikhologicheskie problemy sovremennoj sem'i: sbornik materialov VIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (3–6 oktyabrya 2018 g.) [Psychological problems of the modern family: Collection of materials of the VIII International scientific and practical conference (3–6 October 2018)]*. Yekaterinburg: s. n., pp. 12–21. (In Russian)